

"О магах-отступниках и таинственных ритуалах"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Елена Звездная

О МАГАХ-ОТСТУПНИКАХ И ТАИНСТВЕННЫХ РИТУАЛАХ

Глава первая

ПОЛЕВАЯ ПРАКТИКА

Профессор Керон мрачно обвел всех нас взглядом голодного василиска, и в очередной раз мы вспомнили о пропущенном обеде.

— Сейчас будет зверствовать, — прошептал Рик, за спиной которого я находилась, как представитель второго состава.

— Почему? — дрожащим шепотом спросила я.

Нет, Рик, конечно, хуже, он в первом составе, но и мне во втором страшно было, и даже Морву в третьем, который за моей спиной стоял. Лучше всех себя исключительно четвертый состав ощущал, они надеялись дожить до обеда без телесных повреждений, а мы уже ни на что не надеялись.

— Потому что, — Рик тяжело вздохнул, — у Керона когда глюкоза падает, он слетает с катушек... а с обедом, сама понимаешь, пролет случился.

Я понимала. Все понимали. Всем было страшно... ну кроме четвертого состава и собственно трех десятков орков. Уже давно мертвых, ага, но при этом очень злых, что вовсе не удивительно — их за эту неделю уже раз семь упокоивали, штопали и снова поднимали — Керон навыки фехтования шлифовал. И главное, у всех групп все проходило идеально, и только на нас орки неожиданно заглянули и вместо того, чтобы вести себя как обыкновенная оголодавшая нежить, принялись... Да издеваться они принялись! Дуэль нам устроили. По шесть индивидов выходили, кивок головами и издевательское приглашение на бой. И вот лично у нас после такого одно желание появилось — мотать, благо пара к концу подходила, но Керон уперся рогом! Его основательно на чести Некроса цепануло, от чего нас бодро поделили на четыре состава и поставили в строй на радость оркам. Те реально знатно продлили себе загробную жизнь, ибо смех он же жизнь продлевает, а орки, глядя на нас, не просто ржали, они ухохатывались, били себя по коленкам, падали наземь и кулаками громыхали по ней и да — продолжали ржать.

И повод у них имелся, потому что призовой, в смысле главный, состав, то есть любимчиков Керона, орки благополучно отправили в полет. И когда некроласточки пролетели над нашими неровными рядами, нам стало не до смеха — Керон впал в бешенство, а орки гоготали самым бессовестным образом. И без разницы, что смех у нежити почти беззвучный — нам все было понятно.

— Первый состав, начали! — заорал профессор.

Рик гулко сглотнул и шагнул вперед, держа меч одной рукой. Он одной — остальные двумя, ибо тяжелый, а мы всего-то второй курс. Орки поднялись, отряхнули истлевшие штаны, хрустнули разминаемыми шеями, похрустели и пальцами могучих лап.

Оскалились!

Из первого состава величиной в семь некромантов одновременно выбыло трое.

На рев Керона один из потерявших сознание робко заметил: «Правилами Некроса обмороки не запрещены». Зря сказал — в тот же миг весь второй состав выбыл из соревнований подчистую ну кроме меня, чем заставил и четвертый нехило задуматься о своем ближайшем будущем.

— Отставить! — взревел профессор.

Четвертый состав выбыл. Весь поголовно им вообще было лучше всех, о чем они нам в открытую и заявили, мол, мы все равно успеем убежать пока они вас есть будут. Тьма, и ведь правы же. Я, кстати, тоже бы с удовольствием в обморок упала, но за Рика было очень переживательно, и потому я бдела.

— Риа, а Риа, — стоящий позади меня Морв нервно за руку дернул, — а ты чего делать будешь?

— По обстоятельствам, — буркнула я, глядя как на Рика надвигаются сразу три орка.

И главное — никакой этики ведения боя! Куда только у них совесть смотрит и у нас Керон?

А никуда, и потому к Рику в нагрузку к трем умертвиям, поигрывая дубиной, двинулось четвертое.

— Профессор, — не выдержала я, а может уже можно магию приме...

— Молчать! — заорали на меня так, что не то, что адепты, орки дрогнули. — Я! Сказал! Фехтование!!!

Вот, Тьма!

— Ыы, — завыл кто-то.

— Каро, заткнись! — рывкнули мне из третьего состава.

Они в обморок не падали, нет, они все дружно ждали, пока Керон второй состав, то есть одну-единственную оставшуюся маленькую меня, в бой отправит. Фехтовать! А то, что я стальную махину ни одной рукой, ни двумя, ни даже в обхват не удерживаю и мне вообще меч дотащить Рик помог, это так, мелочь несущественная.

— К бою! — скомандовал Керон.

Четверо оставшихся из первого состава разом вскинули мечи, трое симулянтов обморочного состояния осторожненько, но вполне себе даже бодренько поползли прочь. Итог — не участвующие в стычке орки ухохатываются, участвующие просто ржут и жесты неприличные адептам демонстрируют, Керон в бешенстве. В общем, тут в чем дело — ректор на орков наложил магическое плетение, не позволяющее наносить тяжкие телесные повреждения адептам, а про психологические травмы в плетении не было ни намека, так что нежить изгалялась по полной программе, откровенно посрамив всеобщее убеждение, что «главное — выжить».

Побоище началось с Ераша. Двухметрового адепта, поднырнув под рубящий удар меча, двух с половиной метровый орк перехватил поперек туловища, обнял покрепче, отобрал меч, словно конфетку у ребенка, отшлепал орущего адепта и, раскрутив, швырнул вслед уползающим симулянтам.

Керон побагровел. И вовсе не от возмущения по поводу пострадавшего самоуважения адепта,

вовсе нет, суть возмущения крылась в ином:

— Фехтовальщики, мать вашу Тьме Всемогущей! — возопил профессор, оскорбленный тем, как легко орк увернулся от разящего удара некроманта.

И вот тут в бой вступил Рик. Причем сам, не дожидаясь нападения орка. Парень перехватил меч двумя руками и взвился вверх. По рядам и симулянтов, и оставшихся прошелестел вздох восхищения, они вообще были шокированы, а я лично такое уже видела — Эдвин демонстрировал. И вот по сравнению с носатым, Рик двигался не так стремительно, но примерно так же эффективно — голова ближайшего орка покатила по снегу, рука с дубиной второго свалилась следом. Рик, завершив маневр, приземлился, упав на одно колено, но удержав и позицию, и удар третьего орка дубиной сверху принял собственно на острие меча. Меч выдержал — дубина раскололась надвое.

— Во-о-от! — воодушевленно заорал Керон. — Вот как надо!

Не знаю, чем он воодушевился, но Рикун приходилось туго — к двум оставшимся его противникам присоединились еще двое, и теперь подскочившего и неистово отбивающегося некроманта вновь теснили четверо. И игратья нежигь более была не намерена — удар кулаком, и адепта снесло шагов на пять.

— Ри-и-ик! — заорала перепуганная я. — Рик, держись, я иду!

И схватив свой двуручник за рукоять, я бегом поволокла его в сторону сражения.

Грянул хохот! На этот раз вполне даже отчетливо слышный, потому что ухохатывались теперь совсем не орки, те просто оторопели, а как раз таки некроманты. Причем и активно симулирующие обмороки.

— Каро, хоть ты не позорься! — заорал Керон.

Хмуро глянув на профессора, я бросила меч, огляделась в поисках подручных средств ведения боя, ничего не обнаружила! Схватив снег от злости, потому как потешаться надо мной продолжали, слепила снежок и запустила в орка, который на данный момент, схватив меч Рика обеими руками, пытался его отобрать. Снежный снаряд, описав дугу, попал прямо в левый глаз нежити. Орк дернулся, невольно выпустил меч из захвата и одним плавным движением некроманта, был лишен головы. Осталось трое.

— Риа, спасибо, — крикнул Рик, и мне сразу стало все равно, кто там и как угорают со смеху.

Я схватила еще горсть снега и принялась лепить следующий снежок, выжидая момент, когда его нужно будет использовать. Дождалась — орки, перестав играть, начали бой на поражение, и теперь двое теснили Рика, третий заходил сзади. Третьему и досталось! Орк, получив снежком в лоб, отступил на шаг, взревел и бросился на меня. Рик, пользуясь заминкой своих давно почивших противников, левому отрубил голову и теперь схватился один на один с оставшимся. А у меня был нелегкий выбор — обморок, меч или бег по лесу. Проще всего было упасть в обморок — скованные заклятием ректора орки лежачих не били, сложнее всего — взять меч, тяжелый очень, но в этом случае был шанс на спасение, однако я, почему-то, с диким визгом бросилась прочь от стремительно надвигающегося на меня зеленого монстра. Орк за мной!

Знала бы я, к чему этот бег приведет — свалилась бы в обморок!

Но ведь не знала. И визжа на весь полный мертвой нежити лес, я помчалась прочь от догоняющего орка с единственной мыслью — за ограду Некроса он не пройдет! И главное — бежать недалеко! Всего метров двести! Вот только сейчас завернуть за черный валун, здоровенной махиной возвышающийся даже над верхушками вековых сосен, там тропка над обрывом, куда я в прошлый раз свалилась и где Гобби нашла, а рядышком совсем и вход на территорию академии, так что...

— Гррр! — зарычал зомби, делая какой-то невообразимый, вообще противоречащий его природе бросок, и фактически настигая меня.

— Мама! — заорала я, отпрыгивая в сторону.

Упала, подскочила, даже не почувствовав боли, и побежала, огибая валун, уже не разбирая дороги. Потому что орк оттолкнувшись от дерева обеими ногами, словно лягуха двухметровая, рванул на меня...

С диким воплем я свернула и на всей скорости влетела в самым невероятным образом оказавшегося на дороге некроманта! Ударилась! Больно так.

Треск заклинания. Грохот упавшего тела.

Стремительно обернувшись, увидела лежащего на снегу орка. Судя по тому, как неестественно были вывернуты его конечности — кто-то вторгся в заклинание подчинения нежити и модифицировал его, а вот судя по тому, как погас взгляд зомби — восстать он уже никогда не сможет.

И тут надо мной прозвучало:

— Трупов, адептка Каро.

— Ой, не надо, и так хватает, — выдохнула перепуганная я и вдруг осознала, с кем разговариваю.

Осторожно подняла голову, увидела каменное выражение лица ректора и, уже понимая, что мне сейчас влетит, тихо пробормотала:

— Трупов, лорд Гаэр-аш.

Ректор не ответил, осторожно взял за плечи, отстранил от себя, обошел меня по дуге, приблизился к лежащему на снегу умертвию. Я тоже подошла поближе и теперь в немом потрясении смотрела на нежить. Это был не орк. Точнее, может быть, когда-то и орк, но не сейчас — суставы неестественно выгнуты, как у оборотня в момент перекидывания, словно в незавершенной фазе. Орк-оборотень?

— Лорд Гаэр-аш, — шепотом позвала я, — это что, новый вид нежити?

Вместо ответа ректор задал вопрос:

— Где остальная группа?

— Урок фехтования, — с готовностью сообщила я.

— Вот как. — Глава Некроса повернулся. — А почему вы находитесь не с группой?

Я растерянно взглянула на ректора и попыталась все объяснить:

— Понимаете, — дышала я все еще очень тяжело, после такой-то гонки на выживание, — у меня на редкость плохая физическая подготовка...

— Понятно, — насмешливо перебил меня ректор, сжимая свой черный кулон, — и вы решили ее улучшить путем пробежки?

Резко выдохнув, я несколько секунд смотрела на лорда, а вот после:

— Не поможет! — призналась откровенно и честно.

— Рад, что вы это осознаете, — усмехнулся Гаэр-аш.

Скрип снега. Едва слышный, но я обернулась. Из-за валуна к нам подошли два некроманта из королевской службы дознания — в черном с головы до ног, и даже лица скрыты под капюшонами.

— Кансар, проводите адептку Каро, — не оборачиваясь и продолжая разглядывать меня, произнес ректор.

Некромант поклонился и жестом приказал мне следовать за собой. Я же изумленно смотрела на ректора.

— Идите, адептка, — улыбнулись мне.

Пришлось идти, но не успела я сделать и двух шагов, как второй из службы дознания, хриплым срывающимся голосом спросил:

— Это измененная нежить? Это...

— Нет, вам показалось, — насмешливо оборвал его лорд Гаэр-аш. — Каро, я приказал вернуться в Некрос.

Пришлось уйти.

Не то, чтобы быстро, но как бы медленно я ни шла, ничего услышать уже не получилось. Дознаватель довел меня до входа в Некрос, постоял, дожидаясь, пока я отойду шагов на пятьдесят, после чего растворился в мертвом лесу. А я остановилась. Нет, возвращаться назад не планировала, просто остановилась, решив подождать Рика здесь, потому что без него идти в учебный корпус не хотелось совершенно.

И вот я стою, вглядываясь в лес, и вдруг чьи-то ладони по-хозяйски скользнули на талию, после чего меня рывком прижали к по-мужски твердой груди.

И тишина. Я едва дышу, перепугалась все же, и он — молчит. Но, учитывая насколько собственнически меня приобняли, установить наглую личность сложности не составило.

— Норт, — прошипела я.

— Мм-м? — отозвался некромант.

— Норт, я испугалась! — не стала скрывать собственное состояние.

— Я такой страшный? — игриво поинтересовался он, сжимая сильнее.

— Норт!

— Не шипи. — Он устроил голову на моем плече, и прошептал у самого уха: — Отец здесь, будь хорошей девочкой. В смысле изобрази хорошую и влюбленную.

И не дав мне ни опомниться, ни ответить, Норт галантно развернул лицом к подходящим некромантам из службы дознания, произнес:

— Ну раз уж произошла столь неожиданная встреча, отец, позволь представить тебе леди Риаллин кен Эриар. Риа, дорогая, мой отец Ингормаш Дастел Веридан.

Лучше бы я упала в обморок там, в лесу, и пусть бы все ухохатывались, чем... это. От четырех темных фигур отделилась одна, и к нам величественно направился некромант в черном плаще с капюшоном, так что лицо Дастела-старшего я увидела лишь когда лорд приблизился и, сверкнув многочисленными перстнями, снял капюшон.

Черные, глубоко посаженные глаза цепко оглядели меня с головы до ног, в то время как я с нескрываемым изумлением разглядывала... Норта, только постарше так лет на тридцать, а в остальном это было аристократически тонкое лицо Дастела. Разве что челка не косяя, а уложенные волнами от прямого пробора волосы да небритость отличали старшего лорда Веридана от сына. Осторожно скосила взгляд на стоящего рядом и демонстративно-довольного Норта, вновь взглянула на его отца — ну одно лицо!

— Вас столь удивило семейное сходство? — задал неожиданный вопрос лорд Дастел Веридан.

Кивнула. Затем, вспомнив о правилах вежливости, присела в реверансе и, поднявшись, произнесла требуемое:

— Знакомство с вами честь для меня, лорд Дастел Веридан.

Мне улыгнулись, отвесили столь же светский поклон, после чего произнесли:

— Так же как и для меня, леди кен Эриар. Искренне рад познакомиться с дочерью человека, спасшего мне жизнь.

Широко распахнув глаза, я потрясенно посмотрела на некроманта. Лорд по-отечески улынулся, чуть склонил голову к левому плечу и задал прямой вопрос:

— Вам не рассказывали о подвигах вашего отца, леди кен Эриар?

Отрицательно покачала головой. Лорд Дастел Веридан улынулся чуть шире и произнес:

— Я обязательно восполню данный пробел в ваших знаниях, леди Риаллин, и полагаю, в самое ближайшее время. — Он перевел взгляд на Норта, и спросил: — Ты уже сообщил невесте о приглашении?

— Конечно, — внаглую соврал Дастел. — И Риа любезно согласилась провести следующие выходные в нашем родовом замке.

Немедленно повернулась к Норту. Я вообще ни на что не соглашалась! Я... Дастел глянул на меня, широко ухмыльнулся и промурлыкал:

— Понимаю, дорогая, ты хотела сказать это сама, но зная, как ты застенчива, я...

— Дорогой, — я мило улыбалась, а мой голос упал до шепота, который стоящий в двух шагах от нас лорд Дастел-старший по идее не должен был слышать, — какие поездки?

— Дорогая, — Норт также улыбался самым очаровательным образом, — я попозже выслушаю твое безоговорочное согласие.

На этом мое терпение кончилось. Но все так же с улыбкой, я прошипела:

— Дорогой, в условия нашего договора...

Пресек беседу веселый голос Дастела-старшего:

— Вообще-то, я все слышу.

Я покраснела. Норт даже улыбаться не перестал, только глаза сузились и взгляд стал недобрый.

— Да, любопытные отношения, — протянул лорд Дастел Веридан.

На лице Норта ни один мускул не дрогнул. А я продолжала краснеть.

— Что ж, не буду вам мешать. Леди кен Эриар, было очень приятно с вами познакомиться.

Я ответила реверансом, а после молча проследила за тем, как, накидывая капюшон, лорд покинул нас. Но только когда он отошел к своим, Норт соизволил произнести:

— Не смешно, Риа.

Даже не стала возражать. Действительно совсем не смешно было.

— Я неделю назад говорил о поездке к родителям.

— Я неделю назад сказала — нет! — решительно напомнила некроманту.

Глядя мне в глаза, Норт сжал зубы, на скулах в бешеном ритме задвигались желваки, взгляд полыхнул фиолетовым огнем. Неделю назад я стусевалась бы и вообще отступила, но за эту прошедшую со спасения Культяпки неделю Дастел меня достал!

— Нет, нет и еще раз нет! — уверенно сказала я. — Никаких поездок к твоим родителям, никаких поцелуев, никаких объятий и предложений полежать рядом с тобой на постели!

Теперь глаза Норта не полыхали — светились фиолетовым светом.

— Нет! — повторила я.

Дастел отвел взгляд. Долго смотрел на небо, после куда-то в лес, затем тихо спросил:

— Во сколько сегодня за тобой зайти?

Мгновенно прекратив возмущаться, я тихонечко попросила:

— В одиннадцать.

— Почему так поздно? — все также глядя поверх деревьев, поинтересовался Норт.

Потому что мы с Риком хотим провести один запрещенный ритуал в склепе, а после исследовать новый путь в сердце Некроса, и я не уверена что успею вернуться к десяти...

— Очень много уроков, — с тихим вздохом нагло соврала я.

Учусь у некромантов.

— Риа, — Норт посмотрел на меня, — ты слишком усердно занимаешься. Я же сказал — по успеваемости тебя прикрою.

— Спасибо, — мило улыбаюсь, — но сегодня в одиннадцать.

Кивнул. Нехотя, но кивнул.

А в следующее мгновение я улыбнулась искренне и очень радостно — из леса шел Рик, неся свой и мой мечи заодно, и он весело мне подмигнул, едва наши взгляды встретились.

— Ты победил? — воскликнула я, поспешив к нему навстречу.

— Ага! — крикнул мне парень. — Это было несложно, после твоей помощи! Как ты их здорово!

Только дойдя до ограды, я поняла, что совершенно забыла с Нортом попрощаться. Не то чтобы совесть мучила, просто Дастел требовал, чтобы прилюдно я четко отыгрывала трепетные прощания. Оглянулась — Норта на дорожке уже не было. Вот и замечательно, значит, и ему не до прощаний.

— Куртку возьми, — попросил Рик, роняя сверток, который под мышкой удерживал.

Поймала, но глянув на него, с сомнением спросила:

— Может, оденешься?

— Жарко, — отмахнулся парень и пошел вперед, весело насвистывая что-то победное.

Жарко ему точно было — весь покрасневшийся, вспотевший, да еще и мечи, которые он нес, перебросив на плечи так, что за его спиной лезвия скрещивались.

— Керон взбесился, — начал рассказывать некромант, едва я приноровилась идти рядом. — Меня отправил в аудиторию, а остальных гоняет сейчас.

Несмотря на легкость и даже некоторую небрежность в походке, я поняла, что Рик устал и сильно. И непонятно зачем вообще тогда пришел, нам давали время на отдых.

— А почему там не посидел?

— Нужно же было узнать, куда ты умчалась, — укоризненный взгляд на меня. — Давай больше так не делать, идет? Вместе начали бой, вместе закончили. Никаких побегов.

— Извини, — прошептала я. — Просто испугалась очень.

— А я, по-твоему, нет? — возмутился Рик.

— Извини, — совсем виновато ответила я.

— Спасибо, что подождала у входа, — улыбнулся некромант. — Да ладно, я вообще злиться перестал, как тебя увидел. Главное, что все хорошо. Просто не понравился мне этот рванувший за тобой орк, как-то... излишне стремительно он двигался, что ли.

И я остановилась. Рик тоже остановился, вопросительно глядя на меня, а я...

— Рик, ты про измененную нежить что-нибудь знаешь?

— Тьма! — тихо выругался парень. Затем шепотом спросил: — То есть мне не показалось, да?

Пожала плечами в ответ.

— Ладно, пошли отсюда, — решил Рик, — вечером поговорим.

Мы молча миновали дорожку, трижды вынужденные сходить в снег и пропускать некромантов-дознателей — Некрос просто кишел ими. С тех памятных событий, когда мы столкнулись с восставшей нежитью и восстановили Культяпку, прошла неделя. Академия некромантии за истекший срок преобразилась — возникло два дополнительных одноэтажных корпуса — прибывшим некромантам надо же было где-то жить. Появился стационарный портал в столицу — вообще подобные огненные ходы используются только сильнейшими темными лордами, но, как известно, в жилах нашего умирающего короля имелась толика огненной крови, и в критических ситуациях он создавал для подданных стационарные порталы. А вот почему ситуацию в Некросе признали критической, никто из нас, адептов, так и не понял. Точнее, мы четверо — я, Норт, Эдвин и Дан догадывались — кто-то поднял древние захоронения, а вот остальные адепты были не в курсе. Официально дирекция сообщила — в мертвом лесу был обнаружен лич, а неофициально слухи ходили самые разные. И слухов стало больше, когда четыре дня назад некроманты начали зачистку, уничтожая все живое и неживое в пределах тысячи шагов вокруг академии. Так что, отправляясь в лес сегодня, мы никого кроме подчиненных ректором орков увидеть и не предполагали, а вот то, что и эти подчиненные зомби какие-то странные — неприятная неожиданность.

Когда пришлось в пятый раз отступить в снег, пропуская группку окутанных темным сиянием фигур, Рик тихо выругался и, едва мы вернулись на дорожку, прошипел:

— Да что там такое?

— Ректор, — тихо ответила я.

— Его видел, — тоже едва слышно произнес Рик. — Он упокоил того орка, что за тобой погнался. Но вот чего все дознаватели так рванули?

Молча пожала плечами. Ситуация вообще складывалась странная и неприятная, поговаривали, что нас, возможно, даже переведут в столицу. Но это так, разговоры, а чтобы никто под ногами у дознавателей не крутился, грузили по полной программе, прогоняя по спецкурсам и доп. предметам, и, если бы не Гобби, я бы не справилась.

Едва свернули на дорогу между полигонами, к нам вышел Культяпка. Орк печально посмотрел на меня, потом на Рика, протянул огромную руку и забрал оба меча у некроманта.

— Спасибо, дружище, — искренне поблагодарил Рик.

— Ы, — ответил орк.

Я подошла ближе, осторожно погладила умертвие по спине — парням было как-то без разницы, что Культяпка больше не мог говорить, оказалось, что он не особо и беседовал с Эдвином, но мне каждый раз, как слышала его невнятное мычание, хотелось плакать.

— Да не расстраивайся ты, восстановим, — заверил меня Рик, приобнимая за плечи и ведя к учебному корпусу.

— Эдвин не даст, — прошептала я. — До Мертвых игр он запретил прикасаться к Культяпке.

Орк, шагающий позади нас, издал тяжелый протяжный вздох. Последнее время он постоянно порывался мне что-то сказать, садился, размахивал рукой и культей, что-то объяснял, а мы понять не могли. Ни я, ни Гобби, ни Пауль, ни даже Рик с саламандрой. И вот Гобби, он если что написать мог, а орк не умел писать и читать, совсем не умел. Правда, это не значило, что мы не пытались его научить, и теперь по вечерам Культяпка провожал меня от учебных корпусов до общежития, вежливо кивал куратору Тейше и шел ко мне в комнату, суровым видом ужасая всех адептов. А там, пока Гобби и Пауль ходили пугать местное население, мы с орком учили алфавит. Просто Гобби с Культяпкой как-то вот совсем не находили общего языка, но и из меня учитель был никакой — за неделю орк выучил всего три гласные буквы. Гобби мне объяснил, что у орков совершенно иная письменность, и я даром время трачу, но, несмотря на его гневные письма, мы с Культяпкой все равно продолжали заниматься.

— Я возле тебя Дастела видел, — сменил тему Рик. — Чего опять глазастый требовал?

Скривившись, ответила:

— Знакомил с отцом и сообщил о намерении через неделю представить остальным родственникам.

Рик остановился, хмуро глянул на меня, тяжело вздохнул. Полностью скопировала его вздох.

— Может, все же сходишь к ректору? — спросил некромант.

— И что мне ему сказать? — раздраженно поинтересовалась я. — Правду, полуправду или кусочек правды?!

На мое возмущение Рик ответил тихим:

— Факты. Например, можешь озвучить тот факт, что Дастел вынудил тебя заключить помолвку, а сейчас распускает руки.

Передернув плечами, молча пошла вперед. Рик догнал мгновенно, заступил дорогу и, наклонившись ко мне, произнес:

— Как ты думаешь, чем все закончится в родовом замке Дастел Веридан, Риа? Или искренне веришь, что Норт проявит воспитание и учтиво удалится почивать в отдельную спальню?

Молча обошла Рика и решительно зашагала по дороге, стараясь прислушиваться исключительно к скрипящему под ногами снегу.

Вслед мне прозвучало взбешенное:

— Риа!

Остановилась. Некромант догнал, снова встал передо мной, осторожно взял за подбородок, вынуждая взглянуть ему в лицо, и хрипло зашептал:

— Неужели ты не видишь, как он смотрит на тебя, Риа?! Ты бы хоть раз оглянулась, когда уходишь. Это уже не любовь, Риа, это страсть. Норт с ума по тебе сходит. Он невменяемый, серьезно. И эти твои хождения к нему по ночам...

— Рик! Занимаюсь я у него! Занимаюсь, понимаешь? Мне головы от книг поднять некогда! — чуть не закричала я.

— Понимаю. — Парень отпустил мое лицо и словно сгорбился. — Понимаю. Только, Риа, прекращай все это.

— А Гобби?! — прямо спросила я.

Убойный аргумент подействовал. Рик отступил, и мы зашагали по дороге мимо ангаров с нечистью. Из ангаров слышалось рычание, вой, скрежет — ректор часть нежити из лесу попросту загнал на территорию Некроса и запер, потому что учебный материал некромантам нужен как ни крути, а по лесам дознаватели бегают.

— Сегодня до сколько свободна? — Рик забрал у меня куртку.

— До одиннадцати, — грустно ответила, думая о Норте.

Сначала мы зашли в оружейную, сдали взятые под расписку мечи. Коренастый пожилой мэтр Олар опасно принял оружие, протянутое Кульпяжкой, недовольно глянул на нас, но возмущаться не стал — некромантам в Некросе не запрещено пользоваться помощью умертвий, так что все в пределах допустимого. Расписавшись в ведомости, отпустили орка и уже вдвоем отправились в учебный корпус.

Но не дошли шагов сорок, как из-за поворота показался Эдвин, и решительно двинулся к нам. Рик остановился, едва увидел носатого, а я лично ни тормозить, ни разговаривать с ним не собиралась, и потому, едва некромант остановился передо мной, плавно обошла, планируя вернуться в аудиторию и почитать перед следующей лекцией.

Не вышло. Эдвин ухватил за запястье, рванул на себя, чуть ли не заставив уткнуться ему в грудь носом, и прошипел:

— Тебе что, жить надоело?

Едва не зашипев от боли, попыталась вырвать запястье из некромантского захвата, но носатый даже не пошевелился.

— Харн, отпусти ее. — Рика такое отношение ко мне тоже злило.

— Заткнись, выродок! — рыкнул на него Эдвин, но захват ослабил и, склонившись надо мной, прошипел: — Я запретил высовывать нос из Некроса. Запретил категорично и четко. И с Кероном вопрос согласовал сам, лично, утром. За какой Тьмой ты...

У меня две няньки. Некро-няньки. Согласовывать свои перемещения я, по их мнению, должна с обоими. Утром к Керону подошел сначала Норт, переговорил, вся группа понимающе покивала, насмешливо глядя на меня, но после пришел Эдвин. Взял профессора за локоток, отвел в сторонку, переговорил. После чего Керон и заявил, что я остаюсь в аудитории поливать

цветочки и вышивать крестиком, а вся группа идет заниматься фехтованием. Так стоит ли удивляться, что я тоже пошла со всеми?!

Но говорить об этом Эдвину смысла не было — он пока не успокоится, что-либо адекватно воспринимать не способен. Так что я молча подождала, пока парень не разжал пальцы, после чего, растирая запястье, осуждающе посмотрела на некроманта.

— Прости, сорвался, — без какого-либо раскаяния произнес носатый.

— Я заметила. Извини, лекция скоро начнется.

И уже беспрепятственно обойдя Эдвина, направилась в учебный корпус. Рик догнал и зашагал рядом.

А вот в аудитории меня ждал сюрприз — огромный, совершенно несуразный букет красных роз, перевитый белой лентой. И к букету имелось послание, с которого уже давно сорвали печать и прочитали двенадцать раз. Откуда я знаю? Число прочитываний фиксировалось самой печатью, и отправлялось собственно отправителю, как отчет о том, сколько раз адресат прочел любовное послание. А теперь самое неприятное — и Норт, и Эдвин более чем лояльно относились к моему новообретенному поклоннику, сами читали послания, и по многу раз, наслаждаясь тем, как увеличиваются цифры. И почему-то к этой игре с радостью присоединились и мои одноклассники, включая Рика.

— О, очередное письмецо. — Некромант прошел через всю аудиторию, схватил свиток. — Почитаем.

Прочел, закрыл. Открыл снова:

— Еще почитаем.

И меня лично уже не удивляло, что некромант, который якобы спас меня от чудовища в комнате Норты, искренне верит в мои к нему пламенные чувства. А что еще думать парню, если он четко знает, что каждое его послание перечитывается раз по сто.

— И еще разок, — возвестил Рик. — Кстати, а ты прочитать не хочешь?

— Нет, — устало сказала я, садясь на свое место, — мне вечером Норт обязательно вслух прочитает... раза-два-три-четыре.

— Да? — удивился Рик. — И даже такое: «Время придет, и Дастел падет, путь открывая истинным чувствам. Жди меня, жди, вместе нам быть, на зависть поэтам и стихоискусствам»?

— И такое читает. — Я тяжело вздохнула. — А потом они с Даном изгаляются над грамотностью и пополняют свой «Словарь влюбленного идиота».

— Весело. — Рик свернул свиток. — А ты с парнем говорить не пробовала?

— Пробовала, — тихо простонала я. — Он же у Норты почетный часовой теперь, постоянно под дверью стоит.

— И... не внял? — переспросил некромант.

— Нет, — хмуро глянула на розы, — он искренне убежден, что я это ему говорю исключительно заботы ради, чтобы Норт не прибил.

— Или глава Дома Мечей, — задумчиво добавил Рик.

— Да, или Эдвин, — угрюмо согласилась я.

И несмотря на то что Эдвин на меня никаких прав типа фиктивной помолвки не имел, говорить ему что-либо я не собиралась, потому что некромант был тем единственным, кто каждый вечер неизменно появлялся у Норта и не уходил до тех пор, пока не уходила я.

— Я за учебник, — сообщила Рику, открывая «Темные ритуалы».

Сложный предмет, на грани запрещенного законом и крайне опасный. Вести его должен был ректор, но в связи с обстановкой его заменял профессор Альдей, который не столько рассказывал, сколько гонял по параграфам и заставлял пересказывать прочитанное. На сегодня было задано сразу два параграфа, и вот как раз второй, по восстаниям ДемЭгра, немного не дочитала, времени не хватило. Так что устроившись поудобнее и закинув ноги на стол, наполовину занятый букетом, я принялась читать. Рик устроился рядом, тоже взявшись за учебник.

Спустя некоторое время начала возвращаться наша побитая событиями и обстоятельствами группа, и адепты, занимая свои места, молчаливо принимались читать заданное. Да, времени тут не хватало всем. Когда прозвенел звонок, никто даже не пошевелился — профессор Альдей всегда минут на пятнадцать опаздывал, так что все продолжили читать — кто сидя на столе, кто устроившись на подоконниках, кто оккупировав преподавательскую кафедру, а кто и следуя моему пагубному примеру закидывал ноги на стол и в полулежачем положении покачивался на стуле.

А все дело в том, что никто, вот совершенно никто не ожидал, что едва стихнет звонок, дверь распахнется и в аудиторию стремительной легкой походкой войдет сам лорд Гаэр-аш!

Его просто никто не ждал! И примерно с секунду все потрясенно смотрели на ректора. Лорд остановился, обвел взглядом распоясавшуюся аудиторию и произнес.

— Трупов, адепты.

Ответом ему стал грохот! Я свалилась одной из первых, Рик каким-то образом удержался, но, по сути, почти половина всей группы рухнула на пол. Поднимались быстро, молча, не глядя на ректора и вообще ни на кого не глядя. Но когда я, пунцовая, как и все свалившиеся, торопливо встала возле парты, то нечаянно задела розы, и те с шорохом и хрустом повалились на пол.

Сделав вид, что букет не мой и вообще я эти розы впервые вижу, невозмутимо села на свое место, разгладила складки на платье, стожила руки на столе и только после этого подняла голову, чтобы продемонстрировать преподавателю полагающееся внимание.

Напрасно. Вот лучше бы мне этого холодно-презрительно-порицающего взгляда не видеть вовсе. Потому что ректор смотрел именно так — с холодным презрением. Несколько секунд потрясенно пыталась понять, за что мне такая немилость, но затем в аудитории послышались смешки, причем указывали некроманты куда-то вниз. Поднявшись, перегнулась через парту и тоже посмотрела — поверх роз упало письмо от моего настырного поклонника, причем упало так, что открылось, и теперь всем было отчетливо видно его содержимое:

«Комната 478. Жду тебя сегодня, моя страстная богиня, на рассвете, как только выйдешь от Дастела».

И в углу всего этого безобразия сверкающая надпись: «Прочитано двадцать четыре раза».

У меня внутри все похолодело. Совершенно красная, я вышла из-за стола, рваным движением подняла письмо и вернулась на свое место. Хотелось плакать. Стыдно было так, что глаз не поднять, а все в группе попросту ухохатывались. И перед ними мне стыдно не было — до собственной комнаты утративший связь с реальностью адепт приглашал меня в склеп, на могилу Огра, под валун, под лестницу, и даже под двери кабинета ректора, дабы было веселее. Но проблема в том, что сам лорд Гаэр-аш всей предыстории не знал и...

— Извините, — едва слышно произнесла я.

Мне не ответили. Ректор развернулся, направился к преподавательской кафедре и хмуро приказал:

— Приготовиться к лекции.

Смешки мгновенно стихли. Зашуршали тетради, заскрипели перья, все приготовились слушать и записывать.

— Ритуал вселения духа «Акшаратас», — четко продиктовал лорд Гаэр-аш.

Я записала, как и все, вот только сомневаюсь, что у всех как у меня строчки расплывались перед глазами, а рядом с записью шлепнулась капелька воды, грозя превратиться в кляксу. Торопливо вытерла, постаралась не думать о случившемся и сосредоточиться на лекции.

Получалось плохо. Совсем плохо.

Ровно до слов ректора:

— Медная пыль один из самых устойчивых проводников и потому нередко используется в ритуалах насильственного вселения.

Холодная изморозь ледяными узорами пробежалась по спине, и только тогда я поняла, что больше не пишу, а пальцы сжимают перо с фатальной для писчего предмета силой.

Медная пыль!

Мне это словосочетание запомнилось сладковатым привкусом во рту, а впоследствии головной болью, невероятной слабостью и всем набором симптомов, характерных для простуды, разве что живот болел очень сильно, особенно если надавить. Именно так, случайно надавив на живот, когда укладывал меня на постель, дядя Тадор и понял страшное — я нарушила запрет и игралась со сверкающим порошком из трех закрытых банок, к которым мне было категорически запрещено приближаться. Так что лечил он меня вовсе не от простуды, а от отравления медью, игнорируя и тогда и в дальнейшем вопросы на тему, для чего ему нужен такой красивый, но очень опасный порошок. Я просто никак не могла понять подобной несправедливости — почему мне трогать медную пыль было нельзя, а все новые слуги дяди непременно были ею испачканы.

— Риа, — прошептал Рик, толкая меня локтем в бок, — отомри.

Я кивнула, поняла, что со своим внеплановым погружением в воспоминания перестала писать под диктовку, глянула в тетрадь некроманта, отступила, оставив пустое место, чтобы потом переписать, и продолжила. И напрасно, потому что лорд Гаэр-аш скомандовал:

— Теперь отложили перья и слушаем внимательно.

Уверена, в этот миг все адепты жадно внимали каждому слову, и только я головы не подняла, но слушала крайне, крайне внимательно.

— «Акшаратас» — один из базовых ритуалов отступников, ритуалов, которые те используют... никогда не догадаетесь — в быту.

По группе прошелся удивленный ропот, прекратившийся, едва ректор продолжил.

— Как вам известно, маги-отступники способны жить от трехсот до четырехсот пятидесяти лет. Возможно и больше, но так как случаев более длительной продолжительности жизни зафиксировано не было, не стану и я делать голословные заявления. Так вот — долгая жизнь имеет свои плюсы и минусы. Из плюсов — способность к постоянному обучению и совершенствованию, из минусов — неизбежная потеря близких и окружающих. Казалось бы, мелочь, но мелочи это то, что формирует нашу реальность, смысл нашего существования, комфорт нашего проживания. То есть, как вы понимаете, мириться с такой «мелочью», как потеря окружения, маги-отступники не пожелали. «Акшаратас» — один из способов сохранить привычный комфорт, который обеспечивает прислуга.

Теперь никто ничего не говорил, все потрясенно слушали. Особенно я.

— Сомневаюсь, что вы в своей жизни сталкивались с таким неприятным занятием, как обучение прислуги, но должен заметить — дело это не простое. Более того, порой проще сделать самому, чем объяснить постороннему человеку, как нужно наводить порядок в магической лаборатории. Неудивительно, что раздражительные и нетерпимые отступники крайне трепетно относились к тем, кому удавалось соответствовать их высоким требованиям. Такую прислугу берегли по мере сил и возможностей, но все люди смертны. Можете представить, какую досаду вызывала у отступников смерть квалифицированных слуг. «Акшаратас» позволил решить эту проблему самым кардинальным образом. — Ректор сделал небольшую паузу, и продолжил: — Когда слуга или служанка по старости лишаются возможности качественно выполнять свою работу, маг-отступник подбирает удовлетворяющее его запросам тело мужчины или женщины в зависимости от пола прислуги и помещает жертву в темное место, лишенное доступа дневного света. Подвал, подzemелье, пещера — не имеет значения. Здесь человек находится сорок дней и содержится в условиях голодания, а главное, полнейшего отсутствия воды. Воду в чистом виде жертва не получает, лишь вино с кровью раз в два дня. Цель подобного содержания — ослабить, но не убить и ни в коем случае не нанести вред. В ночь после сорокового дня проводится ритуал — маг, расположив оба обнаженных тела на одной плоскости в соприкосновении друг с другом, использует медную пыль как проводник, для чего натирает ладони, виски, грудь жертв, а затем приступает к переселению душ. Процесс болезненный. Чаще всего старый слуга гибнет сам во время ритуала, в редких случаях магу приходится использовать удушение, а затем происходит естественное — под воздействием магии более сильный дух слуги захватывает молодое тело, вытесняя ослабевший без доступа света дух жертвы.

Он вновь остановился. Пауза была достаточно долгой, после чего лорд Гаэр-аш продолжил:

— С первыми лучами солнца ритуал завершился, и маг-отступник получал старого обученного слугу в новой, более молодой и прочной оболочке. Естественно, слугу максимально быстро приводили в норму — питание, режим сна, подпитка магией.

Откуда-то от передних парт донеслось:

— И как долго проживало новое... тело?

Ректор не стал отчитывать за неуместный вопрос, как иные преподаватели, он дал четкий ответ:

— Двадцать — двадцать пять лет. Не больше. Несмотря на все попытки отступников увеличить срок эксплуатации нового тела, есть, видимо, в человеке что-то такое, что начинает умирать, едва истинная душа изгоняется. Именно поэтому «Акшаратас» применялся исключительно для решения бытовых вопросов, но никогда для переселения душ тех, кто действительно был крайне дорог отступникам.

В аудитории вновь наступила тишина, все пытались осознать услышанное. Да, некроманты из моей группы и раньше говорили, что лекции ректора потрясающие, но почему так — я поняла лишь сейчас. Гаэр-аш умел вызвать интерес к преподаваемому им предмету.

— Да, поганенькая у этих слуг была «вечная жизнь», — произнес кто-то от окна.

Смех ректора стал неожиданностью. Мы все удивленно посмотрели на него, даже я решилась оторвать взгляд от конспекта. Глава Некроса прекратил смех, присел на край стола и рассказал невероятное:

— Вот действительно поганенький случай был под Тарраком. Дом Мечей суров к врагам, и обычно те, кто бросают вызов роду Харн, не осознают, что эти... — усмешка, явно при воспоминании о гоблинском переводе, — суровые воины не умеют отступить.

Вот после слов про суровость к врагам вся группа разулыбалась, читали-то все, но стоило ректору продолжить, улыбки исчезли.

— Так вот, воины Дома Мечей осадили логово отступника. Действовали профессионально и быстро — почти вся охрана мага была перебита в течение часа, затем воины ворвались в замок Тарн, — ректор взглянул на Рика, — насколько мне известно, ваш отец участвовал в захвате, не так ли?

Мой сосед величественно кивнул. Гаэр-аш продолжил:

— Так вот, прислуга мага так же была перебита, но раненого мужчину отступник успел увести и скрыть. Ненадолго. Дом Мечей не тот противник, которого легко сбить со следа, — скоро юная прелестная девушка с лексиконом пьяного матроса была схвачена на ближайшем рынке. Думаю, вы уже догадались, кем она была.

Справа от нашей парты раздался осторожный вопрос:

— Тот самый раненый слуга?

— Именно так, — усмехнувшись, подтвердил ректор. — И суть в том, что новые тела отступников обычно зачарованы от боли и магических повреждений, то есть пытать таких слуг практически бесполезно. Если бы не одно но — это было тело юной девушки, красивой и невинной, и вселенный в нее мужчина прекрасно знал, что могут сделать разозленные воины. Так что палачам Дома Мечей хватило лишь пары непрозрачных намеков, чтобы слуга заговорил. И он выдал все — местоположение скрывшегося, но не имеющего возможность покинуть Таррак мага-отступника, тайные ходы, наличие охранных заклинаний. Абсолютно все.

— Да, — протянул Ревис с первой парты, — оказаться в теле женщины, это действительно погано.

И группа всем составом повернулась, чтобы одарить меня долгим сочувствующим взглядом. Наверное, стоило промолчать, но неожиданно вспыхив, я заявила:

— Скажите это своим мамам. Уверена, им будет очень «приятно».

— Достаточно! — отрезал лорд Гаэр-аш. — Записывайте.

И лекция продолжилась подробным описанием ритуала, с рисунком требуемого положения тел, магической формулой и скрупулезным внесением схемы повреждения магического фона, которая позволяла определить факт состоявшегося ритуала даже без наличия косвенных улик.

Я записывала машинально, стараясь не думать, как однажды вместо старой кухарки Тали появилась молодая женщина, которая двигалась как прежняя кухарка, готовила все мои любимые десерты и называла меня «Линни». А на мои удивленные вопросы следовало: «Так тетушка Тали мне все-все про тебя рассказала, девочка моя, вот я и знаю». И я верила, потому что чувствовала и любовь, и заботу, и мне было очень приятно, когда женщина время от времени гладила по голове или приходила читать сказки, когда дядя задерживался. Впрочем, в доме Тадора меня любили все, даже садовники с жуткими рваными ноздрями, что, как я потом узнала, является свидетельством осуждения на каторгу. А ведь из них никто не сквернословил, не грубил, не вел себя как преступник. Никто. И никто не остался в доме после гибели дяди Тадора — когда я появилась там, дом был разграблен и пуст. Но если бы только дом — убежище в горе, доступ в которое так стремились заполучить дознаватели, тоже оказалось безлюдным.

Не стоило предаваться воспоминаниям — после того разговора ректора с дознавателем Нардашем я старательно гнала прочь все мысли о дяде Тадоре. Абсолютно все. Мне не хотелось думать плохо о единственном человеке, которого я так искренне любила. Единственном, кто любил меня.

Прозвенел звонок. Мы все поднялись, выказывая уважение к преподавателю, и когда дверь хлопнула, я рухнула на стул и закрыла лицо руками. Усталость, опустошенность и горечь накатили разом, отнимая последние силы. Хотелось расплакаться навзрыд и так, чтобы после слез не осталось никаких эмоций, хотелось спрятаться под одеялом, укрыться с головой и обнять Пауля, который будет тихо и успокаивающе пищать что-то хорошее. Хотелось.

— Риа, — Рик осторожно обнял за плечи, — ты чего? Риа?

На его вопрос Лоргас с передней парты отозвался веселым:

— Осознала, что девушка, и теперь в обоснованном ужасе.

Все загоготали. Наверное, в другое время я ответила бы хоть что-то, а сейчас не смогла. Повернулась к Рику, уткнувшись лбом в его плечо, и просидела так, пока все не вышли. Сидели мы долго: я, ни о чем не думая, и Рик, просто обнимая меня. Лекция ректора была последней, и опустела не только наша аудитория, опустел и весь корпус — некроманты спешили на ужин.

— Попробуй поплакать, — неожиданно предложил Рик.

— Не смогу, — едва слышно ответила, — просто не смогу.

Погладив меня по волосам, парень тихо спросил:

— Что тебя так сильно расстроило, помимо той гнусности, которую прочел ректор?

Я высвободилась из объятий некроманта, медленно сложила тетради и учебники, зачехлила пишущее перо и карандаши, убрала свои вещи в рюкзак и, не поднимая головы, неожиданно для самой себя призналась Рикку:

— Я два года прожила в доме, где слуги, судя по всему, проходили обряд «Акшаратас».

На Рика я не смотрела, но почему-то отчетливо ощутила, что парень перестал дышать, не в силах принять услышанное. И все равно добавила:

— Этот человек был мне не просто другом, он, после смерти родителей, оказался единственным, кто любил меня и обо мне заботился. Я не хочу и не буду думать о нем плохо. Никогда не буду.

Некоторое время Рик молчал, а затем в тишине пустой аудитории прозвучали его глухие слова:

— Моих родителей убили наши слуги, которые, как выяснилось позднее, были подвергнуты обряду «Акшаратас». Мы уезжали на совет в Дом Мечей, собранный отцом Харна, вернулись через полтора месяца.

Я в ужасе посмотрела на некроманта, а он продолжил:

— Первый удар нанесла кормилица моего отца. Неожиданный, от которого бывалый воин не смог уйти. Маму убил мой учитель фехтования. Не вставая со стула даже. И потому отец, который и со смертельной раной продержался до появления воинов, защищая меня, о том, что она погибла, узнал, лишь падая на пол, — мама умерла мгновенно, но оставалась сидеть с открытыми глазами.

— Рик! — испуганно выдохнула я.

Парень молча повернулся, как-то невесело улыбнулся мне и отчеканил:

— Ненавижу отступников.

Протянув руку, осторожно сжала его ладонь, Рик накрыл мои пальцы сверху, погладил, молча стараясь справиться с нахлынувшими эмоциями. Справился и тихо произнес:

— Они всем отомстили, Риа. Всем, кто участвовал в зачистке. Твой отец, отец Эдвина Харна, мои родители — видишь, прошли годы, и мы все встретились в Некросе. Причем ты даже не в курсе случившегося. Идем, — он поднес мою руку к губам, нежно поцеловал, — время.

И Рик поднялся, начал собирать свои учебники и тетради, запихнул все в рюкзак, остановился, вопросительно глядя на меня.

— Ну? — вопрос вслед за взглядом.

Мне не оставалось ничего иного, кроме как встать и двинуться следом.

Глава вторая

РИТУАЛЬНАЯ

Войдя в свою комнату, я на мгновение глаза прикрыла — Пауль экспериментировал с занавесями, и сегодня эксперимент проходил с применением сосулек. А потому последние солнечные лучи, попадая на парад ледяных кристалликов, вплетенных в кружево из паутины, яркими брызгами расцветили всю комнату. И настроение подняли с ходу.

— Добрый вечер, я дома! — радостно объявила своим домочадцам.

Гобби подошел, обнял, после чего начал забирать у меня по мере снятия рюкзака, плащ, сапоги, а Пауль, увидевший мое появление через им же натертое до блеска стекло, радостно пискнул и, открыв форточку, протиснулся в комнату. Его стремительный полет через все пространство закончился счастливым «Ии!» у меня на руках.

— Красота какая за окошком, — похвалила я его, почесывая пузико.

Пауль млеет от счастья, раскинув лапки, а Гобби расставив вещи в шкафу, подошел к столу и написал на листке «Плакала».

— Я? — делаю искренне удивленное лицо.

Умертвие кивнуло. Паучок вскинулся, встревоженно глядя на меня, а я, отпустив Пауля и расшнуровывая платье, села на край постели и тихо призналась:

— Сегодня поняла страшную вещь — я никогда не думала о смерти моего отца. Никогда. Для меня осталась формулировка «Погиб в бою», и я с ней полностью смирилась. Вот и получается, что смерть родного отца для меня совершенно не имеет значения, а гибель дяди Тадора и до сегодняшнего дня — настоящая трагедия.

Гобби присел рядом, в тетради, где легко, как-то у него это удивительно и красиво выходило, написал:

«Ты совсем маленькая была, и дома он практически не бывал».

— Это так, — я подхватила запрыгнувшего ко мне на колени Пауля, — но все же мне стыдно.

«Думаешь, твоему отцу было бы приятно видеть, что ты рыдаешь каждый день, скорбя о его гибели?»

И вот просто строка, но то, что кое-кто мертвый иронизирует — сразу понятно. Хмуро глянула на умертвие, Гобби приписал:

«Нет, ну если хочешь, я сбегаю за пеплом, будем скорбно посыпать им твою голову».

Рассмеялась, едва прочитав, и как-то разом стало легче. И когда Гобби протянул план сегодняшней охоты на дармовую энергию, веселее стало вдвойне.

Ибо план был таков:

«Темной-темной ночью среди разбросанных могил (зачеркнуто) корпусов пробирается одинокая фигура черного-пречерного монстра».

Невольно взглянула в угол — там действительно была приготовлена черная мантия. Пауль вообще не просто так экспериментами с паутиными занавесками занялся, просто казенные тяжелые гардины были целиком и полностью израсходованы на костюмы энергодобытчиков. И все бы ничего, но жутковато было отпускать сегодня.

— Пауль, саламандра с вами?

— Ии, — подтвердил паучок.

Ну, уже спокойнее, у ящерики на редкость все замечательно со здравомыслием — сама ей завидую. И что еще важнее — в случае чего она моих умертвий прикрывала огнем. В прямом смысле. То есть маскарад сгорал мгновенно, а набежавшим некромантам оставался только мой худенький маленький и совсем не опасный Гобби, в котором ну никак невозможно было заподозрить жуткого монстра, а Пауль с подружкой уходили верхами, то есть по крышам.

Но читаю дальше:

«Черный монстр следует обозначенной цели, в то время как ничего не подозревающая жертва ожидает возлюбленного».

— Кого ожидает? — не поняла я.

Пауль спрыгал до стола и вернулся обратно с запиской, на которой я прочла поднадоевшую полную чувств чушь, смысл которой «Жду тебя за четвертым корпусом в 9.07».

— Какой требовательный возлюбленный, — пробормотала я, невольно сочувствуя девушке.

«Излишне пунктуальный», — написал Гобби.

Строго глянула на умертвие и прямо спросила:

— То есть вы сегодня кому-то свидание сорвете?

Зомби невозмутимо пожал плечами и написал:

«Он не слишком дорожит этими отношениями».

— Почему?

Изобразив тяжелый вздох, Гобби написал:

«Указом ректора запрещены посещения общежития противоположного пола, в случае если адепты не помолвлены. И если бы этот Хайсан любил девушку, не назначал бы свидание вблизи ангара с сеном».

Да уж и не поспоришь, а потому я просто попросила:

— Сено не спалите, лошадям и так зимой не просто.

«Читай дальше!» — с самым гордым видом написал Гобби.

Читаю:

«Жертва обозревает явившегося монстра, затем следует крик ужаса и магическая атака. В момент продолжающегося крика монстр номер два затыкает орущую пасть подручными средствами, после чего жертве остается предпринимать судорожные попытки по освобождению глотки, тем самым открывается широкий простор для маневров по отступлению. Задание выполнено. Мы герои!».

Мой веселый смех никого не обидел — «герои» сидели, улыбались (Гобби), подпрыгивали (Пауль) и предвкушали насыщенный вечер.

— Только не забудьте, герои, вернуться к половине десятого, — попросила я.

Мне торжественно пообещали не забыть.

А потом был самый обычный вечер — я сходила в душ и, вернувшись, перекусила бутербродами с чаем, более плотно поем уже у Норта, так что можно не терять время на поход в столовую. Затем я села за уроки, Пауль сбежал к саламандрочке, Гобби устроился рядом и погрузился в изучение какого-то темно-зеленого свитка. Мне было бы интересно, что там, если бы не домашка по боевой некромантии, которую мы изучали в рамках спецкурса по самозащите.

Но не успела я выполнить три из четырех упражнений, как Гобби протянул костистую ладонь, похлопал меня по руке, привлекая внимание. Поднявшись, я обошла стол и склонилась над свитком, читая подчеркнутый карандашом пункт:

«Задание 1: Провести расследование, имея в наличии труп годичной давности. Выяснить причины смерти, определить имя умершего».

Перечитав трижды, я взяла свиток, перевернула, прочла заглавие «Постановление о внесении поправок в регламент проведения Королевских Мертвых игр».

— Ух, — только и смогла сказать. — Это откуда?

«Пауль приволок из кабинета ректора», — написал Гобби.

— Приволок? — испугалась я.

«Ректор дал сам, — пояснил умертвие. Затем еще написал: — Вернуть в семь».

Я присмотрелась к тому, что делал Гобби, и поняла — переписывал. Все подчистую. Гобби же обратил мое внимание на совершенно иное:

«Допрос нежити. А ты не знаешь как».

— Поняла, — я даже кивнула, — нужно будет позаниматься по этому предмету.

«Книги возьму завтра», — снова Гобби.

Благодарно обняла умертвие и вновь села за уроки. Вообще часть заданий выполнял за меня Гобби, но ту часть, которая не влияла на знания, а учиться-то нужно было мне, так что базовые предметы я делала сама.

В семь прибежал Пауль, схватил свиток, убежал. А у меня Гобби забрал перо и тетрадь и непреклонно указал на кровать — да, спать приходилось урывками.

В девять Гобби разбудил, заставил сесть на постели, подложил подушку под спину и сунул в руки чашку с чаем. И пока я, зевая, хлопала ресницами, Пауль, схватив замотанный костюм монстра, выскользнул в форточку, а Гобби, помахав мне на прощание, вышел через дверь. Мне оставалось быстро допить чай и собираться.

Сегодня я планировала сотворить замену артефакта Сирилла — не настолько сильный, но не менее действенный, по крайней мере, от удара той силы, что уничтожил мой главный

артефакт, Кхелло защитит тоже... и тоже погибнет. Но это как иметь одну дополнительную жизнь, что дорогого стоит. Ко всему прочему я собиралась сделать и Амаэ-Тхен. И вот для второй вещицы мне и требовался склеп — потому что сам Амаэ — мелочь несущественная, действует примерно так же, как и заклинание отворота, а Тхен уже из области запрещенного и закононаказуемого, но я не могу так больше! Норт и Эдвин — перебор. Я никогда не искала мужского внимания, мне хватило отчима, но если с ним Тхен бесполезен, отчим эмпат, то на некромантов подействовать должен.

И одна только мысль, что сегодня посягательства наяд прекратятся, придавала сил.

Сбегав умыться, я прихватила два полотенца, одно намочила, выжала и завернула в сухое, вернувшись, торопливо переоделась — черная длинная шерстяная рубаша, черное платье, чулки, туфли, плащ. К сожалению, под рубашу ничего не наденешь — ритуал не позволял, но вещь проверенная, очень теплая, так что я не переживала. В сумке, скрытой под ворохом вещей в шкафу, уже все было сложено — у меня неделя на подготовку и ушла, и, перекинув широкую лямку через плечо, я покинула комнату.

Сойдя вниз по лестнице, притормозила на последних ступенях, дождалась, пока куратор отвернется, и прошмыгнула под лестницу, к кладовой.

Здесь было совершенно темно, но света мне и не требовалось — четыре шага к стене и знак, открывающий путь, а в следующее мгновение я шагнула в вены Некроса и у меня мгновенно забрали сумку.

— Отправил Салли твоих прикрывать, — сообщил Рик.

— Спасибо, — я потерла плечо, — только там склады с сеном рядом.

Парень задумался, после махнул рукой и заявил:

— Она умная девочка. Идем?

Я кивнула, и мы поторопились миновать ходы, чтобы добраться до нашей цели — укромного уголка на поверхности, который был закрыт со всех сторон скалами и фактически образовывал колодец. Его Рик нашел, когда мертвая леди нам знак открыла, так что я по вечерам готовилась к ритуалу, а некромант исследовал склеп и прилегающие территории.

— На поверхности похолодало, — неожиданно произнес Рик.

— А, ничего, мне жарко будет, — отмахнулась я.

Ничего не сказав, Рик обнял за плечи и повел меня гораздо быстрее. Мы миновали шесть ответвлений, и некромант остановился. Знак, другой, не тот, которым пользовалась я, и стена дрогнула, открывая проход.

— Что-то новенькое? — не удержалась от вопроса.

— Экспериментировал, — загадочно ответил Рик. — И да — там действительно холодно.

Невозмутимо пожав плечами, я шагнула во тьму прохода.

В вышине между скалами завывал ветер, шел снег, мелкий, словно мириады острых иголок стужи, скалы покрылись изморозью. Похолодало действительно как-то неожиданно, не совсем

типично для этих мест.

— Может отложим? — предложил Рик.

Я вспомнила про Норта, его вчерашние попытки поцеловать, резко выдохнула и начала раздеваться. Что странно — Рик больше ни слова не произнес. Я же скинула плащ, затем платье, последними, с содроганием, стянула чулки и шагнула босиком на заснеженную землю.

Холодно!

Очень. Настолько, что мышцы сводило и зуб на зуб не попадал. Взяв деревенеющими пальцами протянутую Риком сумку, я прошла в центр колодца, опустила на колени, расположив сумку справа, и принялась торопливо расплетать волосы.

И только когда была готова, извлекла заготовки для Кхелло, свечу, спирт, горелку, нити серебра. Затем зажгла огонь и зашептала первое из заклинаний, обнимая огонек свечи ладонями. Кхелло — амулет слабый, не определяющийся ни одним поисковым заклятием как магически заряженная вещь, и подобные свойства достигаются единственным способом — разделением сил и свойств. А потому необходимо было исключительно матричное наложение свойств, для чего я сейчас и строила в сознании шаблон схемы, модифицируя его под свой замысел.

И я создавала, меняла, используя в качестве привязки к реальности тепло свечи и давно не ощущая холода. Его просто не было. И меня не было. Не было ничего, кроме огонька между моими ладонями и матрицы, сияющей все ярче в моем сознании. А еще имелась необходимость действовать быстро, крайне быстро. И когда я отчетливо увидела результат, потянулась к горелке, зажгла, разместила нити серебра и, не открывая глаз, начала вплавлять кольца в уже готовое тельце паучка, одновременно встраивая мысленную матрицу. Инструменты мне понадобились лишь на завершающей стадии, когда мыслеформа уже была помещена в амулет.

— Красиво, — тихо заметил Рик.

Я улыбнулась, впервые взглянув на браслет в форме паука, лапками обнимающего запястье, с такой точки зрения. Не знаю как насчет красоты, но изделие вполне в духе Некроса, и никто не обратит внимания на своеобразное украшение. Никто, но в случае необходимости Кхелло спасет мою жизнь, как сделал это артефакт Сирилла.

Завершив, я обернула браслет в захваченное с собой мокрое полотенце, и шипение металла наполнило пространство колодца, затем быстрыми отработанными движениями зачернила серебро. И не давая металлу остыть полностью, надела на левое запястье. Это было необходимо сделать сейчас, пока металл был теплым, даже горячеватым. И в довершении игла вспоролла кожу там, где расположилась мордочка паучка, позволяя амулету впитать кровь носителя.

Все, с этого мгновения за свою жизнь я была спокойна.

— Закончила? — осторожно спросил Рик.

Отрицательно мотнув головой, я усилила огонь горелки, извлекла заготовки для Амаэ-Тхен и вдруг поняла странное — у меня руки дрожали от перенапряжения. Плохо, надо было поесть, сейчас сил совсем мало, а еще с Гобби поработать нужно будет. И по-хорошему, мне следовало бы отложить этот ритуал, я чувствовала, что так было бы правильно, если бы не Норт!

— Время? — Вопрос прозвучал хрипло.

— Без двадцати, — ответил некромант.

Я поднялась, потянулась руками вверх, пытаюсь сбросить хоть часть усталости, прогнулась назад, замерла на пару секунд и вновь опустила на колени, чтобы достать листок с измененной формулой и приступить к созданию артефакта.

Основой Амаэ служит как это ни банально — разрыв-трава. Ее используют и ведьмы, и знахарки, и травницы, и маги, и даже грабители. Сама по себе трава опасна, но если собрать и заковать ее правильно, она разрывает связи от духовных до элементарных, и если на двери магический замок — разрыв-трава нарушит связь с сигнальной системой на те секунды, что требуются квалифицированному взломщику. Именно поэтому у каждого вора в суме с инструментами и пучок разрыв-травы всегда в наличии. Мне почему-то из всех примеров, рассказанных дядей, именно этот больше всего запомнился. Наверное, несоответствием — россыпь стальных отмычек и пучок засушенной травы. Смешно же. Но когда мы изучали ее в университете, смешно уже не было. Вот и сейчас измельченный порошок я извлекла с осторожностью и трепетом.

Руки продолжали слегка дрожать, но все равно ссыпала все в плошку очень аккуратно и поставила на огонь. Трава зашипела, превращаясь в пепел, и я ждала недолго, чтобы разместить застывшие капельки меди, подготовленные еще вчера. Чуть-чуть магии — и металл оплавился, поглотив пепел разрыв травы. Следом всыпала порошок серебра. Первый этап был завершен, и, отставив плошку с застывающим металлом, я потянулась за заготовкой для Тхен. Золото, шесть капель моей крови, четыре капли отвара сфагнума — мха, способного сбить с пути и отвадить от дома, экстракт белладонны, чтобы испытавший желание уйти не осознал его причины, и сила — много силы, которую я вплетала с каждой секундой все интенсивнее, до шума в голове, до слабости в руках.

— Десять, — донесся до меня голос Рика.

Опаздываю.

Эта мысль чуть не заставила сбиться, но усилием воли я вернулась к созданию артефакта. Две формы расположила перед собой — из сплава для Амаэ будет кольцо, почерневший сплав для Тхен сформирует шар, который увенчает колечко. Дядя не раз говорил, что лучший способ что-то спрятать — оставить на виду. Именно так я и собиралась поступить. Всего лишь колечко из меди и серебра, с вставкой из черного золота — ничего особенного, почти бижутерия. И сниму я его только тогда, когда артефакт целиком и полностью Норта отвадит!

Когда с энергетической частью ритуала было покончено, и я взялась за обработку изделия, Рик молча подошел, накинул мне на плечи плащ.

— С-с-спасибо, — дрожащим от слабости голосом, сказала я.

— Помочь? — спросил некромант, присаживаясь на корточки рядом.

— Нельзя, — меня трясло все сильнее, — пока металл не застынет, к нему должна прикасаться только я.

Рик кивнул, потянулся к горелке, загасил, начал собирать мои инструменты, а я, держа кольцо щипцами, полировала детали, уже исключительно из эстетических чувств. И не могла понять странного ощущения — мне казалось, что я что-то сделала неправильно. Не знаю что.

Возможно дело в том, что до меня никто не соединял Амаэ и Тхен, а быть может, дело в травах — у разрыв-травы и сфагнума сходные свойства, и по идее они должны усиливать друг друга, а на деле?

Руки замерли. Рик протянул сосуд с застывающей на морозе водой, куда я не задумываясь бросила кольцо остывать. И пока одевалась, судорожно и быстро, чувствуя, как заледенело все тело, я все размышляла над результатом. Получилось или нет?

Надев чулки, несколько минут растирала ноги, прежде чем втиснуть их в туфли, и только после этого взялась зашнуровывать платье. А Рик все собрал. Так приятно было, что он мне помогает.

На мысли про «помогает» мне пришла идея! Потрясающая просто. И завязав тесемки плаща, я торопливо достала артефакт, вытерла его насухо, надела, резко выдохнула и попросила:

— Рик, поцелуй меня.

Некромант, уже все собравший, как раз подходил ко мне, но споткнулся, услышав просьбу, и остановился в двух шагах.

— Что? — после секундной заминки, спросил Рик.

— Поцелуй, — растирая ледяные пальцы повторила я просьбу, — пожалуйста.

Рик подошел, хмуро глянул на меня с высоты своего роста и задал еще один вопрос:

— Зачем?

Нетерпеливо выдохнув, я объяснила:

— Это, — продемонстрировала кольцо, — нечто сродни магии отворота, только сильнее и действеннее. И активация непосредственно при контакте.

— Контакт прикосновением? — глухо предложил необыкновенно напряженный Рик.

— Нет, там же моя кровь... — Я на миг запнулась, не зная как объяснить, чтобы это не выглядело отвратительно.

Просто кровь, это внутренние прикосновения, то есть активация при соприкосновении слизистых — а это только поцелуй. Но вот как это объяснить, избегая термина «слюна». Так ничего и не придумав, я развела руками и снова попросила:

— Поцелуй, ну пожалуйста. Мне нужно знать, что он действует, а то я вместо работы над Гобби буду постоянно отвлекаться на мысли «сработает, не сработает».

И я умоляюще посмотрела на Рика. Парень хмуро разглядывал мое лицо, затем неожиданно резко наклонился, стремительно прикоснулся губами к моим губам и выпрямившись, хрипло спросил:

— Достаточно?!

Мой разочарованный стон был ему ответом.

— А что не так? — Или мне казалось, или Рик почему-то начал злиться.

И плюнув на всю стеснительность и вообще моральные принципы, я предельно честно ответила:

— Поцелуй, слюна, слизистые там и все такое. Я не могла изготовить артефакт на простое прикосновение, понимаешь, иначе слишком значительный шанс попасться. Ну и вот.

И вот после этого, единственное, на что я могла смотреть — мои руки. На Рика было стыдно глаза поднять, и мысли о поцелуе я тоже напрочь отринула. Отчетливо же понимаю — ему неприятно будет.

Но тут некромант произнес усталое:

— Я понял.

— Да ладно, забудь, — пробормотала я.

— Слушай, надо так надо, — резко ответил Рик. — Голову подними, или мне с макушки начинать?

Отрицательно покачав головой, я развернулась, направилась к стене и уже там, продолжая растирать пальцы, остановилась, ожидая Рика. Некромант вновь нарисовал свой странный символ, и стена содрогнулась, открывая проход. В сумрак вен Некроса мы шагнули разом, но войдя, я вдруг поняла — сейчас, если артефакт не действует, я еще смогу внести изменения — металл теплый, а вот спустя час предпринимать что-либо будет поздно, и придется еще неделю готовиться.

В общем, я развернулась к Рику, зажмурила глаза и практически потребовала:

— Целуй.

И замерла, ожидая его действий.

С глухим стуком совсем рядом упала сумка, затем Рик шагнул ко мне, очень близко и я уже разомкнула губы, приготовившись, но... Сначала его ладони скользнули по моим рукам, бережно сжали, и затем погладили пальцы, после поднялись вверх, отвели прядки волос с моего лица, осторожно прикоснулись к щекам, и лишь затем я ощутила его дыхание на коже. И прикосновение, нежное, легкое к кончику носа, к скулам, к подбородку... И я перестала дышать, не могла даже пошевелиться и ни за что бы не открыла глаза в этот момент. И в тот миг, когда его губы прикоснулись к моим, лишь зажмурилась сильнее, менее всего думая о действенности Амаэ-Тхен, и отчетливо ощущая, как все сильнее бьется сердце.

Потому что это был мой первый поцелуй.

Самый первый, самый нежный и единственный с моего разрешения. Потому что не было ни больно, ни обидно, ни страшно. Потому что Рик бережно обнимал, а не держал, не позволяя вырваться, потому что мне вдруг захотелось, чтобы проклятый Тьмой артефакт не подействовал.

Но еще одно прикосновение, ласковое, такое интимное, и, скользнув по моей нижней губе, Рик отстранился, продолжая осторожно обнимать мое лицо.

Я распахнула глаза, увидела его внимательный, потемневший взгляд и услышала тихое:

— Не работает, Риа.

И кто бы мне объяснил, почему после этих слов я улыбнулась.

И улыбалась почти минуту! Потом до меня дошло!

— Вот Тьма!

На мое восклицание вены Некроса отозвались звучным эхом. А Рик успокаивающе похлопал меня по плечу, после чего нагнулся, поднял сумку и протянул мне руку, предлагая уходить.

— Не могу, — простонала я, обнимая себя за плечи, — артефакт нужно доделать.

Вскинув руку, некромант глянул на часы и сообщил:

— Без двадцати одиннадцать.

Все, лимит времени исчерпан. Я обреченно кивнула, и мы пошли в склеп. Рик молчал, я тоже — мне было неловко. Даже не от того, что не сработал Амаэ-Тхен, скорее от своего поступка и ощущений.

И потому, едва вошли в склеп, я не глядя на Рика торопливо шагнула к сидящей в плаще сгорбленной фигуре явно Гобби, но отойти не успела. Некромант неожиданно схватил за запястье, рванул на себя и обнял. Крепко-крепко. Так, что не осталось чем дышать и прошептал:

— Риа, пожалуйста, то, что случилось, было просто экспериментом. Ты попросила — я пошел навстречу. Но не отталкивай меня сейчас, не закрывайся.

Запрокинув голову, встревоженно посмотрела на Рика, на его бледное лицо, черные, словно горящие тьмой глаза, на плотно сомкнутые губы.

— Хочешь, я поклянусь, что больше никогда не поцелую тебя? — неожиданно хрипло спросил Рик.

Я не смогла ответить правду, не сумела и солгать. Я находилась в смятении, чувствуя желание вновь закрыть глаза и ощущать прикосновения Рика, и в то же время холодный разум артефактора метался в поисках ответа на вопрос — что произошло? Рик мой друг, лучший, единственный среди живых, такой близкий, такой родной, и вдруг поцелуй и то, что я почувствовала. Что если Амаэ-Тхен разрушил те чувства, которые были, и сейчас появляется нечто совсем иное. У меня появляется. Сомневаюсь, что у Рика, ведь его слова говорят о желании сохранить именно приятельские отношения.

— Почему ты молчишь? — тихо спросил Рик, глядя мне в глаза.

Я мягко высвободилась из его объятий, коснулась его пальцев и тихо попросила:

— Дай мне немного времени. Пожалуйста. Я не могу сейчас ответить.

Он сжал мои пальцы в ответ, и тут в тишине склепа прозвучало:

— Ну почему же, вот мне, к примеру, ответ было бы очень интересно услышать прямо сейчас!

Я вздрогнула и вздрогнула повторно, увидев, как фигура, которую я поначалу в сумраке

приняла за Гобби, стремительно встает, плащ падает, и даже в темноте я разглядела фиолетовый отсвет в глазах Норта!

Внезапно понимаю, что мне никогда не было так страшно. Потому что боялась не за себя. Вовсе не за себя. И когда Дастел шагнул к нам, я сдавленно прошептала:

— Рик, уйди, пожалуйста.

И совсем не ожидала того, что мои слова услышит четвертый человек, находящийся в склепе.

— Тарн, — Эдвин оказался стоящим возле склепа, в трех шагах от нас! — надеюсь, ты осознаешь, что подписал себе смертный приговор сейчас?

И в груди что-то оборвалось. Норт в любом состоянии вполне адекватен — Эдвин нет! Совсем нет.

— Я же говорил, — Дан плавно вышел из-за могилы, — что у них все не так гладко. Совместные ужины, после лекций в аудитории задерживаются и да, самое главное, — Тарн перестал ходить по девочкам. Захотелось чего-то особенного, да, Рик?

Это было так жутко и в то же время так нелепо. Едва не выругавшись, я стремительно подошла к Норту, невольно поежилась под его холодным злым взглядом и предельно спокойно объяснила:

— Рик всю неделю искал место для проведения ритуала. Я попросила. Вот и все. И все ваши инсинуации по поводу...

Неожиданно левая рука Норта сжала мою шею. Таким быстрым движением, что я не успела даже вскрикнуть и уже не смогла издать ни звука, когда правая рука Дастела столь же быстро подняла ткань платья, скользнула на ногу, поднялась выше и замерла, коснувшись обнаженной кожи.

Норт молчал несколько секунд, просто стоял, закрыв глаза и не убирая ладонь, а затем в склепе прозвучал его глухой, полный ярости голос:

— Тарн, ты труп.

Я задохнулась от ужаса, вцепилась ногтями в руку Дастела, пытаюсь вырваться, но что я могла? И даже вырваться прекратила, услышав реплику Дана:

— Труп вышвырнем в лесу, в местах скопления оголодавшей нежити, к утру проводить дознание будет не с чем.

— А я предоставлю дознавателям свидетельство о психической невменяемости адепта Тарна, — холодно добавил Эдвин, — и случившееся сочтут самоубийством.

Едва не взыв, я дернулась снова, и вдруг прозвучал спокойный голос Рика:

— Да, хорошо, я труп. Без проблем, Дастел. Но Рию отпусти, ей больно.

Норт медленно разжал пальцы. Ладонь скользнула по моей шее, рука обхватила подбородок, вынуждая запрокинуть голову, посмотреть в его глаза. И вот так, глядя на меня почти с ненавистью, Дастел спросил:

— Между вами что-то было? Отвечай быстро, милая, очень быстро.

И я ответила:

— Нет.

Темно-фиолетовые глаза сузились, взгляд медленно переместился на мои губы, намекая на услышанный разговор про поцелуй, и я торопливо пояснила:

— Рик не хотел меня целовать. Я попросила.

— Зачем? — холодный, отстраненный тон.

Мне до безумия не хотелось признаваться. До крика. А выбора не было никакого. И прикусив на мгновение губу, едва слышно ответила:

— Проверить артефакт отворота.

И вновь несколько секунд было тихо, после чего Норт лениво и даже как-то безразлично произнес:

— Покажи.

Медленно подняла руку, в свете факелов мое кольцо тускло сверкнуло, браслет сверкал ярче, он до соединения с нитью уже был отполирован.

— Теперьними и дай мне, — еще один совершенно спокойный приказ.

Выдохнув, потянулась к браслету, рывком стянула с запястья. Позади меня Рик глухо выругался, помянув Тьму, я же все так же молча протянула браслет Норту, искренне надеясь, что кольца он попросту не заметит. Не заметил, забрал браслет, закинул в свой карман, затем, обняв за талию, рывком прижал к себе и вкрадчиво прошептал:

— Ты ведь понимаешь, что мы можем его убить?

Я зажмурилась и ответила:

— Да.

— А значит глупостей больше не будет, не так ли? — почти промурлыкал Дастел.

Меня это разозлило до безумия. Распахнув ресницы, я зло посмотрела на некроманта и не выдержала:

— Слушай, глазастый, я тебе вообще ничего не должна! Вообще, понимаешь?! У нас договор на фиктивную помолвку! Фиктивную! Следовательно, я могу встречаться с кем хочу, спать с кем хочу и не спрашивать твоего разре...

— Дан, — очень спокойно прервал меня Норт.

Звук удара и глухой звук падения чего-то на пол. Дастел не дал обернуться, но мне и не потребовалось — я и так поняла, что случилось. По щекам побежали злые слезы, горло сжало спазмом. Судорожно сглотнув, чтобы вернуть себе возможность говорить, тихо сказала:

— Глупостей больше не будет.

— Умница, — с усмешкой похвалил некромант.

А я смотрела на него и думала о том, что ненавижу, кажется, даже больше чем отчима. Гораздо больше. Но с этим попозже, а сейчас:

— Отпусти Рика, пожалуйста.

Норт спокойно ответил:

— А его никто не держит, милая. Захочет — уйдет.

Дан позади нас, весело добавил:

— Когда встать сможет.

Я стремительно обернулась — Рик действительно лежал на полу, скованный заклинанием по рукам и ногам, и его рот так же был оплетен синеватой дымкой. То есть удара не было, они сковали его раньше.

— Да, когда выругался, — подтвердил мою догадку Норт.

— А бить мы не имеем права, — рассмеялся Дан, — тут два варианта — либо труп, либо никак. На данный момент второй вариант, но ты доведи Норта еще раз и поверь — будет уже просто труп.

Молчал только Эдвин, он стоял над Риком, расставив ноги и засунув руки в карманы брюк, и не сводил взгляда с парня. Холодного, злого взгляда.

— Не смей, — произнес Норт.

— Заслужил, — с убийственным спокойствием ответил Эдвин.

— Мозг активируй, — достаточно жестко приказал Дастел. — Изобьешь — вылетишь и из Некроса и соответственно с игр, а убивать идиота не за что. Пока не за что. Но если рыпнется еще раз — покормим нежить. Уходим, Эд.

Дан подхватил мою сумку, Норт попытался потянуть меня за собой, но едва осознал, что идти я не намерена, перекинул через плечо. Эдвин присел на корточки, что-то тихо сказал Рiku, после чего поднялся и пошел вслед за нами. А Рик упорно рвал заклятия, пытаясь встать.

* * *

Дастел не захотел пойти обычным путем и, едва мы вышли из пятого склепа, шагнул к стене. Скрип открываемого прохода, недолгий путь по венам Некроса, и вскоре мы вышли во втором мужском общежитии. Здесь меня милостиво поставили на пол, после чего, схватив за запястье, поволокли в комнату. Дан, перекинув сумку Эдвину, ушел к себе, мы в привычном, надоевшем до зубного скрежета составе, вошли в комнату Норта.

— Где ванная, помнишь? — холодно спросил глазастый. — Сходи, умойся.

Я скинула плащ и без возражений отправилась, куда приказали. Грустно, конечно, что нельзя было взять с собой инструменты, с другой стороны, и так справлюсь. И едва я оказалась одна,

торопливо сняла кольцо, затем, ломая ногти, вытащила золотой шарик Тхен из оправы. Потому что артефакт должен работать, вот просто должен и все! А если не сработал, значит, соединение Амаэ и Тхен дает взаимоисключающий эффект. Такое бывает, особенно если составные части равны по силе.

Сжала золотой шарик, осмотрелась, ища, куда бы его спрятать, в итоге открыла ящичек с мылом, уронила Тхен туда и вот после этого старательно умылась, вытерлась, постояла, глядя на свое решительное лицо, бросила полотенце и вышла.

Норт оказался в комнате один. Куда он дел Эдвина, я не знала. Некромант поднял на меня взгляд, едва я вошла, затем указал на стул, который был максимально придвинут к сидящему Дастелу. Медленно подошла, села. Норт осторожно взял обе мои ладони, сжал своей рукой и, поглаживая мои пальцы, произнес, глядя куда-то в стену:

— Нам давно следовало поговорить, Риа. — Пауза, долгая, напряженная и продолжение. — Ты мне понравилась еще там, в лесу. Очень понравилась. Я же не подкатываю к каждой адептке, понимаешь? — Взгляд на меня, внимательный, испытующий, и вердикт вмиг севшим голосом: — Не веришь ни единому слову, я прав?

Просто отвернулась. Прав — не прав, какая разница? Для меня никакой. Я его внимания не искала и не хотела, я его не шантажировала и ни к чему не принуждала. Вообще.

— Риа, прости меня, — вдруг тихо произнес Норт. — Прости за то, что мы так плохо начали. Прости за ту попытку припугнуть тебя изнасилованием — по-дурацки вышло, мы этого не хотели. Прости за историю с шантажом и требование изготовить артефакт. Не нужен он мне, понимаешь, я просто хотел, чтобы ты была рядом. Прости за ситуацию с Риком, знаю, ты злишься, но поверь — мне титанических усилий стоило удержаться от убийства.

Недоверчиво взглянула на Дастела. Это все очень странно было, и вот извинений я точно не ждала. А Норт, глядя мне в глаза, подался вперед и прошептал:

— Прости, Риаллин, но в данный момент нет выбора, я должен тебя раздеть.

Голова закружилась стремительно. И неожиданно настолько, что я вцепилась в край стола, более ничего не успела сделать — тьма накатывала волнами, погружая в сон, которого я всеми силами старалась не допустить. Артефакт Сириллы, ох как же он мне сейчас был нужен, он бы защитил, он...

— Тшш, все хорошо, маленькая, все хорошо. — Сквозь патоку бессознательности я ощутила, как меня подхватывают на руки, несут в сторону кровати и затем укладывают, попутно тихо, почти грустно проговаривая: — Я ведь мог воспользоваться магией и принудить тебя с самого начала, Риа, с первого дня, с первой минуты, но ты была такая настоящая, живая, искренняя — и мне так хотелось настоящих искренних чувств. Так хотелось тебя, Риа! Всю тебя! Но неужели я настолько противен, что ты решилась на этот проклятый Тьмой артефакт?! Зачем?! Я ведь не принуждал, не брал силой, не переходил черту! Так зачем же артефакт, Риа? Зачем?!

Да потому, что защитный браслет ты мне так и не вернул! Видимо, хорошо помнил, на что он способен, вот и не стал возвращать после того, как Культяпке прирастили руку и глаза.

Я глухо застонала, едва ладони некрманта скользнули вверх по моей ноге, снимая чулок, первый, затем второй, и, едва Дастел начал расшнуровывать платье, попыталась вцепиться в его ладони, чтобы остановить.

— Маленькая моя, — Норт перехватил мои ладони, поцеловал каждую, — неужели ты не видишь, не чувствуешь, что я жить без тебя не могу! Не могу, понимаешь? — Горячее дыхание обожгло мою шею, после прижались столь же обжигающие губы.

Норт горел — температура или просто страсть, я не знаю, но было почти больно. И даже не столько телу — сердце сжималось и от боли, и от обиды. А под сильными пальцами некроманта рвалась шнуровка платья.

Тьма накатывала все сильнее, унося куда-то в беспокойный омут, но я держалась из последних сил, надеясь на поцелуй. Всего один поцелуй — мне больше не нужно было. И я думала лишь об этом, когда Дастел стянул платье. И только об этом, когда вслед за платьем снял с меня и длинную, почти до пола, шерстяную рубашку, оставляя совершенно без одежды, а затем покрывая нежными поцелуями от колен до волос, уже не произнося ни слова.

А затем послышался звук открываемого шкафа, шелест ткани, и Норт надел на меня свою шелковую рубашку, которая мне чуть ли не до колен доставала. Еще раз поцеловал, едва касаясь, укрыл и тихо прошептал:

— Спи, маленькая.

Я не уснула. Смогла сопротивляться дурману и долго-долго лежала, прислушиваясь к тому, как Норт сидит за столом, выполняя задание за заданием. Потом пьет чай, вновь что-то записывая — перо скрипело. После закрыл учебники, разделся, сходил в душ. А вернувшись, погасив свет, лег рядом со мной, обнял и тоже долго не мог заснуть, уткнувшись носом в мои волосы и осторожно поглаживая мои пальцы.

И все же вскоре дыхание его стало ровным, рука отяжелела.

А я продолжала изо всех сил бороться со сном по одной-единственной причине — ждала Пауля.

Форточка скрипнула, когда ждать уже сил не оставалось, дуновение холодного ветра — и паучок застыл на моей груди. С трудом открыла глаза, одними губами прошептала:

— Браслет, на тебя похож.

На большее сил не было. Умертвие не подвело, и вскоре холодный металл сжал запястье.

Дурман отступил мгновенно!

Никто не спорит, что амулет Кхелло гораздо слабее артефакта Сириллы, но воздействие у них сходное — ограждать от направленной на владельца магии. И не прошло трех минут, как я осторожно, стараясь не разбудить Норта, поднялась. Обняла прыгнувшего ко мне на руки Пауля, едва не разревелась, когда мохнатые лапки заботливо погладили по щеке. Но сейчас не до слез. Совсем.

Рубашку Норта я снимать не стала, надела платье поверх нее, следом остальную одежду и, забрав из ванной кругляшок Тхена, покинула комнату.

Спустившись по лестнице вниз, свернула в кладовую, открыла проход, шагнула в вены Некроса. По полупрозрачным проходам я бежала очень быстро, придерживая Пауля, который так за меня испугался, что теперь просто не отпускал.

Мы вбежали в пятый склеп, и судорожное рыдание я подавить не смогла — Рик лежал на полу,

совершенно обессилевший. Он смог освободить руки, но не ноги и не плетение, перекрывающее его рот. Подбежала, упала на колени, совершенно не заботясь о содранной при ударе коже, прикоснулась к синеве магического узора. Снимать было не сложно, при условии, что большинство формул нужно проговаривать вслух, но вот что мог сделать некромант, которому попросту рот заклеили?

Мне потребовалось не более пяти минут, чтобы освободить Рика, а после, когда он поднялся, мы просидели минут двадцать, приходя в себя.

— Как ты? — глухо спросил некромант.

— Кажется, поняла, почему не сработал артефакт, — прошептала я.

— Не целуй. — Рик неожиданно улыбнулся.

Я почему-то тоже улыбнулась и спросила:

— Почему это? В конце концов, нужно же действенность проверить.

Некромант усмехнулся, затем осторожно коснулся моих пальцев, стащил с меня артефакт Амаэ, поставил его на пол, а после неожиданно потянулся, поцеловал и тихо прошептал:

— Потому что я не хочу терять самое светлое, что есть в моей жизни.

Пауль, стоящий рядом, тихо издал: «Иии!» и, словно растаяв от нежности, плюхнулся на брюшко. А я смотрела на Рика и понимала, что улыбаюсь. Просто улыбаюсь. Но очень радостно, и в душе действительно светится что-то такое светлое.

Счастье, наверное.

Глава третья

АРТЕФАКТ АМАЭ

Я столкнулась с ним нос к носу, выбежав из женского общежития. Мой надоедливый поклонник, с букетом роз и очередной пафосной запиской о любви, раскинул объятия, радостно улыбаясь.

На миг остановившись, я откинула со лба прядь волос, закрывшую глаза, усмехнулась некроманту и предложила:

— Ко Тьме условности, перейдем сразу к поцелуям.

Парень застыл, удивленно хлопая ресницами, но было поздно — подавшись вперед, я обняла его одной рукой за шею и прижалась страстным поцелуем к его губам.

Артефакт Амаэ отозвался легким жжением, некромант дернулся, вырываясь, и, едва я прекратила посягательство, отпрянул от меня как от голодного умертвия. Замер, потрясенно вглядываясь. Любовное послание медленно выпало из его рук, розы так же полетели в снег, а затем, потеряв виски, парень тихо произнес:

— Да ты же страшная.

— Да! — радостно подтвердила я.

— И вообще не в моем вкусе, — продолжил адепт.

— Да! — О, Тьма, мне даже петь от счастья хочется.

— Слушай, я пошел, — решил некромант и, пошатываясь, удалился.

Раскинув руки и запрокинув голову назад, я стояла и молча, зато искренне и от всей души благодарила небо! Небо было прекрасно! Жизнь была прекрасна! Мир был чудесен! И самое главное — Рик меня любит! И петь хочется, в голос, на весь Некрос! И даже танцевать!

И не обращая совершенно никакого внимания на удивленные взгляды выходящих из общежития адептов, я весело прыгнула с лестницы, скача со ступеньки на ступеньку, и радостно закричала: «Эдвин!», едва увидела идущего ко мне носатого.

Некромант остановился, удивленный таким радушным приемом, а я уже срывалась на бег, который закончился в его сильных объятиях. Да что там закончился! Эдвин подхватил меня, закружил и остановился, обнимая за бедра так, что я возвышалась над ним. Но следующим вопросом стало подозрительное:

— Риа, что с тобой?

— Весна! — радостно сообщила я.

— Какая весна? — переспросил суровый воин. — Зима в разгаре.

— Значит, разгар! — заключила потрясающе счастливая я и, обхватив лицо носатого ладонями, склонилась к его губам.

Он вздрогнул. Затем подался ко мне, яростно, жадно отвечая на поцелуй, и... замер!

И мне безумно захотелось на весь мир закричать, что я самый гениальный артефактор, но, сохраняя на лице совершеннейшую невинность, я тихо спросила:

— Эдвин, что-то не так?

Ничего не ответив, некромант позволил мне соскользнуть по его телу вниз, поставил меня на ноги, затем сделал шаг назад, задумчиво вглядываясь в мое лицо.

— Эдвин, — я, искушающе улыбаясь, шагнула к нему, — что же ты, зима же в разгаре.

Но носатый вновь отшатнулся, странно глядя на меня, затем хрипло произнес:

— Прости, малышка, что-то мне нехорошо.

Развернулся и торопливо направился обратно в мужское общежитие. Радостная, я раз пять подпрыгнула, но, едва Эдвин остановился и недоуменно обернулся, сделала вид, что скорбно смотрю ему вслед. Очень скорбно. И носатый ушагал в два раза быстрее!

И вот едва он скрылся за поворотом, я вновь раскинула руки, воззрилась в небо и от всей души произнесла:

— Тьма, спасибо! Спасибо, спасибо, спасибо!

И с самой счастливой улыбкой поправила рюкзак, повернулась и... замерла.

Шагах в двадцати, заложив руки за спину и не сводя с меня очень недоброго взгляда, стоял лорд Гаэр-аш. Сердце разом ухнуло куда-то в Бездну, ладони похолодели, счастье вмиг улетучилось.

— В мой кабинет, — холодно приказал ректор.

Шагая вслед за главой Некроса, я отпинала все снежные глыбы, попадавшие под ногами, и все снежные заносы, которые еще не успела убрать нежить, служившая тут дворниками. Надо же было так глупо, так очевидно попасться. Я раз пять порывалась снять артефакт Амаэ, но проблема в том, что, отдав приказ, ректор очень внимательно посмотрел на мое кольцо. И в том, что запомнил, сомневаться не приходилось.

По коридору прошла как осужденная на казнь, в кабинет ректор пропустил меня первую, галантно открыв дверь. Стоило войти, как лорд Гаэр-аш приказал:

— Садитесь.

Медленно опустилась в кресло перед столом ректора, сняв рюкзак и прислонив его к занятой мной мебели. Сам ректор прошел, присел на край стола прямо передо мной, уперевшись руками в столешницу, и вперил в меня пристальный, подозрительный взгляд, под которым вмиг стало крайне неуютно.

Тишина длилась недолго, но атмосфера была очень напряженной, а затем лорд Гаэр-аш прямо спросил:

— Отворотный артефакт?

Я удивленно взглянула на него, но под суровым пристальным взглядом вновь опустила голову и прошептала:

— Да.

Пауза.

Затем холодное:

— Именно артефакт?

Опустив голову еще ниже, я прошептала:

— Да.

На этот раз паузы не было, сразу последовал вопрос:

— Для чего было изготавливать артефакт там, где можно было обойтись более слабым амулетом?

Мне показалось, что еще немного и я уткнусь носом в колени, а потому голову опускать ниже не стала, гордость не позволила, да и глупо было бы. С тяжелым вздохом тихо призналась ректору:

— Побоялась, что амулет не подействует. Артефакт надежнее. — А после уже увереннее добавила: — К тому же артефакт Амаэ не относится к запрещенным магическим предметам!

И осторожно посмотрела на ректора. Лорд Гаэр-аш все так же не мигая сжигал меня взглядом и, когда заговорил, продолжал пристально разглядывать.

— Все так, адептка, однако вы упускаете одну немаловажную деталь — артефакты могут изготавливать лишь артефакторы определенной специализации с завершенным образованием и патентом на магическую деятельность!

Я побледнела.

— Вижу — осознали, — усмехнулся ректор.

Не просто осознала — перепугалась настолько, что едва дышала. Сейчас главе Некроса было достаточно вызвать одного из курсирующих на территории академии дознавателей, и меня не просто исключат — посадят. Но секунды летели, а лорд Гаэр-аш все так же пристально смотрел на меня, не порываясь звать кого бы то ни было.

Затем прозвучал вопрос:

— Артефакт действенный?

Угрюмо кивнула.

— Активация?

— Поцелуй, — выговорила с трудом.

В кабинете повисло молчание. Тишина была тяжелой, тревожной, мрачной.

А затем мне протянули руку. Взглянув на ладонь ректора, я перевела удивленный взгляд на него и услышала:

— Ну же, поднимайтесь, Риаллин.

Неуверенно встала, игнорируя протянутую руку, замерла, осознав, что теперь, когда я поднялась с кресла, оказалась недопустимо близко к лорду Гаэр-ашу, продолжающему сидеть на краю стола. Но менее всего в жизни я ожидала, что услышу злое:

— А теперь будьте так любезны, адептка Каро, избавить и меня от этой чрезмерной привязанности к вашей персоне.

От неожиданности я отпрянула назад и, несомненно, упала бы, не придержи меня мгновенно среагировавший ректор. И времени на размышления, ответ или не ответ, лорд Гаэр-аш мне не дал — миг, и, запрокинув мое лицо, он захватил в плен мои губы. Резко, жестко, почти зло, прорвавшись сквозь стиснутые зубы, проглотил и новую территорию, одним поцелуем заставив забыть о том, где я, кто я, что со мной...

Но прошла секунда, другая, и поцелуй прекратился, как и следовало ожидать.

Неожиданным оказалось другое — сжав меня в объятиях, лорд Гаэр-аш вдруг глухо простонал:

— Паршивый из вас артефактор, Риа. Никчемный, я бы даже сказал.

И сделав вид, будто совсем ничего не произошло, ректор отпустил меня, обошел стол, сел на свое место, придвинул ближайшую папку с документами.

А я, ошеломленная и потрясенная, стояла, не в силах понять, что происходит, почему и... как это понимать?

— Ваш артефакт, к моему искреннему сожалению, не действует на определенную категорию чувств, — не поднимая головы произнес лорд Гаэр-аш. — Советую снять его и не носить столь открыто. И да, — холодный взгляд на меня, — когда доработаете, будьте добры посетить мой кабинет. Свободны, адептка.

Медленно повернувшись, я подхватила рюкзак и на негнущихся ногах покинула кабинет ректора. Но едва взялась за дверную ручку, была остановлена вопросом:

— Кстати, для кого был изготовлен артефакт?

Сглотнув, я промолчала.

Лорд Гаэр-аш не стал дожидаться ответа и вынес предположение:

— Норт Дастел?

Вновь не ответила.

— Я понял. Идите.

Я не вышла — вылетела.

Закрывает дверь, промчалась по коридору, вбежала в туалет и только там, обессиленно привалившись к стене, постаралась забыть, просто забыть все, что только что произошло.

Потом встала, перемотала артефакт пластырем, чтобы не бросался в глаза дознавателям, а едва вышла, столкнулась с Дастелом.

Норт, сумрачный и раздраженный, шел по коридору, кажется, даже направляясь к ректору, но, увидев меня, мгновенно свернул с пути, подошел, остановился в двух шагах, глядя очень внимательно.

— Трупов, — нервно поздоровалась я.

Улыбка некроманта вышла какая-то странная, кривая даже, после чего Дастел спросил:

— Пристанешь с поцелуем?

Значит, Эдвин у него уже был. Что ж, вместо ответа я просто шагнула к Норту. Закрыв глаза, обвила его шею руками, поднялась на носочки и действительно пристала с поцелуем. Дастел не сопротивлялся и вообще даже не пошевелился и, когда я отпустила его, хрипло произнес:

— Да, отвращение действительно появляется.

Я молча стянула его фамильное помолвочное кольцо, вложила в его ладонь, заставила сжать пальцы, улыбнулась некроманту и скорее себе, чем ему, тихо сказала:

— Ну вот и все.

Норт молча смотрел на меня.

— Прости, — виновато улыбнулась, — но я не могу так больше. Все наши договоренности остаются в силе, артефакт я тебе все равно сделаю, и даже не один, а четыре. Защитные, точно такие же, как тот, что будет у принца Танаэша, это сложно, очень, но так я точно буду знать, что никто из вас не пострадает, тем более Эдвин собирается участвовать в связке с Гобби, так что я Харну вообще многим обязана. Как и вам с Даном — вы хорошая команда.

Некромант не произнес ни слова, продолжая все так же молча смотреть на меня.

— Я страшная, да? — и отошла на шаг, понимая, как неприятно ему сейчас находиться рядом.

— Разрывать помолвку — глупо, — сипло произнес Норт.

— Знаю, — отошла еще на шаг, чтобы ему стало легче. — Но если фиктивная помолвка меня устраивает, то твои попытки сделать ее настоящей — нет. Не знаю, что ты себе вообразил, но нет, Норт. И теперь, когда ты ко мне ничего не испытываешь, могу сказать прямо — я не из тех, кто будет прогибаться под обстоятельства. Никогда.

Уходила не оборачиваясь и не в силах прекратить улыбаться.

На сердце стало легко и спокойно, в душе царил весна, и предчувствие чего-то хорошего, светлого и доброго наполняло окружающий мир.

И мрачный заснеженный Некрос неожиданно представился прекрасным, полным света, цветов, солнца, волшебным, наподобие эльфийских замков в окружении цветущих садов. Таким сказочно-прекрасным, с высокими арками, светлыми окнами, золотыми шпилями башен...

Мир содрогнулся!

Не удержавшись, я упала на колени, застонала от боли, потому что кожу на ногах содрала еще вчера, когда Рика спасала, и все снова стало серым и мрачным вокруг, разве шумным очень — из корпусов и аудиторий выбегали адепты и преподаватели.

Потом, вечером, на последней лекции профессор Керон расскажет, что землетрясение в этих местах случилось впервые за пятьсот лет, но я едва ли услышу его слова, ведь все мои чувства будут сосредоточены на том, как Рик осторожно касается моих пальцев...

Глава четвертая

НАПАДЕНИЕ

Моя жизнь стала удивительной. И какой-то правильной. А еще очень-очень счастливой.

Счастливой настолько, что мне постоянно казалось — вот сейчас что-то случится, и я опять потеряю тех, кто мне дорог — Рика, Гобби, Пауля... и даже Норта, Эдвина и Дана. Кто бы мог подумать, но те, кто совершенно не устраивал меня в роли врагов или даже друзей, оказались на редкость замечательными соратниками, и, проводя с ними неизменные пять часов в день, я больше не тяготилась ни присутствием Норта, ни шутками Дана, ни собственническими замашками Эдвина. Все действительно изменилось — они стали относиться ко мне как к члену команды, я к ним фактически так же.

Но, несмотря на сложную учебу тренировки, выматывающие настолько, что я едва на ногах держалась, и работу над защитными артефактами для команды Некроса, все мои мысли занимал Рик и только Рик.

Рик был на рассвете — когда, просыпаясь, я находила букет зимних цветов на подушке.

Рик ждал утром у женского общежития и улыбался так светло и радостно, стоило мне появиться на лестнице.

Рик проводил со мной все перерывы между лекциями, и, когда он был рядом, даже Керон не мог испортить мне настроения.

И после лекций мы сидели в столовой, здесь было светлее и гораздо теплее, чем в библиотеке, и делали уроки. Вместе. Потом приходил Норт, и я бежала переодеваться, чтобы с капитаном команды отправиться на полигон — после получения новых правил для Мертвых игр Дастел гонял нас нещадно, но никто не был против. Даже я. А уроки, которые я не успевала делать с Риком, мне помогал выполнять Норт.

Собственно как и сейчас.

Я трижды прочла «Боевой бросок „Взгляд змеи“», но так и не поняла смысла. Удар змеи, бросок змеи, змеиный захват — все это мы учили, но указанного словосочетания я припомнить никак не могла.

Повернувшись, посмотрела на Дастела — некромант полулежал на кровати и внимательно читал статьи Эллерга по академической некромантии. На мой взгляд — тьма несусветная, я прочла семь строчек, после чего утратила нить рассуждений одного из светил мертвой науки, а вот Норт читал с явным интересом.

— Что? — спросил он, скорее почувствовав, чем заметив мой взгляд.

— Можешь объяснить? — попросила я.

Дастел закрыл трактат, не забыв положить закладку между страницами, легко поднялся с кровати, подошел, встал позади меня, наклонился, упираясь кулаками в стол, прочел предложение, на которое я указала.

— Что именно непонятно? — уточнил, едва прочитав.

Решив, что, может, я чего не заметила, перечитала. Все тот же «Боевой бросок „Взгляд змеи“». Указала повторно на словосочетание.

— Магическая атака, направленная визуально, — произнес нечто маловразумительное Норт.

Запрокинув голову, недоуменно посмотрела на него.

— Ладно, вставай, — сдался капитан. — Покажу на примере.

Подав руку, помог подняться, отвел ближе к кровати, сам отошел на середину комнаты.

— Смотри, — взмах рукой, и стул, на котором я только что сидела, поднимается. — Это энергия, направленная движением.

Дастел опустил предмет мебели, повернулся ко мне, почему-то загадочно улыбнулся, засунул руки в карманы и продолжил:

— Управление движением — простейший вид боевой магии, но есть и более сложный уровень, используемый в первую очередь за счет своей непредсказуемости, и во вторую — движения

нам не всегда доступны, Риа.

В следующее мгновение меня подняло в воздух! И я зависла в метре от пола, беспомощно болтая ногами.

Что потрясло — Норт даже не пошевелился, не изменил позы, стоял все так же расставив ноги и продолжая с улыбкой смотреть на меня.

— Взгляд змеи, значит? — сдавленно спросила, чувствуя себя крайне неудобно.

— Естественно нет, я не стал бы использовать на тебе удары подобной силы. — Он чуть склонил голову к плечу и продолжил: — Вы сейчас изучаете теорию, практику отработывают исключительно на последнем курсе, когда мозгов становится больше. Не дергайся, поймаю.

Норт шагнул ко мне и действительно поймал, едва странная сила швырнула на пол. Затем поставил на ноги, спросил:

— В порядке?

И едва я кивнула, вернулся на кровать, дочитывать умозаключения Эллерга. Я тоже вернулась за стол, села, приписала для себя на полях тетради «управление взглядом» и вернулась к чтению параграфа. Однако спустя несколько страниц, не оборачиваясь, спросила:

— Норт, а это сложно?

— Нет, — ответил некромант.

Обернулась, натолкнулась на внимательный взгляд Дастела и, решив не развивать тему, вновь вернулась к домашней работе. Однако проявив неожиданное великодушие, Норт сказал:

— Трое.

— Трое что? — не поняла я.

— Трое из всего потока боевиков в этом году освоили данный уровень некромантии. Из практиков столь высокого уровня не достигает практически никто. Остальные факультеты знают о визуальном управлении исключительно в теории. Еще вопросы?

Отрицательно покачала головой.

Дверь распахнулась, без стука вошел Дан, резким движением откинул волосы со лба, кивнул мне и спросил у Норта:

— Ты идешь?

Дастел почему-то указал взглядом на меня.

— Провести ее? — предложил некромант.

— Сегодня полнолуние, Дан, — холодно напомнил Норт.

— И? — не понял рыжий.

Неодобрительно усмехнувшись, Дастел произнес:

— И я страхую Рию.

Укоризненно взглянув на него, некромант напомнил:

— Так Рик же есть.

— Разве Рик целитель? — язвительно поинтересовался Норт.

— Да ладно, ничего с ней не случится, в прошлый раз же справилась! — возразил Дан. — Норт, да брось, мы уже путь проложили, таверна с обеда закрыта для посетителей, все ждут. Ну же!

Планы поразили даже меня — адепты-выпускники собирались напиться. Судя по степени приготовлений, выпить планировали много. А если учесть нервозность Дана — мероприятие давно готовилось.

— Норт, — я повернулась к Дастелу, — иди куда собирался, я поела, сил хватает, справлюсь.

Тяжело вздохнув, Норт и меня одарил крайне неодобрительным взглядом, после чего сообщил:

— Нет. — И добавил: — Ты делаешь артефакты для всей команды, следовательно, я, как капитан, обязан помочь. Вопрос закрыт.

Дан взвыл, схватившись за голову, а затем вдруг опустил руки, перевел шальной взгляд с меня на Норта и выпалил:

— Да возьми ты ее с собой!

Норт отложил талмуд, который принялся демонстративно читать, едва ответил мне, вскинул бровь, посмотрел на Дана.

— Серьезно, бери! — начал настаивать рыжий. — Риа для всех твоя невеста, так что это вполне пристойно. Полнолуние начнется через три часа, как раз успеем посидеть, выпить, а потом вы подниметесь наверх. Таверну для посетителей закрыли, все верхние спальни абсолютно свободны, более того — не придется гасить откат при использовании света Луны. Ну! Я же дело говорю, согласись.

Норт не соглашался, Норт задумчиво постукивал пальцем по корешку книги.

— Да слушай же, — сам Дан никого не слушал, он снимал мой и Дастела плащи с вешалки, — никто же не обратит внимания, что вы уединитесь. Ну ушли и ушли — все люди взрослые, все поймут, тем более в курсе, где Риа ночует. Потом спуститесь, Норт, ты же наших знаешь, даже шуток не последует.

Больше не делая попыток возразить, Дастел просто посмотрел на меня. Я ответила решительное:

— Нет.

— Нет так нет, — не стал возражать Норт и вновь раскрыл книгу.

— Тьма-а-а! — взвыл Дан. — Ну, Риа, ну, ко всем умертвиям, ну раз в год же собираемся! Всего раз. Все наше тайное общество! Вот как там без Норта, а? Он же второй глава! Ну, Риа! Ну какой к демонам артефакт?!

Я даже отвечать не собиралась, впрочем, за меня ответил Дастел, сообщив рыжему:

— Важный, Дан. И ценный настолько, что изготовь его сертифицированный мастер-артефактор, вещь потянула бы по стоимости на твой родовой замок.

И рыжий заткнулся. Мгновенно. Переводя потрясенный взгляд с меня, на гору запрещенных книг, которые лично я не осмелилась бы принести в свою комнату, так что риск целиком и полностью был на Норте. Последний с усмешкой посмотрел на изумленное лицо Дана и спокойно поинтересовался:

— А ты полагал, что Риа ночами не спит просто так, в силу каприза?

— Нет, я решил, что ты продолжаешь ее шантажировать, — простодушно ответил Дан.

— Рию? — Норт расхохотался, затем устало покачал головой и тихо произнес: — Я поумнел.

Почему-то после этих слов я невольно улыбнулась и вернулась к домашней работе.

— Ыыы! — взвыл Дан.

Но не сдался. Неожиданно отшвырнув оба плаща, адепт подскочил ко мне, развернул вместе со стулом, опустился на одно колено, схватил меня за руку и самым торжественным голосом заявил:

— Риаллин, маленькая, клянусь, я лично принесу тебя обратно на руках! Я буду неотступно следить за твоей безопасностью, я в зубах стану таскать за тобой сумку! Я не выпью ни капли, пока не верну тебя в Некрос! Я... Ну пожалуйста, Риа, это же раз в год всего, а для нас так вообще последний раз! Ну, Риа, ну ради меня!

И мне стало неудобно ему отказывать. Совсем. Так что решила согласиться, но... но вот в комнате меня ждут Гобби и Пауль, и если вовремя не вернусь, они переживать будут. Да умертвия, да неживые, но переживать будут, как и я за них. Так что...

— Хорошо, Дан. — Я закрыла учебник.

— Да, я сделал это! — обрадовался рыжий.

Норт не спешил радоваться и, глядя на меня, спросил:

— Но?

Укоризненно глянув на него, я действительно начала с «но»:

— Но мне нужно сходить в комнату и взять рубашку.

Дастел улыбнулся, закрыл свою книгу и, поднявшись, направился к шкафу.

— Зачем тебе рубашка? — не понял Дан.

Я открыла было рот, чтобы ответить, но глядя в удивленные глаза некроманта, резко передумала просвещать некоторых по поводу особенностей создания артефактов.

— Чувствую, тут есть что-то интимное, — издевательски протянул рыжий.

— Рот закрой, — оборвал его Норт и, изучая полки с одеждой в своем шкафу, спросил: — Риа, тебе черную, белую, синюю, или под цвет твоих глаз — темно-зеленую?

Недоуменно взглянув на него, я поправила:

— У меня глаза карие.

— Когда как, — не поворачиваясь, задумчиво ответил Норт, — на свету темно-зеленые. Так значит, белую?

И, не дожидаясь моего ответа, некромант извлек из стопки одежды белую шелковую рубашку, швырнул на кровать, следом туда полетел тонкий черный шерстяной плед и почему-то белоснежная шелковая простынь. После чего Дастел через голову стянул рубашку, швырнул ее в корзину с грязным бельем и в полуголом состоянии глянул на меня, вопросительно выгнув бровь.

Я покраснела вмиг, почему-то чувствуя себя обвиненной в подглядывании, и отвернулась, так и не высказав Норту все, что я думаю по поводу предоставления мне его рубашки.

— Наверное, я пойду, — почему-то решил Дан. Не сдвинувшись при этом с места, напротив — смотрел на меня с самой издевательской ухмылочкой.

— Да я же не знала, что он разденется! — попыталась оправдаться перед рыжим.

Норт, пока я смущалась, надел традиционную для Некроса черную рубашку, подошел и, застегивая рукава, спросил:

— Никуда перед дорогой не хочешь?

— В свою комнату, — подсакивая, сообщила я.

— Зачем? — удивился Дастел. И, указав на мою сумку с артефакторским инструментарием, притулившуюся в углу, напомнил: — Ты же уже все взяла.

Взяла, конечно, но предупредила Гобби, что вернусь к трем, как только с лунным ритуалом закончу, а тут этот поход в таверну, и гложут меня сомнения, что успеем с возвращением.

— Мне серьезно в комнату сбегать нужно, — произнесла я, глядя на Норта. Осмотрелась и даже повод придумался: — Учебники занести.

В черных глазах Дастела промелькнуло такое выражение, будто он сомневается в моей адекватности, после чего он сказал:

— Дан, сгоняешь, отнесешь.

— Утром? — предположил рыжий.

— Сейчас, — припечатал Норт.

И вновь вернулся к шкафу, чтобы взять плащ. Дан пожал плечами, посмотрел на меня и сказал:

— Собирай, давай, свои учебники.

Я спорить не стала, быстро сложила все в ученический рюкзак и, пользуясь тем, что адепт отвернулся, быстро написала на листке: «Гобби, я сегодня задержусь. Ушли с ребятами в таверну». Записку сунула в дневник с расписанием, точно зная, что зомби его сразу откроет — расписание мне Гобби заполнял.

А когда Дан ушел, Норт осторожно переставил мою сумку на кровать, рядом разместил свою, вот в свою положил вещи, после чего окинул меня внимательным взглядом и вынес вердикт:

— Мой плащ возьмешь.

— Зачем? — удивилась я.

Дастел выразительно посмотрел в сторону моего старенького, потертого и не особо теплого плаща и с нажимом повторил:

— Возьмешь мой.

Полностью проигнорировав его слова, я направилась к вешалке и... мой плащ самым издевательским образом взмыл вверх и, зацепившись за балку, остался висеть на ней, в абсолютной для меня недосягаемости.

— Риа, — Норт подошел сзади, набросил мне на плечи свой тяжелый меховой плащ, от которого плечи разом ссутулились, — как твой целитель, я вправе принимать подобные решения. Согласись, нас обоих не обрадует необходимость лечить тебя перед ритуалом.

— Ыы! — взывала я, используя лексикон Гобби.

— Да-да, я понял, — невозмутимо парировал Дастел. — И в туалет я бы на твоём месте сходил, нам около часа по лесу идти, а кустики там весьма небезопасны.

Не то чтобы я испугалась, но послушалась, и, когда вернулась, Норт, Эдвин, Дан и еще двое незнакомых мне адептов, все в плащах, при легких мечях и с рюкзаками, молча ожидали моего появления. Причем меховых плащей ни у кого не было! Все налегке собрались топтать.

— Норт... — растерянно начала я.

Мое некрсовское одеяние взмыло выше и намоталось на балку, а Дастел с самым невозмутимым видом экипировал меня собственной одежкой.

Общежитие покидали в абсолютном молчании.

В таком же молчании мы встретили еще две группы, которые влились в наш поток, и черные фигуры безмолвно заскользили по направлению к склепу, возглавляемые одним из незнакомых мне адептов.

Выглядело все донельзя загадочно и важно, мистически даже. Особенно напрягало молчание, и в итоге я действительно почувствовала себя членом тайного общества.

А потом Норт шагнул к стене склепа, сверкающий символ на миг осветил пространство, и мы нырнули в вены Некроса. По ним двигались недолго — не прошло и десяти минут, как Норт открыл следующий проход.

Но вот едва мы вышли в лесу, раздался отчаянный перепуганный вопль!

Я вздрогнула, порываясь бежать на помощь, но меня удержал Эдвин. Дан, впрочем, тоже не позволил бы никуда бежать без Норта, который шел последним, чтобы закрыть за всеми проход. Рыжий недовольно произнес:

— Лично же раздал всем новые правила техники безопасности, где четко сказано — никаких кустов! Что за тупые тролли!

— В смысле кусты? — не поняла я.

— Да в прошлом году двое отошли по... — Дан замялся и продолжил уже тише, — надобностям, их и подрали оголодавшие мертвяки. В этом году мы изменили правила, но, смотрю, не особо подействовало.

Наша группа дождалась, пока Норт закроет ход, и только после этого все двинулись дальше — впереди Эдвин и Норт с обнаженными мечами. Затем Аргус, он в этом году на Мертвых играх проиграл Норту, потом я, позади меня Дан с моей сумкой, потом остальные. Что примечательно — девушек вроде больше не было.

Вскоре нагнали группу из семерых некромантов — как и подозревал Дан, у них имелся раненый. Норт бегло осмотрел его, тихо выругался, но лечить не стал, хотя как мне показалось, именно этого от него и ждали.

— Нарушение правил безопасности, — поднявшись, сказал Дастел. — Осознанное нарушение. Плюс — пьян.

Лежащий на снегу адепт тихонечко взвыл.

— Уносите его, — приказал Норт.

Провинившийся некромант оказался полноват, на вид не особо приятен, плюс действительно пьян. И по пьяни адепт начал возражать, чего-то требовать, доказывать и даже сыпать угрозами. Заткнулся только тогда, когда его носильщики пригрозили попросту бросить идиота на дороге. Но мне почему-то запомнились маленькие поросычьи глазки незадачливого некроманта и его очень недобрый взгляд на Норта.

— Ждем двенадцать минут, — сообщил Дастел адептам, уносившим толстяка.

И мы остались ждать. Уже минут через пять я ощутила благодарность за плащ — мороз крепчал, на ветру поскрипывали сосны, снег при малейшем движении отзывался хрустом, ледяные иглы словно впивались в кожу. А мне еще с час сегодня в одной рубашке на морозе придется быть...

К тому моменту как вернулись оба некроманта — все парни уже подпрыгивали, переступали с ноги на ногу и растирали ладони — холодно. И мы двинулись в путь — гуськом, в тишине, и только снег скрипел под ногами, а так — темный зимний лес, в свете поднимающейся луны безмолвные фигуры в черном плавно движутся по извивающейся тропке. Жутковато. И становилось только страшнее, учитывая, что чем дальше в лес, тем выше сосны, гуще тьма и холоднее воздух. И не знаю как некромантам, а мне уже хотелось вернуться обратно в Некрос, он, конечно, жуткий, но не настолько же.

— Потерпи, недолго осталось, — донесся до меня голос Норта.

Не то чтобы я устала, идти было несложно, дорожку протаптывали впереди идущие, но ночь,

мороз, хруст пробирающихся заиндевелых и потому неповоротливых умертвий, нарастающий гул следующих за нами зомби. Мертвые в такой мороз передвигаются с трудом, но голод заставлял их следовать за живыми, и они следовали — поднимаясь на очередной холм, я оглянулась — толпа умертвий была внушительной.

— Не догонят, — успокоил меня Дан.

— Да знаю я, — тут все знают, некроманты же, — просто жутко.

— По-моему — весело, — хмыкнул рыжий.

Я поежилась и ничего не сказала. Идея отправиться неизвестно куда нравилась мне все меньше и меньше, нужно было остаться в Некросе.

— Дан, — спустя некоторое время позвала адепта, — а что это вообще за собрание?

— Пьянка, — весело ответил парень, — но поводом к ней служит ритуал возрождения Некроса.

— Что? — удивленно переспросила.

— Возрождение Некроса. — Адепт, идущий впереди меня, обернулся. — Тебе Норт не рассказывал?

Отрицательно покачала головой.

— Странно, — парень нахмурился, — невест посвящать можно.

— Во что посвящать? — не поняла я.

— В тайну, — некромант улыбнулся. — Сив.

— Риа, — представилась я в свою очередь, догадавшись, что это было его имя.

— Да знаю, — парень пожал плечами, — тебя все знают. Дан, она реально не в курсе?

Рыжий, на которого я оглянулась, а идти с повернутой головой не особо удобно, и я едва не споткнулась, развел руками и произнес:

— Да какая разница? Все равно ничего не получится, эти сборища давно стали достойным поводом для пьянки и не более. Или ты реально веришь, что мы сумеем заставить сердце Некроса биться? Смешно, Сив, оно мертвое, сделать мертвое живым — нереально.

Нехороший холодок прошелся по позвоночнику. Очень нехороший.

— Сив, — вновь повернулась к впереди идущему некроманту, — и вы что, будете проводить ритуал возрождения?

— Ну да, — просто признались мне.

Нервно сглотнула и переспросила:

— Сив, еще раз, вы собираетесь проводить ритуал, запрещенный законом четвертого королевства?

Парень весело кивнул.

Я остановилась так резко, что идущий сзади Дан врезался в меня, но ничуть не растерялся, подхватил обеими руками за талию, приподнял и так и понес, словно знамя поверженного сопротивления.

— Да не пойду я никуда! — возмущенно зашептала парню. — Тьма, вы совсем с ума сошли?! Это же запрещенный ритуал, это...

— Да-да, шесть лет каторги, я в курсе, — усмехнулся Дан, — только ты учти, Риа, с нами ректор и еще четыре высших некроманта будут, или ты думаешь, такие вещи проворачиваются без ведома руководства?

Потрясенно молчу. Дан, продолжая нести меня, прижал к себе крепче и уже шепотом:

— Нет, ну конечно, то, что я тебе сказал, знают не все, да и собираются лучшие из лучших, доверенные. Впрочем, сама увидишь. Только учти — большинство увидят совсем не то, что совершат посвященные. Ну как, успокоилась?

— Успокоилась, пусти.

И вот, шагая следом за Сивом, я все думала — а действительно, как адепты смогли бы повернуть такое без ведома руководства? И еще — пока мы идем по тропинке, на нас никто не напал. То есть ни многорукого угарра, выскакивающего из схрона под очередным корнем замшелого пня, ни шушер, слетающих с ветвей деревьев, ничего. Тропа зачарована? Похоже, что так. И теперь становится понятен запрет сходить с тропы, к примеру, в кусты. Но все же, вся эта история...

— Да ритуал это быстро, — продолжал успокаивать меня Дан, — часа полтора обычно, потом ректор и высшие сваливают, а мы остаемся до утра в таверне, и все запасы вина наши. Будет здорово, вот увидишь.

— Я не пью, — сухо сообщила парню.

— Замечательно, значит, нам больше достанется, — заявил некромант.

Невольно улыбнулась.

Шли еще долго. Я уже из сил выбилась, когда впереди показались огни дороги, а едва мы на нее выбрались, увидели и таверну, сверкающую огненной надписью «Путь мертвяка». Да, милое название, очень, просто так все желание идти в нее пропало разом. Но парни оживились, все зашагали быстрее, и мне теперь приходилось нелегко — адепты все выше меня значительно, ноги у них длинные, шаги широкие — хоть бери и беги! Но не пришлось к счастью — едва ступили на дорогу, Дан потянул в сторону, и мы пошли уже вместе с ним, гораздо медленнее остальных.

— Ты как? — замыкающий колонну Норт догнал нас и пошел рядом.

— Спасибо, что посвятил в тонкости предстоящего ритуала, — съехидничала я.

Дастел холодно произнес:

— Извини, повода не было. Например, не я согласился сюда прийти сегодня.

И зашагал вперед, бросив меня с Даном.

— Зря ты так, — задумчиво сказал рыжий.

— Зря я вообще сюда пришла. — Настроение стремительно испортилось.

В таверну мы пришли последними, и потому плотный бородатый хозяин в тулупе, широких шароварах и в тапках на босу ногу, встретил нас не слишком вежливым:

— Чего копаетесь? Ночь же, почитай, мне недосуг у ворот ждать.

С этими словами массивные ворота были закрыты, заперты на четыре здоровенных засова, каждый из которых еще и замком зафиксирован, потом были еще четыре ключа, после совсем не дешевое защитное заклинание. А затем хозяин, не прощаясь, ушел, поживаясь на ходу, причем не в таверну, а в небольшой домик, притулившийся к забору.

— К-к-куда он? — удивилась я.

— Спать, — сообщил Дан, потянув меня к дверям в самую таверну. — Мы ж все его питейное заведение до рассвета арендовали, и он четко знает — ему к нам хода нет. Сейчас на двери такое заклинание поставят, что любого открывшего вмиг свалит.

— В смысле? — все это просто вводило в ступор.

— Ну, Риа, это тебе не детские игры, это сам ритуал Возрождения, — фыркнул Дан. — Давай быстрее.

Быстрее у меня не получалось, я вообще устала и уже едва шла, да и вопросов было много.

— Дан, я не понимаю, почему тавер...

— Увидишь, — перебил меня некромант и, ухватив за руку, потащил за собой.

А едва открыл дверь, толкнул меня первую, поэтому я по инерции сделала еще два шага и только после остановилась, удивленно оглядываясь. Это была древняя, очень древняя таверна. Настолько древняя, что я сразу заподозрила в ней родовой дом. То есть жилище всего рода, в те смутные времена, когда семья папой и мамой вовсе не ограничивалась, и люди жили целым родом в одном доме, потому что иначе в наших лесах было не выжить. И вот сейчас я потрясенно разглядывала дубовые стены, снаружи явно покрытые и камнем для крепости, массивные столбы, поддерживающие крышу, все изрезанные охранными символами, второй этаж, на который вела лестница, а после по периметру шли перила, так, что поднявшегося и идущего по второму этажу было бы видно из огромного занимающего весь первый этаж зала, двери комнат... И все здесь дышало стариной, силой, суровой древностью могучих лесных родов...

— Нравится? — вопрос задал не Дан, стоящий рядом и с интересом на меня поглядывающий, а один из незнакомых мне некромантов.

— Очень, — выдохнула я. — Волшебное место.

Все рассмеялись. Не с издевкой, по-доброму даже, чего никак не ожидала от некромантов, впрочем... меня их реакция сейчас совсем не интересовала, и едва Дан помог снять плащ, я отправилась бродить между колоннами.

Родовой дом завораживал, и, на мой взгляд, совершенно кощунственно было устраивать здесь таверну, но в то же время любовь хозяина к строению была заметна сразу — он прилагал немалые усилия, чтобы сохранить здесь ощущение прикосновения к древним временам. И массивные деревянные столбы были не выкрашены, а покрыты прозрачным лаком, так что все вырезанные на них символы сохранялись, так же и стены с потолком — старались сохранить каждую руну, каждый знак. И только пол, по обычаям древних каменный, здесь был покрыт деревянными досками, которые даже как-то неуместно смотрелись. Но пол — такая мелочь, он все равно не отнимал у меня удивительного чувства, будто я попала в сказку. Очень древнюю сказку.

Хлопнула дверь, впуская порыв морозного ветра, разом умолкли все адепты, но я даже не обернулась, занятая тем, что водила пальцем по очередной обнаруженной мной руне. Символ ветра. Я знала его, дядя научил, знала и для чего его вырезали древние — эта руна давала постоянный приток свежего воздуха, даже при закрытых окнах и дверях, что в домах, где жили до семи десятков людей рода, являлось очень существенным. Но дядя Тадор показывал рисунок, а здесь настоящий, древний, вырезанный шаманом рунический символ... И я касаюсь его с замирающим сердцем, ощущаю слабый, едва колеблющийся поток энергии — волшебное чувство. Пальцы скользят выше, выше уровня моего роста, чтобы прикоснуться к еще одному чуду — символ Тхаш. Не руна, нет, он древнее, гораздо. Ему, вероятно, не менее тысячи лет и остается только гадать, как знак божественной защиты попал сюда, на столб родового дома, которому едва ли лет триста. Странно. Очень. Но я не могу отказать себе в удовольствии коснуться его, исследовать резкие, словно рубленные линии, и ощутить интенсивный, невероятно мощный поток силы.

Руку отдернула мгновенно.

Замерла, тяжело дыша и не в силах поверить в то, что знак действующий! Действительно действующий! Причем не просто действующий, а наполненный силой! И если я правильно помню курс артефакторской школы, то наполнение Тхаш предполагает ритуал жертвоприношения мыслящего существа — человека!

— Адептка Каро, — голос, прозвучавший надо мной, заставил вздрогнуть.

Стремительно обернувшись, увидела ректора. Лорд Гаэр-аш одарил холодным взглядом и задал вопрос:

— Что вы здесь делаете?!

Я хотела ответить. И я обязана была обратить внимание главы Некроса на наполненный силой знак Тхаш, но... Почему-то замерла, испуганно глядя на ректора и не в силах вымолвить ни слова. Ни единого. Каким-то невыносимым образом перед моими глазами вновь пронеслось произошедшее в кабинете Гаэр-аша, его стремительный поцелуй, его слова, его бессильная ярость... И ничего, совершенно ничего сказать не получалось. Вообще. Застыв, широко распахнутыми глазами я смотрела на лорда Гаэр-аша и... молчала.

— Адептка Каро, — с глухим раздражением повторил ректор.

Он выглядит уставшим, тени на лице, злой взгляд, сжатые губы. Неожиданно понимаю, что так и не видела главу Некроса с того происшествия в его кабинете, поняла это только сейчас, а ведь даже значения не придавала тому, что лекции по Запрещенным ритуалам у нас на этой неделе вел другой преподаватель. Осознала это только сейчас, а еще то — что я бы с удовольствием не встречалась с ректором и дальше. Меня все устраивало, у меня есть Рик, с

ним просто хорошо и спокойно, у меня есть Норт, Эдвин и Дан, которые сейчас вменяемые и с ними тоже спокойно, и мне совсем не хочется вспоминать тот поцелуй в кабинете ректора. Я...

— Вы что, издеваетесь? — неожиданно тихо спросил лорд Гаэр-аш.

У меня дыхание перехватило.

Попыталась сказать хоть что-то и внезапно поняла, что сейчас упаду. Просто упаду, сил стоять никаких не было. Не знаю, что со мной, даже понять не могу, я...

— Простите, лорд Гаэр-аш, как моя невеста, Риаллин имеет право здесь находиться.

Дастел подошел решительно и быстро, судя по дыханию, он вообще откуда-то с другого конца таверны примчался. Встал рядом со мной, обнял за талию и фактически удержал на ногах Я действительно почти падала. Быстрый взгляд на меня, черные брови сошлись на переносице, и уже мне Норт задал вопрос:

— Испугалась? — не дожидаясь ответа. — Так сильно? Риа, ты вся дрожишь.

Тьма, да что со мной? Глянув на Дастела лишь мельком, я вновь смотрю на ректора. Почти с ужасом, все так же не в силах сказать хоть что-нибудь. А он на меня зло, практически не скрывая ярости, с какой-то затаенной ненавистью.

Секунда, вторая, третья... Три удара сердца, и лорд Гаэр-аш отвел взгляд. Посмотрел на Норта, холодно произнес:

— Мне казалось, ты сделал выводы из нашего разговора.

Объятие Дастела на мгновение стало сильнее, почти болезненным, но Норт сразу взял себя в руки и спокойно ответил:

— Сделал.

Ужас сковывает, словно лед реку. По рукам и ногам. Наверное, только когда я с трудом смогла сделать вдох, поняла, что происходит — медленно обернулась, всмотрелась в знак Тхаш и поняла... Я поняла, когда поймут остальные — не знаю. Магия знака сковывала меня. Прорвавшись через эмоциональный всплеск, вызванный моим страхом перед ректором, сила потекла по венам, связывая.

Сердце сжалось.

Следующий удар я ощутила отчетливо — задохнувшись болью...

И Кхелло ожил. Мой защитный амулет, нетерпеливо перебирая лапками, переместился на тыльную сторону руки, подобрался к вене и впился зубами в кожу, добираясь до крови. Значит плохо, очень плохо, значит, я на краю.

Мелкие железные клыки нетерпеливо рвали венозные сосуды, и я вороватым жестом спрятала руку за спину — мантия гарантированно пропитается кровью, но это мелочи, потому что второй удар сердца обошелся без боли, как и глубокий вдох.

И этот вдох не остался не замеченным.

— Риа? — Норт встревоженно обернулся ко мне.

Но я не обратила внимания на его вопрос, увидев, как дернулись крылья носа лорда Гаэр-аша, а после начали медленно суживаться его глаза.

Он ведь не мог ощутить кровь? Еще слишком мало, теплый ручеек только-только потек по запястью... Но ректор повторно втянул воздух, и в его взгляде я отчетливо разглядела подозрение. О том, что сейчас прозвучит вопрос, догадаться было несложно. А вот то, что ответить мне Тхаш не позволит, вряд ли кто-то догадывается. Знак действовал безжалостно и быстро, его задачей было остаться незамеченным, эффективная древняя магия, гениальная в своей простоте. А моя задача выжить, любой ценой, на мне ответственность за жизнь Гобби и существование Пауля. Ни один, ни другой без меня не протянут и месяца в Некросе, их просто упокоят или хуже — отправят на полигон для тренировок некромантов.

И прежде, чем ректор озвучил затаенное в его глазах подозрение, я повернулась к Норту, едва слышно попросив:

— Уведи меня наверх, пожалуйста.

В этот миг я была очень рада, что у Дастела статус моего жениха, а следовательно, я вполне имела право на подобные просьбы, а он на их исполнение. И некромант не стал задавать вопросов, молча подхватил на руки и ни на кого не глядя понес к лестнице. А вот я обернулась, едва мы начали подниматься по ступеням, и с ужасом увидела, как лорд Гаэр-аш накрывает носком сапога несколько капель крови, так и оставшихся незамеченными для других находящихся в таверне. И взгляд, который после этого ректор направил на меня, недвусмысленно продемонстрировал, что ректор только утвердился в своих подозрениях. Вот, Тьма!

Едва мы поднялись на второй этаж, я соскользнула с рук Норта, вполне обоснованно опасаясь запачкать его, и, сжимая запястье, нервно оглянулась на некроманта.

— Вторая по счету, — правильно понял меня Дастел.

— Спасибо, — торопливо ответила я и устремилась к двери.

Дверь открылась, стоило ее толкнуть плечом, и, уже не боясь быть увиденной находящимися внизу некромантами, я побежала в ванную комнату, кусая губы, открыла дверь, ворвалась и подскочила к крану с водой. Стянула мантию, бросила не глядя на пол и, едва не подвывая, поместила руку под воду, торопливо сминая матрицу охранного заклинания.

Вот только учитывая, что Кхелло продолжал жевать мои вены, и это было безумно больно, с сосредоточением на матрице, выходило плохо. Меня просто трясло начало.

— Риа, — судя по голосу, Норт стоял в дверях, — откуда кровь? Да стой же ты!

Он подошел, схватил меня за красную липкую от крови ладонь, рванул рукав, обнажая запястье, и выругался, увидев, что именно происходит.

— Риа! — в черных глазах вспыхнули фиолетовые всполохи.

Я безуспешно дергала рукой, пытаюсь освободиться, и, глотая непрестанно текущие слезы, начала произносить формулу матрицы вслух, потому что отвечать Дастелу в таком состоянии было выше моих сил.

— Дашарнгра эттала...

Слова, это только слова, они как нити плетут то, что должно остановить усердствующий в своей попытке привести меня в чувства Кхелло, но проблема в том, что договорить Норт не дал.

— Риаллин, во имя Тьмы, что ты делаешь?

Кровь на мне, кровь на нем, кровь капает вниз, протекая по его пальцам, сжимающим мое запястье. Слишком много крови для обычного ранения, слишком она торопливо покидает мое тело, значит, Тхаш повлиял сильнее, чем я думала, потому-то и рвет мое тело амулет Кхелло.

Я зажмурилась, до боли, до светящихся точек, восстановила в сознании схему матрицы, сверкающей синеватой дымкой, и продолжила:

— Эргане каерра...

— Тае штар хлеотар! — прозвучало от двери.

И матрица была смята. Единым порывом, легко и свободно, словно кто-то сдул пар, поднимающийся над чашкой с чаем.

В тот же миг разжал лапки и с металлическим звоном повалился на пол мой браслет.

Следом, не выдержав, рухнула на колени я.

И первые секунд десять мне было просто хорошо, и совсем не важно, кто сейчас увидит меня в таком неприглядном виде, и амулет Кхелло, и вообще все...

Но десять секунд прошли. Я распахнула ресницы и медленно подняла голову — в дверях стоял ректор. Стоял молча, привалившись плечом к косяку, сложив руки на груди, и с нескрываемым скепсисом разглядывал мой окровавленный браслет.

— Норт, — холодно произнес он, — займись своей «невестой».

Дастел присел на корточки передо мной, взял пораненную руку, наложил ладонь сверху раны.

Боль сменилась ощущением тепла, тепло растеклось по венам, восстанавливая, излечивая, исцеляя. Говоря откровенно, Норт был великолепным целителем, лучшим из всех мне известных. И сейчас, когда его пальцы, светясь, касались моей кожи, я вспомнила, как он залечил мою сломанную ногу в мертвом лесу, тогда не обратила внимания, но, по сути — слишком быстро даже для мага со степенью. Вот и сейчас рваные раны заживали на глазах, вены срастались, кожа медленно восстановилась, не сохранив и шрама.

А потом я поняла, что упустила и еще один очень важный нюанс.

— Вы — артефактор! — потрясенно прошептала, взглянув на ректора.

Лорд Гаэр-аш усмехнулся и, глядя мне в глаза, отчеканил:

— Нет, адептка Каро, в отличие от вас, недоделанного артефактора, и адепта Дастела, урожденного высшего целителя, лично я — именно некромант. Потомственный.

И высказав все это, он кратко приказал Норту:

— Вон.

Дастел, медленно поднялся, протянул мне руку, чтобы помочь встать, но был остановлен ледяным:

— Бесишь.

И руку Норт убрал. Резко развернувшись, направил взгляд на ректора, и в этот миг я точно могла сказать — этих двоих связывали отнюдь не добрые отношения.

— Лорд Гаэр-аш, вы не вправе... — прошипел Норт.

И договорить ему не дали — в глазах ректора неожиданно и очень пугающе вспыхнули огоньки. Два сверкающих, искрящихся фиолетовых пламени.

— Вон, — несмотря на зримо заметную ярость, с издевательской вежливостью проговорил ректор. И милостиво добавил: — Она не меня испугалась, щенок.

Как сказать. В этот момент я совершенно отчетливо поняла, что до ужаса боюсь главу Некроса. Действительно до ужаса, что...

Огонь в глазах ректора внезапно стал ярче. Дастел тихо выругался и вышел, задетый плечом намеренно не посторонившегося лорда Гаэр-аша.

А за Нортom сама собой захлопнулась дверь.

И засов, сам собой, медленно вошел в паз...

В следующее мгновение некромант плавно шагнул ко мне, приблизившись, присел на корточки, подцепил пальцем мой подбородок, вынуждая запрокинуть голову, и вконец перепуганная, я взглянула в его продолжающие полыхать фиолетовым огнем глаза, практически с нежностью спросил:

— Насколько же ты близка к грани между жизнью и смертью, Риаллин, если смогла увидеть знак, стертый более трех сотен лет назад?

Я оцепенела.

А ректор все так же негромко продолжил:

— Агавар, Элаке, Тхаш или Шейтар?

— Тхаш, — одними губами прошептала я.

Лорд Гаэр-аш медленно перевел взгляд на мои губы, задумчиво исследовал линию подбородка, после вновь посмотрел мне в глаза и спросил:

— Мертвый?

Мотнула головой, обозначая «нет».

Кивнул и задал еще один вопрос:

— Насколько полон силы?

Я сомкнула ресницы, восстанавливая в памяти то ощущение переполненности от символа, и,

все так же не открывая глаз, ответила:

— Два-три дня, не больше и...

И больше я ничего не смогла сказать. Некромант прикоснулся к моим губам так, словно это вовсе и не был поцелуй, просто осторожное касание, и судорожный вздох, и скрип, словно кто-то сжал зубы настолько сильно, что еще миг и они раскрошатся и... И все прекратилось.

Ректор схватил меня за плечи и поднял, поднимаясь сам. Затем подвел к раковине, включил воду, стянув перчатку, достал платок из кармана, намочил, осторожно и отстраненно как-то вытер мои губы, взглянул в глаза, сипло произнес:

— Прости, больше не повторится.

Мне нечего было сказать на это, потрясенно глядя на главу Некроса, я едва дышала.

— В Некросе дознаватели. — Ректор небрежно вернул влажный платочек в карман, вновь натянул черную перчатку на руку. — И не все из них лояльно относятся к тем, кто был, пусть и недолго, в обществе одного из отступников.

Взгляд мне в глаза:

— Полагаю, вы знаете о ком я, адептка Каро?

Холодок по спине, но я постаралась сделать все, чтобы ни жестом, ни вздохом, ни чем-либо еще не выдать свое состояние.

— Есть способы, Риаллин, — продолжил лорд Гаэр-аш, — к которым прибегают только самые выдающиеся черные артефакторы и которые... — пауза, — способны менять человеческую кровь, делая ее крайне привлекательной для нежити и незаменимой для определенных запрещенных ритуалов.

Мой мир содрогнулся!

— Дышите, Риаллин, — холодно посоветовал ректор, — вы сильная и отважная девушка, вы справитесь.

Его голос мгновенно заставил вспомнить, что сейчас не время для слабости, и я устояла. Даже не схватилась за край раковины, просто стояла, опустив руки и глядя на ректора.

— Эти изменения, — тоном профессора на лекции, продолжил глава Некроса, — нередко проявляются в особом влиянии на противоположный пол. В вашем случае на мужчин, Риа. И активация, как вы уже, возможно, догадались — поцелуй.

Что?!

Нет, я не спросила, я вообще не произнесла ни звука и постаралась даже не продемонстрировать удивления. Ничего. Я желала бы выглядеть в данный момент как исполненная невозмутимости и спокойствия скала, как ледяная глыба, как несокрушимый замок, как...

— К чему я вам говорю об этом, — продолжил ректор, — человек, даже маг, не в силах оценить степень наполненности силой столь древних знаков, как Тхаш. Эта способность присуща исключительно отступникам.

Я вздрогнула.

Глава Некроса кивнул и завершил речь отстраненным:

— Если о случившемся внизу узнают, даже мое покровительство не уберезет вас от темницы в обители дознавателей, адептка Каро. Впредь будьте осторожнее. И да — я все еще жду вас с куда более действенным артефактом, чем Амаэ. Буду благодарен, если вы поторопитесь.
Трупов.

С этими словами лорд Гаэр-аш развернулся и покинул меня, даже не закрыв за собой дверь, так что лицо Норта, стоящего не более чем в шаге от входа, я видела отчетливо. Не могла и не заметить, как исказились его черты, едва ректор, проходя, что-то насмешливо произнес.

И он ушел, а у меня в голове билась жуткая фраза: «Способны менять человеческую кровь, делая ее крайне привлекательной для нежити и незаменимой для определенных ритуалов».

— Это неправда...

Кажется, я произнесла это вслух, потому что Норт встревоженно посмотрел на меня. Но мне было все равно.

«Незаменимой для определенных ритуалов».

Кровь. Моя кровь.

«Незаменимой для определенных ритуалов!»

— Это неправда... неправда... Это... — понимаю, что начала бессвязно бормотать, и не могу остановиться, — это неправда... неправда... это... не... неправда. Неправда, нет...

Дастел стремительно подошел, ничего не говоря, включил воду, схватил мои окровавленные ладони и начал мыть. А я стояла, не в силах даже пошевелиться и как ненормальная в очередной раз повторила:

— Неправда...

— Все! — Норт намыливавший мне ладони, неожиданно психанув, швырнул мыло на пол и глухо произнес: — Я в последний раз оставил тебя с ним наедине. В последний. Попытается еще раз бросить мне вызов, и посмотрим кто кого!

Медленно подняла глаза на Дастела, поняла, что по щекам катятся слезы.

«Незаменимой для определенных ритуалов»...

Я никому не нужна. И никогда не была нужна.

Лучше бы я умерла вместе с мамой.

— Риа, — некромант осторожно обнял мое лицо теплыми ладонями, — Риа, что случилось?

Не хочу жить. Не хочу больше. Незачем.

— Риа, — он встревоженно вглядывался в глаза.

А я словно ничего не вижу. Ни Норта, ни эту ванную комнату в таверне, которая на самом деле древний родовой дом, ни паутинки над дверью...

Паутинка и привела меня в чувство.

В следующее мгновение я отстранилась от Дастела, нагнулась и начала умываться, раз за разом окатывая лицо холодной водой.

Да, я никому не нужна, а Рик со мной из-за крови. Теперь понимаю, впрочем, было глупо рассчитывать на счастье, да и отношения нужно строить, а мы... Поцеловались зря. Так что Рикю я тоже совершенно не нужна. Никому не нужна. Но Гобби и Пауль без меня погибнут, я не имею права не учитывать свою ответственность за их будущее. Я нужна им. И своей команде тоже нужна — без артефактов Эдвин, который будет выступать в паре с Гобби, совершенно неподготовленным в отличие от Культяпки, может пострадать. Он ведь идет на осознанный риск ради меня. И Норт с Даном тоже.

«Делай, что должно, и будь, что будет!» — девиз моего отца.

Ему это принесло славу, титул, земли и... гибель.

Что принесет мне? Время покажет, но Гобби я могу и должна оживить.

— Риаллин, — Норт аккуратно оттащил меня от раковины и, взяв полотенце, начал вытирать, — у тебя уже зубы стучат от холода.

Да, точно. Просто не заметила.

— Риа, — отбросив полотенце, Норт осторожно обнял, — что он сказал тебе?

Видимо удар был слишком сильным, а потому вместо того, чтобы промолчать, я ответила:

— Правду.

— Какую? — с мягкой настойчивостью, спросил Дастел.

Глядя на ту самую паутинку над дверью, безразлично ответила:

— Что я никому не нужна. Вообще никому с момента гибели моих родителей.

Норт хмыкнул. Удивленно перевела взгляд на него и, заметив, что некромант наклонился, просто попросила:

— Не надо.

— Да как скажешь, — улыбнулся Норт и, обняв, с тяжелым вздохом добавил: — Вот теперь можешь начинать плакать, это я тебе как целитель советую.

— Хватит с меня слез, — почему-то даже не отстраняясь, прошептала я.

И снова, не пытаясь возражать, Дастел вывел меня из ванной, подвел к окну, отодвинул занавески и продемонстрировал причину, по которой он выбрал именно эту комнату, — луна поднималась четко напротив окна, так что лунного света мне для ритуала будет предостаточно.

— Еще примерно час до полнолуния.

Я кивнула.

— Что с твоим артефактом случилось?

— Защищал, — прошептала, задумчиво глядя на луну.

И тут же осознала, что Кхелло остался на полу в ванной. Метнулась туда, подхватила браслет, отмыла от крови и вернулась, надевая его на руку.

— Это обязательно? — Норт, сидевший на подоконнике скрестив руки на груди, в этот миг напомнил мне почему-то ректора.

— Обязательно, — заверила я, невольно погладив имитацию паука. — Он сейчас — моя единственная защита.

Дастел передернул плечами, потом залез во внутренний карман рубашки, достал коробочку и, открыв, протянул мне. Неудивительно, что я непроизвольно сделала шаг назад — в коробочке находилось то самое помолвочное кольцо.

— Это очень сильный артефакт, Риа. Древний. Защищавший женщин моего рода не один век, и, учитывая ситуацию, я не вижу причин для того, чтобы ты его не надевала.

Поглядев на некроманта с сомнением, осторожно спросила:

— Может быть, ты мне мой прежний браслет вернешь?

Демонстративно развел руками, мол, хотел бы, да не в силах, и вновь протянул кольцо.

— На один вечер, чтобы я был спокоен и уверен в успешном завершении ритуала.

В моем положении глупо было бы геройствовать, и потому я попыталась взять кольцо. Попыталась, потому что Норт не дал этого сделать — перехватил мою ладонь, поставил коробочку на подоконник, достал кольцо, самолично надел мне на палец, улыбнулся, поднес руку к губам и осторожно поцеловал, не отрывая от меня взгляда.

— Это обязательно?

— Не то чтобы обязательно... — Дастел опустил, но не отпустил мою ладонь. — Просто мой троюродный брат сказал, что у меня два варианта — или вернуть тебя в Некрос или дать выплакаться, потому что в ином случае ты неадекватно поведешь себя сегодня.

Изумленно глядя на Норта, я почему-то шепотом переспросила:

— Ректор твой... родственник?

— Да ладно, ты с твоей наблюдательностью не могла не заметить, что я на особом положении в Некросе, — усмехнулся Дастел.

Не знаю, что сказать на это, и решила просто деликатно промолчать. Норт потянул за руку, привлекая к себе, обнял, едва я уткнулась в его рубашку, погладил по волосам и спросил:

— Ты вниз спустишься?

Кивнула.

— Уверена? Судя по тому, что провернул Артан, тебя ждет крайне неприятная встреча.

— Артан? — переспросила я.

— Артанаэш Гаэр-аш, — пояснил Норт.

Артанаэш — ректор, Норт вообще Нортаэш, принц, насколько мне известно, Танаэш...
Забавные имена. И забавное сходство.

— Вы... королевской крови? — осторожно спросила, понимая всю бестактность вопроса. — Прости, можешь не отвечать.

Дастел пожал плечами и с каким-то затаенным гневом произнес:

— Кровь без власти... — погладил меня по спине и добавил: — Артан отказался от прав на наследование престола сам в довольно... грубой форме, меня вычеркнули, не спрашивая. Целитель во главе королевства?! Смешно, не правда ли.

Я, затаив дыхание, слушала, и любопытство не позволило возразить, когда пальцы Норты, начали перебирать волосы на затылке.

— Ничего, — с каким-то убийственным спокойствием произнес некромант, — я всегда прихожу к намеченной цели. И меня поддержат. Никому не нужен чужак на троне.

Он усмехнулся, наклонился и, касаясь дыханием моего виска, тихо спросил:

— А у тебя какие планы на будущее?

Даже не сразу нашлась, что ответить на это, и пришлось сказать правду:

— Получу лицензию и соответственно доступ к своему наследству, куплю домик в столице на окраине, доучусь на артефактора и буду мирно жить с Паулем.

Отстранив, Норт, чуть скривившись, посмотрел на меня и удивленно спросил:

— Это все?

— Да, — пожала плечами я. — Тихие мирные планы на будущее. Меня устраивает.

Улыбнулся, с какой-то снисходительной жалостью глядя на меня.

— Что? — спросила немного враждебно.

Отрицательно покачал головой, затем спрыгнул с подоконника и произнес:

— Шейтас.

На его рубашке и на моей мантии заискрились пятна крови, чтобы исчезнуть не оставив и следа. Улыбнулась Норту, но поблагодарить не успела.

— Мелочи, — весело произнес Дастел, — мы же друзья. И даже больше — мы команда, Риа.

Я даже нашла в себе силы улыбнуться.

Но едва мы вышли из комнаты и я взглянула вниз — улыбка померкла. Этого человека я узнала бы и среди ночи — дознаватель лорд Нардаш. Холодные, слишком светлые, какие-то водянистые глаза дознавателя мою фигуру не оставили без внимания. Мужчина мрачно окинул меня взглядом с головы до ног, затем взгляделся в кольцо, на левой руке, следом уделил внимание Норту и вновь посмотрел на меня. Именно в этот миг я поняла, почему ректор был против моего здесь появления. И почему в столь жесткой форме посоветовал не демонстрировать обнаружение символа Тхаш. Да, лорд Нардаш мгновенно бы среагировал. Но сейчас мы лишь обменялись взглядами, после чего дознаватель отвесил насмешливый полупоклон, не скрывая ни от кого собственное презрительное ко мне отношение.

В другое время меня бы передернуло, а сейчас было просто все равно. Абсолютно все равно. Душу заполняла какая-то болезненная звенящая пустота, и менее всего меня волновал лорд Нардаш.

Гораздо больше заинтересовало происходящее — все столы оказались сдвинуты, и сейчас адепты снимали деревянные доски, обнажая каменный, испещренный символами пол. Древний пол. Но вот кое-что лично меня потрясло — работали адепты, которых я не знала, а к примеру Дан с Эдвином стояли в сторонке, переговаривались и не участвовали в трудовой повинности. Как впрочем, и остальные выпускники.

— Что происходит? — вполголоса спросила у Норта.

— Готовятся к ритуалу, — пояснил некромант, задумчиво разглядывая то, во что превращали таверну.

Я же ощутила, как ледяной узор поднимается по спине. К какому ритуалу? Здесь нельзя проводить ритуал! Тхаш не просто помешает — исказит и отбросит на некромантов всю энергию вплетенной магии! Ректор же знает!

Мой испуганный взгляд обыскал фигуры стоящих у двери высших некромантов, и я невольно вздрогнула, увидев, что и лорд Гаэр-аш внимательно на меня смотрит. Предупреждающе смотрит. Так, что у меня мгновенно пропало всяческое желание задавать вопросы.

— Риа, я тебе сейчас скажу одну вещь — если Артан что-то делает или говорит, значит так надо. Несмотря на весь его мерзкий характер, своих он в беде не бросает, а ты для него своя.

Стремительно повернулась к Норту, наградив более чем недоуменным взглядом.

— Ты моя невеста, я его родственник, — пояснил некромант.

Если бы все было так, меня бы это очень даже устроило, а сейчас? Мне не хотелось думать о том, как наши отношения с Нортом воспринимаются главой Некроса. Впрочем, и так все ясно — ректор убежден, что Дастела ко мне притягивает моя кровь. То есть с этим понятно, а вот чего лично мне ожидать от лорда Гаэр-аша? Того, что он знает, уже сейчас достаточно, чтобы меня казнили без суда и следствия.

— Идем, — позвал Норт и, взяв за руку, повел к лестнице.

Спустившись, мы подошли к Дану и Эвину, причем второй обменялся с Дастелом выразительными взглядами, и после нам оставалось лишь следить за происходящим.

К ритуалу готовились основательно. Полностью расчистили пол, и сейчас сверкающая, выложенная кристаллами семиконечная звезда с руническими символами в каждом луче была

отчетливо видна. Расположили свечи в высоких подсвечниках по кругу. Принесли ритуальные черные свечи, увенчав каждый угол звезды, потом двое из адептов принесли тело, замотанное в черное.

Я вздрогнула, когда в центр звезды прямо на пол уложили обнаженную девушку.

— Девственница, — пояснил для меня Дан. Вообще лучше брать некромантку, но где среди вас, некроманток, найдешь девственницу?

Потрясенно молчу. Замечаю насмешливые взгляды, которыми безмолвно вновь обменялись Эдвин с Нортом. Они что, знают? Посмотрела на Дастела, тот усмехнулся, обнял за плечи и шепнул:

— Своих не выдаем, члены команды — это вообще святое, Риа.

Меня не это волновало, глядя на уложенную девушку, мне было стыдно за ее наготу, за нее стыдно, вообще стыдно. На ней совсем ничего не было, а все смотрели. Хуже того, раздался голос Нордаша:

— На север головой нужно.

И двое адептов мгновенно стали двигать тело. А все смотреть.

— Слушай, Риа, у меня такое впечатление, что ты сейчас ринешься на защиту этой крестьянки, — вполголоса заметил Дан.

— С чего бы? — прошипела я.

— А у тебя кулачки сжимаются, и губы ты уже пару минут нервно покусываешь, — сообщил Норт.

В следующее мгновение я действительно ринулась, но к двери. Пройдя мимо ректора и остальных высших некромантов, схватила свой плащ, точнее Норта, но дал ведь он мне его, после чего прошла на середину зала, к лежащей девушке, и осторожно укрыла.

— Эй, да все зрелище портишь! — возмутился кто-то с младших курсов. — И для ритуала она голой должна быть.

— А что, ритуал уже начался? — ядовито поинтересовалась.

Никто не ответил, так что сделав свое дело, я вернулась обратно к парням, и, когда увидела понимающую улыбку Норта, на душе стало теплее.

— Правильно поступила, — похвалил и Эдвин.

— Хорошо, что ритуал по некромантским правилам проводится, — задумчиво протянул Дан, — ибо страшно представить, что бы ты устроила при стандартном процессе ритуала возрождения.

— В смысле? — не поняла я.

— Дан, заткнись, — приказал Норт.

— Нет, мне интересно, — возразила нашему капитану.

И, как оказалось, совершенно напрасно, потому как Дан, чуть наклонившись ко мне, прошептал:

— Так у нас девственница чисто номинально нужна, а маги ее по назначению во время ритуала используют.

— Даже знать не хочу, — раздраженно сообщила адепту.

Рыжий хохотнул, но тут же умолк, под всеобщими осуждающими взглядами, и на таверну вновь опустилась мрачная, соответствующая некромантскому облику, тишина, в которой слышны были лишь поскрипывания и шорох расставляемых атрибутов ритуала.

И сквозь свое затуманенное от боли состояние, я начала ощущать тревогу. Потому что ритуал нельзя было проводить, никак. Активный Тхаш не сможет помешать мне, практическому магу, а вот ритуал некромантов активизирует его худшие из возможностей. О том, что произойдет в этом случае, можно только догадываться, но явно ничего хорошего. Однако лорд Гаэр-аш стоит спокойно, а остальные в меланхоличном ожидании момента, когда можно будет приступить. И я испытала сильнейшее желание заорать: «Стойте, что вы делаете?», но слова ректора вынуждали молчать. До последнего.

И я молчала, когда сделал все, что должны были, некроманты помладше отошли к оставленным скамьям, расселись, словно зрители и... повалились на пол.

— Начинается, — шепнул Дан, набрасывая на голову капюшон мантии.

Его жест сейчас повторяли все выпускники и все высшие некроманты. Их рабсила мирно посапывала на полу, видя сны, вместо ожидаемого приключения, я едва дышала от ужаса. Хотелось сказать хотя бы парням, если не всем и сразу.

— Ты чего дрожишь? — Норт приобнял за плечи.

И я не выдержала. Схватив его за руку, оттащила в дальний конец таверны, невзирая на взгляды отовсюду, завела за колонну и, поднявшись на носочки, прошептала:

— Ритуал нельзя проводить.

Отстранилась, с тревогой посмотрела на Норта. Дастел, оперевшись руками о колонну и глядя на меня, прижавшуюся к ней спиной, так же шепотом спросил:

— Артан в курсе?

Кивнула.

— Значит, не переживай, — улыбнулся некромант.

Как не переживать? Я нервно кусала губы, с трудом сдерживая нарастающую нервную дрожь, но Норт повторил:

— Не переживай.

И он отвел меня обратно, но едва мы подошли, раздался насмешливый вопрос:

— Леди кен Эриар что-то беспокоит?

Мне даже не пришлось поворачивать голову, чтобы понять, кому принадлежит голос. Да и ответила не я.

— Леди кен Эриар, как и всякая достойная леди, возмущена присутствием в ритуале обнаженной девушки и искренне убеждена, что это нарушает гражданские права жертвы нашего ритуала, — спокойно ответил Норт.

Послышались смешки, и едва я взглянула в сторону звезды, осознала причину — обнаженную девушку как раз мазали кровью. Очаровательно.

— Иди наверх, — зло предложил Норт.

Отрицательно мотнув головой, я вернулась к месту, где до этого мы стояли с адептами и, не скрывая собственного недовольства, начала следить за ритуалом. И едва некроманты разом шагнули в центр зала, начались странности. К примеру, ректор встал возле лежащей на полу девушки, Норт, Эдвин и неизвестный мне адепт из выпускников вместе с четырьмя высшими заняли места во главе каждого луча семиконечной звезды. Остальные, в том числе и лорд Нардаш, встали по кругу, подняв руки и расположив вертикально ладони так, что между их руками едва ли было на три пальца расстояния.

А меня начало трясти. Ощутимо трясти. Потому что лично я, в отличие от них, знала — начнут, и половина здесь станет умертвиями.

Но вот лорд Гаэр-аш вскидывает руки вверх, и зеленоватое сияние, окутывая его фигуру, спускается на пол, чтобы, словно круги на воде, медленно растечься по всему залу таверны.

— Ваша паранойя потрясает, — с нескрываемой насмешкой заметил один из высших некромантов.

— Бесплезная предосторожность, — вставил и лорд дознаватель.

— Вы напрасно растратили часть необходимой энергии, лорд Гаэр-аш, — высказался и еще один из высших.

Но на все эти замечания глава Некроса ответил абсолютно равнодушным:

— Проведением ритуала руковожу я.

И больше никаких вопросов, все с интересом начали следить, как зеленоватое сияние растекается по залу, как, заполнив пространство пола, начинает подниматься по стенам и колоннам, все выше, выше...

И окрашивается в багряно-красный!

В единый миг!

Раздались удивленные, после и возмущенные голоса. Прозвучали ругательства, и над всем этим раздался спокойный голос ректора:

— Предосторожность никогда не бывает излишней, лорды.

Затем приказал:

— Лорд Эрданар, пока я удерживаю заклинание, посмотрите, на что указывает ищущий.

Один из высших, кивнув, покинул пределы семиконечной звезды, вышел из круга, стремительно прошел туда, где сияние словно пульсировало и где находился тот самый знак, и уже оттуда прозвучало его потрясенное:

— Тхаш!

Я была готова заплодировать ректору. Громко и с восхищением. Но пришлось сделать удивленно-испуганный вид, впрочем, кое-чем я действительно оказалась удивлена.

— И восстановленный, но не активированный знак Элаке.

Тишина опустилась на таверну.

Напряженная, мрачная тишина.

— Обыскать здесь все, — зло приказал лорд Гаэр-аш. — Харн, мне лично приволоки хозяина.

Да, с такими новостями не до ритуала — неактивированный знак Элаке явный признак того, что где-то совсем рядом три истекающие кровью жертвы.

И все пришло в движение — Эдвин широким шагом покинул таверну, едва не снеся дверь от бешенства, остальные плели поисковые заклинания, и вскоре те словно грибные споры опутывали все окружающее пространство.

Я впервые видела нечто подобное, и движения некромантов в темных мантиях, и свет, окутывающий их, и белоснежные оплетающие все вокруг заклинания — картина завораживала. И на мгновение я отвлеклась от собственных переживаний, словно зачарованная наблюдая за происходящим.

Возвращение в реальность было жестким.

— Вы хорошеете, Риаллин. — Голос лорда дознавателя снова раздался за моей спиной. — Сколько вам сейчас? Шестнадцать, если не ошибаюсь.

Медленно развернувшись, я посмотрела на лорда Нардаша, не произнеся ни слова.

— Риа, — усмешка на обезображенном черной магией лице выглядела жутко, — мне казалось, вы достаточно воспитаны, чтобы ответить на заданный вопрос.

Я промолчала, все так же враждебно глядя на дознавателя.

— Вот как, — очередная кривая усмешка и фальшиво-добрый взгляд. — Знаете, Риа, вы могли бы быть и повежливее, после всего того, что я для вас сделал. И сейчас, глядя на вас, я начинаю сожалеть, что был так добр к сироте, и, запомните, когда вам вновь понадобится помощь...

Как, я просто не понимаю, как можно быть настолько лживой и лицемерной дрянью? Как?! Этот человек избивал кнутом ребенка, требуя подчинения. Этот лорд, являясь моим временным куратором и будучи посвященным в мои отношения с отчимом, один раз привезя меня в замок, «забыл» снять блокирующие магию наручники.

— Знаете, Риаллин, — дознаватель делает шаг, всего шаг и оказывается вплотную ко мне, — вы становитесь весьма привлекательной девушкой, и, возможно, однажды...

Не знаю, сумела бы я сдержаться, не вмешайся в разговор третий участник.

— Возможно, однажды, учитывая привлекательность этой девушки, мне придется устроить вам пробуждение в склепе неспящих мертвецов. — Лорд Гаэр-аш словно невзначай отгеснил меня от дознавателя и, не уделяя мне ни взгляда, продолжил: — Леди кен Эриар является невестой моего родственника, лорд Нардаш, а мы крайне ревностно относимся к... — пауза, — собственности семьи.

Отступив на шаг, я нервно огляделась — и стало ясно, почему этот пренеприятный разговор с дознавателем никого не заинтересовал — некроманты были заняты поисками, а заклинания подобного уровня требуют сосредоточенности. Вот почему столь нагло повел себя лорд Нардаш. Но в то же время, мне казалось, ректор так же занят поисками, а получается...

От размышлений отвлек завязавшийся диалог.

— Лорд Гаэр-аш, вы шутите? Воспитанница отступника — супруга возможного коро...

— Заткнитесь, — сказано было резко.

Дознаватель бросил на меня недовольный взгляд, после на ректора и глухо спросил:

— И семья...

— Это решение Нортаэша, — отчеканил лорд Шэр-аш. — В нашей семье принято уважать решение мужчины.

На это лорд дознаватель выдохнул возмущенное:

— Да он зеленый щено...

— Контролируйте свою речь, — оборвал его глава Некроса. — За оскорбление члена моей семьи я брошу вызов.

Лицо лорда Нардаша исказилось непониманием, и он шепотом переспросил:

— Вы смеетесь?

— А у вас хватит скудоумия проверить мое чувство юмора на практике?

— Нет!

Дознаватель нервно подергал кольцо в левом ухе, бросил недовольный взгляд на меня, ставшую свидетельницей его позора, после отвесил поклон лорду Гаэр-ашу и собрался нас покинуть, но был остановлен ледяным:

— Лорд Нардаш, я позволю себе дать вам совет впредь держаться подальше от моей будущей родственницы. Это первое, почти дружеское предупреждение, но советую учесть, что продолжительность жизни моих врагов обыкновенно стремительно снижается, а во главе любого расследования, как вы понимаете... стоит семья.

И лицо лорда дознавателя стремительно побледнело.

— Трупов, — очень вежливо попрощался ректор.

Еще раз поклонившись, лорд Нардаш пробормотал: «Мое почтение», и поспешил покинуть таверну.

Не сказав ни слова, лорд Гаэр-аш бросил на меня всего один злой взгляд и стремительно отошел на несколько шагов, чтобы, остановившись, воззриться на двери.

Случившееся в следующий момент я вряд ли сумею забыть.

Хозяин таверны вбежал, подвывая и прижимая к груди обрубок руки. Он был в крови. Весь. Даже всклокоченные волосы. Потехи свежей крови на лице, обнаженной груди, белых спальных штанах и ноге... без пальцев совершенно. И этот жуткий человек, ворвавшись в таверну, подбежал к ректору и, бухнувшись перед ним на колени, заголосил:

— Они заставили меня! Лорд, мой лорд, заставили! Я не хотел, нет! Я...

Трактирщика никто не слушал, потому что вошедший следом Эдвин, молча швырнул отрубленную, похоже им, руку, и та, пролетая, сверкнула золотым кольцом. Взмах ректора и конечность зависла в воздухе, и теперь всем, абсолютно всем был виден крупный золотой перстень с черной эмалью, на которой был выведен знак смерти.

Отступники!

Глава Некроса втянул удерживающее заклинание, и рука шлепнулась на пол. Но, наверное, никто кроме меня на нее и не взглянул, потому что все следили за ректором, и я не сразу поняла, почему. Ничего не понимала до тех пор, пока лорд Гаэр-аш не произнес:

— Это было ошибкой.

Мужчина затрясся, и вся его косматая борода затряслась с ним, и дрожа пробормотал:

— Они... они грозили смертью...

И он умолк, потому что в глазах ректора сейчас было что-то такое, что явно говорило — иной раз смерть милосердна и является даром богов. И трактирщик это понял. Да все поняли!

— Да, — усмехнулся ректор, — ты всегда был... сообразительным.

В следующее мгновение мужчина повалился на пол совершенно седым. Абсолютно!

— Харн, — произнес лорд Гаэр-аш.

И Эдвин с жестокой ухмылкой шагнул к лежащему, но мельком увидел мои широко распахнутые от ужаса глаза и остановился. А я вообще не знаю, как дышала, потому что лично я предпочла бы всего этого никогда, совсем никогда не видеть!

Ректор медленно повернулся ко мне, я всей кожей ощутила его холодный взгляд, а затем услышала:

— Норт.

Тьма накатила мгновенно!

* * *

Внизу пели песни, стучали глиняные кружки, голосил кто-то из адептов, а мне было тепло, уютно, но как-то тревожно.

— Просыпайся, — прошептал кто-то, касаясь губами моего уха.

Шекотно.

— Риа, маленькая, время, — и я понимаю, что шепчет Норт и обнимает меня тоже он.

В горле пересохло, почему-то внутри все содрогается, как от ожидания чего-то плохого и близкого, и...

— Идем, нужно поесть, и после ритуал. У нас времени очень мало.

Попыталась заговорить, получилось не сразу, и голос хрипел:

— Сколько я спала... я...

— Минут двадцать. — Норт осторожно погладил по щеке. — Что помнишь?

Я помнила все. Абсолютно все. Совершенно все!

И едва слышно спросила:

— Что с трактирщиком?

— Умер, — совершенно невозмутимо ответил Дастел. — А собственно умертвие сейчас дает показания у дознавателей.

Меня охватил озноб. Не зря, совсем не зря некроманты последние из магов, с кем стоит сталкиваться на жизненном пути. Потому что действительно есть вещи пострашнее смерти. К примеру, остаться умертвием, полностью осознающим свое состояние, и видеть, как твое тело медленно разлагается. И даже когда оно сгниет — сознание останется привязанным к останкам. Вечно.

— Жестоко, — прошептала я, зажмурив глаза и стараясь забыть то, как окровавленный трактирщик вбежал в таверну.

Дастел никак не прокомментировал, только продолжил осторожно поглаживать меня по щеке. Подняв ресницы, взглянула на него, и только сейчас осознала всю двусмысленность нашего положения — я лежу на постели, Норт рядом и обнимает меня.

— Не дергайся, — поняв, что собираюсь встать, предупредил Норт. — Что, нахождение со мной в одной постели настолько неприятно?

Я промолчала.

Усмехнувшись, некромант достаточно жестко приказал:

— Терпи. Мне тоже не особо приятно это все.

Скептически смотрю на парня.

— С одеждой тяжело, — спокойно пояснил Дастел. — Проще было бы раздеть тебя, тогда

работать легче. Заметь, ведь неделю назад после вашей выходки с Риком, несмотря на то, что промерзла до костей, ты даже не простыла.

Воспоминания о том, как Норт внезапно трогал меня, полностью обездвижив при этом, были не из приятных.

— Просто к сведению, — продолжил он, — если бы не я, ты провалялась бы месяц с воспалением легких, осложненным общим магическим истощением.

Молчу.

— Да-да, я понял, скромность превыше всего, — хмыкнул Дастел. — И я не говорю, что в тот момент руководствовался исключительно целью лечения, но... Вылечил же.

Его ладонь плавно сместилась на мою шею, пальцы осторожно прикоснулись к коже, и я не выдержала:

— Все то, что ты мне тогда наговорил, и все чувства, в которые верил, на самом деле...

И я прикусила язык. Буквально. До боли.

Причем так сильно, что слезы брызнули сами, и когда Норт привлек к себе, молча уткнулась ему в плечо, с трудом сдерживая рвущиеся рыдания.

— Шшш, сейчас пройдет. — Теплая ладонь осторожно прошлась по моей спине, и всхлипывать я почему-то перестала. — Сейчас все будет хорошо.

И когда он вновь погладил, все стало намного лучше, чем было. Намного.

— Едва закончишь ритуал, я сниму успокаивающее заклятье, но сейчас, полагаю, истерика тебе не нужна.

— Да, — прошептала, чувствуя себя очень уютно в кольце его рук.

Спокойно.

— Кстати, пока ты не совсем адекватна, вопрос. С дознавателем Нардашем сложности?

Не знаю, что он имел в виду под адекватностью, но после вопроса все состояние мнимого уюта разлетелось на осколки, как разбитая ваза.

— Понял, выясню сам, — продолжая меня гладить, решил Дастел.

Не пытаюсь высвободиться, я тихо сказала:

— Он дознаватель, Норт, уже одно то, что я с ним знакома — пятно на моей репутации. И тот факт, что о нашей помолвке могут узнать за пределами Некроса, не принесет тебе ничего хорошего.

Рывок.

И я вдруг оказалась лежащей на спине, а Дастел нависающим сверху, и то, как он смотрел мне в глаза, на какой-то краткий миг напугало до безумия.

— Риа, — он произнес это почти ласково, — ты за кого меня принимаешь?

Я нервно поежилась, но не успела даже предпринять попытки высвободиться, как Норт полушепотом продолжил:

— Если бы, подчеркиваю, если бы я решил на тебе жениться, общественное мнение — последняя инстанция, на которую я обратил бы внимание. Сердце, — он улыбнулся, — вот единственный критерий отбора, все остальное — незначительные трудности, легко преодолимые.

И Дастел стремительно поднялся, затем помог встать мне и терпеливо подождал, пока я оправляла одежду, распустила и пригладила волосы, потому что коса совсем растрепалась. И когда пришла в ванную, взглянула на себя в зеркало, накатило неприятное сравнение — я некромантка. Бледная, под глазами залегли тени, волосы распущенные и нет сил заплетать, да и смысла нет — для ритуала все равно распустить пришлось бы.

Равнодушно махнув на самую себя рукой, я вышла к Норту, и мы вместе отправились вниз.

Настроение было поганее некуда, и как я ни гнала от себя мысли о дяде Тадоре и его злом умысле, самой себе доказывая, что об этом смогу подумать и позже, но Рик... Я с ужасом ожидала утра, и встречи возле общежития, потому что точно знала — я не смогу смотреть ему в глаза. Не смогу. Я надену артефакт Амаэ, обниму его, поцелую так нежно, как всегда хотела, но так и не решилась, и закрою самую светлую страницу своей жизни.

И единственное, что меня удерживало сейчас от истерики — успокаивающее заклинание Норта, возможно, я даже попрошу не снимать его с меня несколько дней. Стыдно просить, очень стыдно, но изготовить артефакт с подобными свойствами я сейчас не смогу. Никак.

— Норт, — едва мы дошли до конца лестницы, я остановилась и взглянула на Дастела.

Некромант вопросительно посмотрел.

Как стыдно.

И глядя в пол, я, стараясь не срывать на шепот, попросила:

— Можешь оставить это заклинание до завтра?

Неловкая пауза и с явной неохотой сказанное:

— Нет.

Понимаю, ему в меня придется тогда еще силы вливать, а впереди еще обратный путь в Некрос.

— Риа, — Дастел прикоснулся к моему подбородку, заставив запрокинуть голову, и произнес, вглядываясь в мои глаза, — это я не могу оставить, но перед уходом наложу другое, идет?

— Спасибо, — искренне ответила я.

И мы свернули, входя в поле зрения всех присутствующих за столами адептов. И едва нас увидели, вверх взметнулись кружки с вином и на всю таверну прогремело:

— За мальчика!

Странное ощущение своих собственных медленно округляющихся глаз, и взгляд на Дана, который, не поддержав тоста, хлопнул себя по лбу. И я так понимаю, что, кажется, об этих людях он говорил, что все тактичные, слова не скажут и вообще люди взрослые.

— А лучше, чтобы двойня!!! — заорал какой-то адепт с дальнего конца стола.

— А чего так быстро? — поинтересовался еще один любопытный.

Не знаю, чем бы все это завершилось, если бы на стол, совершенно спокойно и абсолютно демонстративно, не лег большой двуручный меч Эдвина. И на таверну опустилась оглушительная тишина. Благодарно улыбнулась некроманту, и собственно мы с Нортом к нему и направились, и я сделала вид, что не услышала сказанного Даном «Прости».

А Эдвин пил вино. Судя по тому, что единственный пил из бутылки, те пять штук, пустых уже, что перед ним стояли, выпил он сам. И едва я села на скамейку рядом с адептом, поняла, что он пьян. Не удивительно, что присутствующие готовы были на все, лишь бы не злить воина. И собственно я теперь тоже злить не хотела, хотя вопросов было множество. Например — почему тут все снова так, как было, и доски вернули на место и столы, и почему адепты пьют и веселятся, словно не были на краю гибели, и где все высшие некроманты и...

Сидела я между Нортом и Эдвином, и потому, когда носатый, перегнувшись через меня, заговорил с Дастелом, услышала каждое слово:

— С четвертым что?

— Прямым порталом к дознавателям, — очень тихо ответил Норт.

— Четвертый не вяжется. — Эдвин вновь отхлебнул вина. — Гаэр-аш тут прав, высшим следовало прислушаться.

Едва дышу. В принципе не понимаю — три жертвы медленно истекающие кровью должны были быть здесь для активации знака Элаке, а жертв, получается, было четыре?! И не выдержав, тихо спросила:

— А четвертая была где?

Некроманты разом посмотрели на меня, после чего Норт нагнулся и в ухо прошипел довольно грубое:

— Заткнись.

Эдвин же снизошел до ответа:

— Под порогом, время смерти дней десять назад. Норт, не груби ей.

Но Дастел, все так же в ухо, выдал:

— Держи себя в руках, иначе я за себя не отвечаю.

Я за себя тоже. Труп под порогом! Десять дней!

Тьма, это ритуал призыва был! И я, позабыв слова Норты, рванулась, пытаюсь встать, а едва меня удержали, открыла рот и... Дастел поцеловал. Стремительно, жестко, сжав пальцы на затылке и ухватив мои руки за запястья, чтобы не вырвалась.

— Норт, прекращай это! — раздалось от Эдвина.

Некромант не остановился, прорываясь сквозь мои стиснутые зубы и усиливая нажим на затылок до тех пор, пока я не замерла, потрясенная его действиями.

— Знаешь, нам лучше вернуться наверх, — зло произнес Дастел. — Ты есть будешь?

Отрицательно помотала головой.

— Замечательно, — прошипел Норт, поднимаясь. — Дан, мне две бутылки вина, жаркое и пару лепешек, занесешь наверх.

И перекинув вскрикнувшую меня через плечо, некромант торопливо покинул зал, чтобы, взлетев по лестнице, войти в комнату.

Там, швырнув потрясенную меня на постель, Норт наклонился, упираясь кулаками по обе стороны от моей головы, и прошипел:

— А давай сразу всем скажем: «У нее до тролля способностей отступников»!

Мне поплохело.

Дастел же, не замечая моего состояния, продолжил:

— А то, знаешь ли, не всем еще странность твоего поведения в глаза бросилась! А так точно будут в курсе, и гадать никому не придется.

Стук в дверь.

Норт выпрямился, оглянулся. Стук повторился, уже чуть издевательский, после чего вошел Дан с подносом и торжественным сообщением:

— Я вам третьего привел.

Следом за ним вошел Эдвин с мечом. Сел на стул у стены, недвусмысленно расположил меч на коленях, выразительно посмотрел на Норта.

— Ты когда пьяный, окончательно двинутый! — взбешенно произнес Дастел.

Харн дернул плечом и хрипло ответил:

— Да.

Данниас хмыкнул, прошел к столу, разместил поднос, подошел ко мне, протянул руку. Встала с его помощью, и тогда некромант спросил:

— Может, что-нибудь съешь?

Я задумалась. Несмотря на поступок Норта, мне было спокойно и вообще все равно, вероятно, сказывалось успокаивающее заклятие, так что ответила я тоже несколько равнодушно:

— Был бы ночной суп, поела бы, а что-то другое слишком тяжелое, мне перед ритуалом нельзя.

— Супа нет, — расстроено сообщил Дан.

— Жаркое неплохое здесь подают, — вставил Дастел.

Вспомнила о случившемся, труп под порогом, убийстве трактирщика... А ведь жаркое, которое сейчас едят некроманты, оно ведь покойником приготовлено. Уже покойником.

— С-с-спасибо, — запинаясь, ответила я, — н-не хочется.

Затем посмотрела в окно, на свет, начинающий проливаться на пол, и попросила у Норта:

— Рубашку дай.

Молча прошел в угол, взял рюкзак, достал одежду, передал мне. Я также молча ушла переодеваться в ванную. Там, снимая с себя абсолютно все, с ужасом подумала о том, что окно придется открыть, а значит, холод будет адский. Конечно, есть Норт, и он вылечит, но предстоящее не радовало.

Раздевшись, я сложила одежду в углу, затем надела мужскую рубашку, жутко сожалея о собственной шерстяной, оставшейся в Некросе, расчесала волосы, перекинула за спину, посмотрела на себя в зеркало. Мне нужно было собраться. Собраться и выложиться полностью, без остатка. Потому что то, что я собиралась совершить, вызвало бы затруднения и у дипломированных артефакторов, ведь — гениальное просто, и в то же время нет ничего сложнее кажущейся простоты. Норт сказал Дану правду — стоимость подобного артефакта равнялась стоимости даже не дворца — замка, потому что крайне сложен в изготовлении. Мне же предстояло изготовить четыре артефакта и ладно изготовить, мне предстояло влить себя в них. Буквально.

Вдох-выдох, последний взгляд в зеркало...

Вспомнились слова ректора о моей крови, сквозь облако равнодушия сердце отозвалось болью, но «Делай, что должно, и будь, что будет», вот и посмотрим, насколько моя кровь идеальна для ритуалов, в любом случае я собиралась сегодня использовать именно ее.

«Я справлюсь», — с этой мыслью и вышла из ванной.

До моего появления Норт ел, а Дан и Эдвин пили, но стоило войти мне, как все трое прекратили возлияние и поглощение и мрачно уставились на меня. Или не совсем мрачно — рубашка Норта открывала мне ноги до середины бедра, впрочем дело ведь не в этом, дело в моей крови. Дастел еще и поцеловал. Потрясающе просто! Придется повторить с артефактом Амаэ еще раз. Опять целоваться, опять чувствовать себя...

— Ножки потрясные, — произнес Дан. — Seriously. Так вроде и не скажешь, но вот очень даже.

— Почему ты босиком? — спросил Эдвин.

— Ты бледная, — вставил Норт.

— А вы все выйти не желаете? — несколько враждебно поинтересовалась я.

Некроманты все как один отрицательно покачали головами.

— Я серьезно, — несмотря на успокаивающее заклинание, начинаю злиться, — меня нельзя будет отрывать, ритуал сложный, работы предстоит много, мне категорически нельзя отвлекаться, иначе я могу пострадать.

Все трое с самым серьезным видом кивнули, но даже не сдвинулись с места.

— Ребят, — расстроено протянула я.

— Риа, я как целитель должен контролировать, — сурово сообщил Норт.

— Я как... э-э-э... охранник, буду контролировать Дастела, — пообещал Эдвин.

— А я просто как ценитель тут посижу, — широко улыбнулся Дан.

А мне лично вообще все равно. Да здравствует успокоительная магия, и, махнув рукой на троицу «наяд», я начала готовиться к ритуалу — расстелила покрывало на полу так, чтобы свет луны из окна четко на меня падал. Норт принес мой рюкзак, не спрашивая, начал все выкладывать. Приятно, что хочет помочь. Я улыбнулась, достала горелку, инструменты, кристаллы, четыре серебряные уже изготовленные мной и зачарованные лунным светом цепочки — три из них грубые мужские и одна женская, тоненькая, для меня.

— Знаешь, а у тебя руки золотые, — произнес подошедший Дан.

Я улыбнулась и достала камни из кожаной шкатулки.

— Как ты их обтесала? — удивился тоже оказавшийся рядом Эдвин.

— Я же артефактор, и не самый худший, — пояснила очень спокойно.

Даже как-то безразлично.

Норт вообще прекрасный целитель, жаль, что он это не ценит. Хотя...

— Норт, — я подняла глаза от раскладываемых атрибутов, — неужели так плохо быть целителем?

— Нет, — задумчиво ответил некромант, разглядывая ворот моей рубашки, — очень даже неплохо. Целительство многие воспринимают как слабый дар, не осознавая — тот, кто может заставить сердце биться, столь же легко может его и остановить. Риа, вопрос, что дальше будешь делать?

Я улыбнулась, встала и направилась к окну.

— Шутишь? — прошипел Дастел.

Не отвечая и даже не оборачиваясь, отодвинула щеколду и распахнула створки!

Ледяной зимний ветер ворвался в комнату, закружил вокруг меня, вымораживая страх, усталость, чувство осторожности и те крохи тепла, что еще оставались в моем теле. Холодно. Действительно холодно.

— Риа, мне вот это совсем не нравится, — Норт подошел сзади, обнял дрожащую меня.

— У всего есть своя цена, — прошептала я. — Артефакт Эль-таим изготавливается в морозную зимнюю лунную ночь, иначе никак. Обнимать прекрати.

Прекратил, отступил на шаг, я же сделала глубокий вдох, стараясь отрешиться от холода. Впуская в себя холод, смиряясь с ним, делая его фактором, воспринимающимся без

отвлечения. Еще один глубокий вдох, и я распахнула глаза.

Луна — яркая, полная, озаряющая все вокруг серебристым сиянием, словно висела передо мной. Казалось — протяни руку и прикоснешься, протяни две — и свет можно зачерпнуть ладонями. Время!

— Повторяю, пока идет ритуал, меня нельзя отрывать, это важно, — не оборачиваясь, начала объяснять некромантам. — Что бы я ни делала, я точно знаю, что делаю, к этому ритуалу я готовилась, и буду следовать четкому порядку действий. В идеале — вас не должно быть слышно. И еще... — не знаю, говорить или не стоит, что я могу погибнуть, решила, смягчить, — если в момент вливания сути меня что-то отвлечет, я могу пострадать. Серьезно пострадать.

— Мне все это уже не нравится, — хмуро заявил Норт. — Закрывай окно, и к тьме этот ритуал с артефактами!

Надо же, а лично я вообще не переживала, к тому же было кое-что, что знали многие артефакторы.

— У принца Танаэша Эль-таим есть. Он был подарен принцу в день его десятилетия и с тех пор исправно защищает наследника. Так что мне придется очень постараться, чтобы изготовить нечто, столь же сильное.

Дан хмыкнул и скептически поинтересовался:

— Реально веришь, что сможешь сделать аналог артефакта Танаэша?

— Не аналог, идентичный артефакт, — ответила я и, отойдя от окна, отправилась к своему месту на покрывале.

— К троллю артефакт! — Эдвин ударил мечом об пол, и острие воткнулось в древесину. — Риа, справимся и без артефакта.

Норт ничего не сказал, просто молча направился к окну и закрыл его. Демонстративно и выразительно. А я очень не люблю, когда принимают решения за меня, и потому нагло соврала:

— Я уже начала ритуал, сегодня третья фаза, Норт, и если я не завершу, могу умереть.

Некромант побледнел. Настолько, что это стало заметно даже в полумраке комнаты. Затем прозвучали его злые уверенные слова:

— Это последний артефакт, который ты изготавливаешь в своей жизни.

Я не стала говорить, что его мнение интересует меня в последнюю очередь, просто не стала. Если все, что сказал мне лорд Гаэр-аш правда, то изготовление артефактов станет тем единственным, что я смогу делать в жизни. Нет, я не паникую, пока не паникую, потому что мне одних слов мало, мне требуются факты и научные исследования, чтобы поверить, но к сведению приняла и тихо попросила Дастела:

— Окно открой.

А затем поправила волосы и запрокинула голову, едва морозный воздух хлынул из распахнутого некромантом окна.

Я есть. Я живу. Я благодарна миру за свое существование. Я благодарю мир. Я дышу. Я люблю. Я люблю весь мир. Я любовь. Я благодарность. Я свет. Чистый лунный свет. Мое сознание — поток света.

Раскинув руки, делаю еще один вдох — я холод. Лед. Чистый, сверкающий, искрящийся наполненный светом лед. Я свет. Я любовь. Я благодарность. Я жизнь!

Открываю глаза — меня заливают лунный свет. Чистый, искрящийся, стерильный, холодный! Луна это не жизнь, это смерть в идеальном ее проявлении. Это возвышенность и одухотворенность величия смерти, и моей задачей было преобразовать ее свет в поток жизни.

Первое движение — и горелка вспыхивает, поджигая измельченную ботву гермалы обыкновенной — другое название могильник. Страшное название, но именно эта трава являлась символом абсолютного здоровья. Еще движение — вспыхивает вторая горелка, и в воздух поднимается пар отвара девясила — трава, незаменимая при изготовлении любых защитных артефактов. Потому что только девясил дает девятикратное увеличение энергии в момент опасности.

Третий и самый сложный этап — камни.

Я притягиваю ближе серебряное блюдо, раскладываю кристаллы крестом, концентрируюсь на сверкающей мистической в мире магии фигуре, и взгляд рассредоточивается. Больше нет отдельных кристаллов, есть крест, сверкающий в лунном свете, наполняющийся лунным светом, — спланированный маневр, заклиная камни по отдельности, я бы выгорела. Так есть шанс избежать всех последствий. И, не отрывая взгляда от кристаллов, я медленно вынимаю серебряные цепочки из отвара девясила и погружаю в сгорающие сухие стебли могильника. Пальцы ожгло кипятком, но на фоне порывов ледяного ветра этой боли я даже не заметила. Мелочи. Всего лишь несущественные мелочи, потому что сейчас передо мной сверхзадача, и, расположив ладони на коленях, я начинаю.

Есть крест! Есть я. Я свет. Я любовь. Я благодарность ко всему миру. Я жизнь.

Есть крест. Он холодный, сверкающий, наполненный светом луны. Есть я. Я любовь. Я жизнь. Я свет!

— Мара-мара, эс уба шейб! Мара-мара, эс спиш! Мара-мара, йа уба эйш! Мара-мара, эс таэ спирген!

Шепот, мой шепот, я не концентрируюсь на нем, он лишь способ напомнить, что есть я.

И есть крест! Он теплый, наполненный светом, искрящийся. Есть я. Холодная, наполненная светом, я жизнь!

— Мара-мара, эс уба шейб! Мара-мара, эс флу фар бах! Мара-мара, йа уба эйш! Мара-мара, эс таэ кейд! Мара-мара, эс уба шейб! Мара-мара, эс флу фар бах! Мара-мара, йа уба эйш! Мара-мара, эс таэ кейд! Эс шпиде!

Мой голос растворяется в комнате, в свете луны, он разносится над лесом шепотом старых кустов, шелестом ветвей деревьев растекается по вымороженной земле. Мой голос... его нет! Есть кристалл. Он теплый, светлый, он жизнь... он тепло, он манит и притягивает. Есть кристалл! Он затмевает весь мир, он растворяется в мире, он впитывает мир...

И в какой-то миг я понимаю, что что-то идет не так.

— Мара-мара, эс уба шейб... Мара-мара, эс спиш... Мара-мара, йа уба эйш... Мара-мара, эс таэ эйшс...

Я слышу шепот, ощущаю всем телом и с ужасом понимаю — он не мой. Не мой, нет. Потому что я уже на втором этапе работы с кристаллами, а что-то будто не веря в происходящее, повторяет фразу первого этапа. Кто-то сторонний!

Не напрягаться. Никакого страха. Я не боюсь, я не тревожусь. Тревоги нет. Есть свет. Я свет. Я любовь. Я благодарность. Я... и крест.

И я вновь повторяю шепотом:

— Мара-мара, эс уба шейб! Мара-мара, эс флу фар бах! Мара-мара, йа уба эйш! Мара-мара, эс таэ кейд! Мара-мара, эс уба шейб! Мара-мара, эс флу фар бах! Мара-мара, йа уба эйш! Мара-мара, эс таэ кейд! Эс шпиде!

Начинаю раскачиваться, чуть-чуть, но это плохо. Это говорит о том, что артефактор теряет концентрацию. Это действительно плохо, и будь здесь страхующий меня мастер, он бы вмешался, он бы помог. Но вмешиваться некому. Я одна. Совсем одна. Утрачу контроль, и воплотится страшная формула «Крест это я», и меня не останется, останутся лишь наполненные моим сознанием кристаллы, а труп адепки Каро навеки застынет перед залитым светом луны окном.

И в момент, когда страх начал сковывать меня, я будто услышала слова дяди Тадора, чуть приглушенные слоем прошедших лет: «Ты особенная, моя девочка, никогда не забывай об этом. Ты особенная, ты способна на то, на что иные не решатся даже в мечтах. Никогда не забывай об этом, Риа, никогда, мой свет».

— Мара-мара, эс уба шейб! Мара-мара, эс флу фар бах! Мара-мара, йа уба эйш!

Ощущаю, как двигаются мои губы, как раскачиваюсь сама в такт страхующему заклинанию и понимаю — справлюсь. Все под контролем. Я смогу, я особенная и смогу.

Сомнений не осталось. Мне подвластно все. Абсолютно все. И если в момент изготовления Амаэ-Тхен я ощущала, что что-то не так, сейчас сомнений не было. Я все делаю правильно.

Правая рука двинулась по покрывалу, отыскивая клинок, пальцы нащупали, сжали, вытягиваю левую руку, протираю над сверкающим, наполненный мной и светом луны крестом из кристаллов, и не глядя, медленно делаю надрез вдоль запястья, вскрывая вену.

Хлынула кровь.

— Мара-мара, зейш уба штейш!

Я жизнь! Теплая, тягучая, алая жизнь. Я нескончаема. Я органична. Я безгранична. Я река жизни, что разделяется на ручьи и впадает в океан бессмертия. Я жизнь. Теплая, тягучая, алая жизнь. Крест — свет. Крест любовь. Крест благодарность...

Сверкающая фигура словно кружилась у меня перед глазами, икрясь в свете луны, завораживая, маня к себе, и грань была близка, но контроль принадлежит мне.

Я жизнь, теплая, тягучая, нескончаемая... Крест — свет, яркий, холодный, вечный...

Я свет! Я любовь. Я благодарность. Крест — жизнь. Алая, искрящаяся, нескончаемая.

И кристаллы окрасились в красный!

Теперь в моей алой крови виднелись не четыре ограненных прозрачных бесцветных горных хрусталика, а четыре ярко-красных рубина идеальной огранки.

Улыбка чуть тронула губы — справилась. Сумела. И достаточно быстро, быстрее, чем голова начала кружиться от потери крови, впрочем, возможно, здесь заслуга самой крови, кто знает. Я не знала. И времени думать об этом сейчас не было, мне следовало перейти к четвертому, менее сложному, но требующему не меньшей сосредоточенности этапу.

Медленно положила нож сняла браслет с правого запястья, надела на кровоточащее левое, и амулет Кхелло мгновенно сжал лапки, стараясь хоть как-то остановить кровотечение. А кровь текла, продолжала теплым ручейком бежать по запястью и ладони, отвлекая этим ощутимо теряемым теплом... Неважно, нет времени сейчас заниматься собственной раной.

Вгляделась в кроваво-красный крест и закрыла глаза. У меня была непростая задача — система защиты Эль-таима сложная, многоступенчатая. Первая — трансляция жизненной энергии из источника ко всему организму. Вторая — подпитка всех органов носителя в случае повреждения. Третья — создание запаса силы, выплескиваемого в момент опасности для жизни и увеличение магического резерва мага. Четвертая — мгновенное восстановление магической силы, даже при опустошении резерва. Пятая — регенерация, возможная даже в состоянии налагаемого противником стазиса. Шестая ступень — отражение прямого магического удара. Седьмая, самая важная — полностью блокирует негативные последствия черной магии.

Много, очень много ступеней, для одной-единственной матрицы, но я справлюсь, я уже в структуре кристаллов, так что главный этап пройден, остался просто — самый сложный.

Вдох-выдох, и я приступила к созданию матрицы мыслеформы. Правда, совершенно неожиданно задергался Кхелло на моем запястье, но я не обратила внимания — не до него было.

Вдох-выдох — в моем сознании вспыхивает первая из схем, схема абсолютного щита, это каркас. Я растягиваю ее, вдыхая силу постепенно, осторожно.

Вдох-выдох — схема безостановочной циркуляции энергии, немного напоминающая знак бесконечности. Я растягиваю ее, наполняя силой быстро и решительно, здесь промедление недопустимо, затем соединяю со схемой щита так, чтобы нигде не был затруднен процесс движения магической энергии.

Вдох-выдох, голова уже начинает кружиться, но я стискиваю зубы и творю матрицу распределения, здесь сила не нужна, не к месту, требуется создать достаточное количество клапанов и зажимов, а еще маячки, множество маячков, я воссоздаю в памяти строение мужского тела и работаю долго, осторожно, старательно. Конечно, один из кристаллов пойдет мне, и следовало бы создать отдельную матрицу под адаптацию к женскому телу, но на себя, как всегда, не хватает времени, и я работаю исключительно с мужскими параметрами.

Вдох-выдох — схема накопления энергии напоминает древний сосуд: очень тонкое длинное горлышко и широкая внушительная емкость. Делаю максимальный размер, а силы вливаю немного — у меня ее мало осталось, в любом случае у накопителя еще две недели, и он будет постепенно набирать нужный уровень сам.

Прекращаю дышать — первая проверка. Проверяю совместимость матриц, прогоняю силу по каждой из них и затем по всем разом. Исправляю две погрешности и делаю вдох.

Вовремя — черные точки роem кружатся вокруг мыслеформы, меня шатает.

Вдох-выдох — регенерацию запустить проще всего, просто подключаю созданное на четвертом этапе.

Задержка дыхания — проверка.

Работает.

Снова дышу. Глубоко и медленно, еще два этапа, нужно продержаться.

Вдох-выдох — создаю обтекаемый клиновидный щит. Это просто, создать просто, проблемы начинаются на этапе внедрения схемы в уже готовую матрицу. Сразу засекаю два повреждения в системе циркуляции энергии. Прерываю процесс.

Восстанавливаю дыхание, медленно, стараясь расслабиться.

Вдох-выдох — меняю форму клиновидного щита, делаю его форму более плавной и от того менее действенной. Это не слишком хорошо, но в стандартном Эль-таиме данную функцию вообще стараются пропускать и теперь понимаю почему.

Завершила.

Согнулась. Уперевшись руками в пол, некоторое время пытаюсь собраться с силами, затем вновь распрямляю позвоночник, запрокидываю голову и сосредотачиваюсь на самой сложной ступени защиты.

Вдох-выдох — я свет. Я чистый искрящийся свет полной луны. Именно свет и беру за основу призрачной дымки с округлыми сверкающими краями. И внедряю то, на что решился бы не каждый артефактор — высшую степень защиты! Одна проблема — такие вещи базируются в районе органов, выделяющих человека по половому признаку, следовательно, защита будет действовать лишь для парней, но в случае моего кристалла мне просто негде будет его стабилизировать. Не важно, у меня есть Кхелло, и я постараюсь восстановить артефакт Сирилла, когда-нибудь, но постараюсь обязательно. Сейчас не время думать об этом.

Задержка дыхания!

И весь остаток сил, все, что было, я вдохнула в матрицу. Абсолютно все! Выжав из себя до капли, потому что этот этап был самым важным, потому что я замахнулась на невозможное и теперь трем некромантам будут не страшны проклятия, заклинания смерти, целый ряд смертоубийственных боевых заклинаний и вся черная магия преисподней! Они никогда не узнают об этом, но их Эль-таимы будут значительно, более чем значительно, превосходить магическую защиту принца Танаэша. И они точно никогда не узнают, что с этого момента я больше не буду переживать за них...

Вдох. Судорожный, на грани потери сознания, и поток морозного ледяного воздуха, вернувший мне жизнь. Я закашлялась, задохнувшись этим глотком, уронила голову на грудь, схватилась за колени, пытаюсь удержать равновесие и не свалиться.

Справилась. Я справилась. Даже немного горжусь собой.

Теперь осталось самое простое.

Я открыла глаза, улыбнулась луне, чей свет все так же заливал меня.

Повернулась к уже остывшему отвару девясила, взяла блюдо обеими руками, поднесла к губам, сделала глоток. Теплая жидкость побежала внутри меня, согревая заледеневшее тело. Жаль, что можно было сделать всего глоток.

С чувством дикого сожаления я вернула блюдо обратно на погашенную горелку, перевела дух, посмотрела на алые, наполненные силой, горящие тусклым красным светом рубины и вскрикнула от боли!

— Да что такое! — Мой визг разнесся по комнате, сама же я возмущенно посмотрела на Кхелло, впившегося в мою руку.

Впившегося так, что шрам гарантированно останется.

— Прекрати! — потребовала я.

Даже слова разрыва матрицы вмиг забылись от возмущения.

— Прекрати, слышишь!

Кхелло не слышал, он внезапно отпустил мое запястье, спрыгнул на колено, по-паучьи встряхнулся, а затем вскинул голову, глядя в оконный проем. А я... я побоялась посмотреть, куда он указывал, потому что ни меня, ни артефакты лунный свет больше не заливал, кто-то заслонил луну от нас. Кто-то, способный летать на защищенной территории древнего родового дома. Кто-то, кого и призвал труп, закопанный под порогом.

И я запоздало поняла, что сейчас взгляну в глаза своей смерти.

Но перед этим оставалось одно дело, которое я могла хотя бы завершить:

— Артефакты готовы, — прошептала я, надеясь, что некроманты услышат, — я не успею прикрепить к ним цепочки, сделаете сами, там не сложно, крупные камни подстроены под вас. Запомните — у них должен быть доступ к коже, через одежду не сработают. И... — горло на мгновение сжал спазм, — я буду благодарна, если позаботитесь о Гобби. Постарайтесь поймать.

Удар по блюду, кровь, выплеснувшаяся на меня, и камни, улетевшие в пространство позади.

А затем я вскинула голову и прямо посмотрела на зависшего перед окном отступника!

Где-то в сознании отвлеченно мелькнула мысль, что я впервые вижу перешедшего грань мага живую, а не на картинке. Вечный, дядя Тадор называл их так, оказался страшен — длинное несуразное тело, жуткие руки с изогнутыми когтями вместо ногтей, черная, словно забальзамированная кожа, седые редкие волосы треплет морозный ветер, бежевая с черными отворотами мантия из дорогой чуть искрящейся в свете луны ткани и совершенно черные провалы глаз. Еще одной отвлеченной мыслью было, что мне в данный момент не поможет ни Кхелло, ни что-либо иное. Артефакт Сириллы спас бы от первого удара, впрочем... именно сейчас я и поняла, от чего меня спас мой погибший защитник. Точнее, от чьего удара. Действительно, как я сразу не подумала — на смертельную магию такой силы, что расплавил мой артефакт, способны только отступники, и вот я осталась без защиты. А больше ничего не

спасет — мой Эль-таим не способен защитить от черной магии. Парней защитит, меня нет.

Это конец.

У меня нет сил даже на то, чтобы банально уклониться от смерти, хотя бы упасть и отползти, потому что ноги затекли и не слушаются. Это действительно конец.

— Мара-мара, эс уба шейб! Мара-мара, эс спиш! Мара-мара, йа уба эйш! Мара-мара, эс таэ эйш! — издевательски произнес отступник, плавно приближаясь к оконному проему.

И я поняла, кто пытался вмешаться в ритуал. Хуже того — я осознала, что именно ритуал привлек вечного сюда. Сама позвала свою смерть. Забавно. Можно было бы даже посмеяться, но как-то не до смеха.

— Мара-марэха, эсс унарг хэ!

«Мара» — жизнь, «марэха» — примерно то же самое, что смерть на языке отступников. Точнее, даже «марэха» это «трупец», и я поняла насмешку. В моей формуле звучало «я жизнь», над этим и посмеялся отступник. Что-то вроде «ты не жизнь, ты трупец», ну или «трупак», в общем — труп.

В голове шумело — кровопотеря и магическое истощение все больше сказывались, я и так фактически на грани смерти сейчас. И еще успокаивающее заклинание сказывалось, так что когда вечный подлетел к окну и, сев на корточки, с интересом уставился на меня, я тихо спросила:

— Убьешь?

— Мы разве на «ты»? — поинтересовался маг-отступник.

Горько усмехнулась и изменила форму вопроса:

— Убьете?

Вечный отрицательно покачал головой и напомнил, что есть вещи хуже смерти:

— Выпью.

Я содрогнулась от перспективы. Неминуемой перспективы. Меня никто не спасет, совершенно никто. Более того, своим ритуалом я призвала смерть не только для себя — все адепты, что сейчас находятся в таверне, тоже обречены, остается лишь молиться Тьме, что Норт, Дан и Эдвин услышали мои слова и успеют затаиться. Тогда шанс есть — Эль-таим прикроит их от поисковых заклинаний отступника, потому что вечные используют только черную магию. А всех остальных ждет смерть. Я не знаю, что здесь делает маг-отступник, но я четко знаю, что для уничтожения даже самого слабого из них требуется не менее десяти сильнейших магов, среди которых обязательно должны быть и боевые. Здесь — ни одного боевика! Только адепты и тот, кто, выпив нас всех, станет сильнее ровно на количество выпитых жизней.

— Мара-мара, — насмешливо повторил отступник и протянул руку.

Хочется плакать и умолять о пощаде... Но я лишь гордо вскинула подбородок, не отводя взгляда от вечного. Если уж смерть, то смерть с достоинством.

— А я бы на твоём месте лег, — раздалось тихое за моей спиной.

Маг-отступник мгновенно поднял голову, вглядываясь в говорившего, и теперь Норт был обречен. Вот, Тьма! Вот же Тьма!

И я приказала:

— Ташшанх!

Серебряный паук взвился в воздух, прошел мгновенно выставленный вечным щит и впился в шею мага.

— Норт, беги! — заорала, пытаюсь встать.

И повалилась набок, потому что меня самым банальным образом толкнули!

Затем раздалось приказное:

— Дан!

И отступника, оторвавшего от себя Кхелло и сжавшего мой браслет с такой силой, что он превратился в слиток, смело с подоконника магической волной.

— Эдвин! — вновь скомандовал Норт.

Суровый воин Дома Мечей тенью метнулся к окну, и едва взбешенный отпором отступник вновь возник в проеме, без замаха, совершенно беззвучно вонзил в него меч!

И мы все с ужасом увидели, как от вечного отделилась одна жизнь, чтобы темным призраком воспарить к луне.

Но это была всего одна жизнь, в отступнике их — тысячи!

— Норт, Норт, пожалуйста! — Я старательно пыталась подняться. — Норт, ваши артефакты блокируют черную магию, он вас не найдет! Будьте же вы умнее!

— Извини, — Дастел стремительно шагнул ко мне, схватил за плечо, поднял, а после отшвырнул на кровать со словами, — но с призывами струсить ты не по адресу!

И зеленое сияние чистой силы понеслось в отступника вновь!

Я, приподнявшись на локтях, с ужасом смотрела на происходящее! На Норта, сейчас прикрывающего отход Эдвина, который, оставив меч вечному, стремительно наращивал щит, зная, что следующий удар достанется ему, на Данниаса, готовящегося прийти на смену Норту. И едва Дастел отступил, волна силы втрое сильнее теперь исходила от Дана. Некроманты действовали слаженно, как команда, вот только это все равно, что поливать человека водой — да, дискомфорт они отступнику доставляли, но не более. И он продемонстрировал это, бросив черное заклинание удушья в Эдвина.

И это даже не черная магия, это Тьма изначальная. Это чистая смерть!

Как в кошмарном сне. Как в жутком кошмарном сне, я проследила за тем, как шевелящийся сгусток тьмы мчится к парню. Как минует все щиты, стремительно выставленные некрмантом... как приближается к его лицу, чтобы заползти в нос, рот, глаза... Как растворяется, едва соприкоснувшись с его кожей!

Без следа растворяется!

Произошедшее потрясло всех! Отступника, который недоуменно уставился на свои когтистые пальцы, Эдвина, который просто не верил в то, что продолжает дышать, Норта, прекратившего готовить следующий удар, Дана, остановившего волну силы.

На какой-то краткий миг стало невероятно тихо. Казалось, я слышу биение своего сердца. А потом Эдвин выдохнул:

— Риа, ты сокровище.

И больше слов не было, начались действия! Я даже представить не могу, откуда он их достал, но два сверкающих кинжала в отступника запустил именно Эдвин, а затем Норт крикнул: «Дан, меч!» И вместо того, чтобы вновь поливать отступника ничем ему не вредящей волной силы, Дан применил магию, чтобы выдернуть меч из пытающегося извлечь клинки вечного, и швырнуть его Эдвину. Воин поймал, хищно усмехнулся и ринулся в бой.

В тот же миг Норт оказался рядом, схватил за запястье левой руки, сжал, прикрыл глаза всего на миг, и кровотечение остановилось. А затем, не отрывая взгляда от сражения Эдвина и отступника, у которого тоже оказалось оружие, торопливо приказал:

— В ванную, смой кровь и оденься. Быстро! Гаэр-аша я вызвал, но отступника мы выведем на улицу, твоя задача — скрыть последствия ритуала. Учти, здесь будут дознаватели. Давай, малыш.

И он попытался отойти, но я вцепилась в штанину некроманта и потрясенно спросила:

— Вы рехнулись?! Это же вечный, Норт!

Дастел хмуро глянул на меня, отцепил мои пальцы от своей штанины, наклонился и сообщил:

— Только последователи отступников называют их «вечными». Забудь этот термин, Риа!

А затем адепт вскинул руку — рев зеленой стихии и часть стены снесло вместе с крышей и отступником. Эдвин и Норт переглянулись, Дастел достал свой меч, и оба некроманта, разбежавшись, спрыгнули вниз.

Дан глянул на меня, спросил:

— В порядке?

Испуганно кивнула.

— Действуй тогда, — попросил он и, разбежавшись, тоже прыгнул через разлом.

Меня все равно шатало, несмотря на то, что Норт залечил рану и влил силы, и, пошатываясь, я подбежала к разлому — громадный вечный сражался с тремя некромантами, стараясь не поворачиваться спиной к Эдвину, отбиваясь от атак Норта и рыча, когда в бой вступал Дан, используя исключительно магию и держась на расстоянии. А из таверны уже выбегали напуганные шумом сражения некроманты, выбегали, чтобы потрясенно застыть на пороге.

И вдруг я заметила вдали зеленое стремительно приближающееся сияние — некроманты летели. Да, ночью под лунным светом сильнейшие из практиков смерти вполне могли летать, и я поняла, что это ректор, вызванный Нортом. А значит, нельзя терять время.

Я метнулась в ванную, торопливо смыла кровь с лица и волос, сняла рубашку, швырнула на пол, переоделась, чувствуя, как все сильнее кружится голова, затем вернулась в разгромленную комнату. А там, собирая свои инструменты и горелки, торопливо вспоминала заклинание, которому меня обучил Рик. Вспомнила: «Аш кара эн тасар». На «Аш» — шел вдох и открытие внутреннего источника, собственного, без призвания силы, на «кара эн» формировалось направление, «тасар», легкое заклинание уничтожения. Но едва попробовала — ничего не вышло. У меня не было магии, ни капли, я все отдала на изготовление артефактов.

И тут я вспомнила о Кхелло. Облазила все, абсолютно, и не нашла. Да и времени на поиски не было, я вновь метнулась в ванную, схватила рубашку Норта и, как ни жаль было, использовала ее в качестве половой тряпки. Мокрые пальцы на морозе заледенели и почти не гнулись, спасала только теплая вода из крана. Закончив со всеми кровавыми пятнами, застирала рубашку и повесила там же, в ванной. Затем метнулась к проему в стене, чтобы убедиться, что с некрмантами все в порядке.

И застигла эпический момент — вечный отвлекся на Норта, всадившего клинок в его грудь, и пропустил удар Эдвина. Удар, который, наверное, мне теперь будет сниться, — воин, едва отступник отвернулся, взвился вверх, замах, атака Харна и случилось невероятное — голова отступника, отделившись от тела, словно кочан капусты покатила по снегу!

И в наступившей тишине на этот же снег опустились подлетевшие некрманты, с явным недоумением переводя взгляд с заваливающегося набок обезглавленного тела мага-отступника, на Норта, Дана и особенно Эдвина, опустившегося на колено и совершенно спокойно протирающего свой меч.

Я сама едва дышала, осознавая, что сейчас произошло — адепты убили отступника! Отступника! Адепты! И потрясена была не только я — все, находящиеся во дворе таверны, с нескрываемым изумлением смотрели на команду Некроса по Мертвым играм.

А потом кто-то из адептов произнес:

— Я же говорил, Харну нельзя пить, он, как напьется, бешеный становится и везде со своим мечом таскается.

— А Дастел просто злой был, что его от Каро отвлекли, эти же за ними поперлись, — заявил еще кто-то.

И высшие некрманты все как один подняли головы, а в разломе стояла я, бледная, растрепанная, наспех одевшаяся и непричесанная. Отшатнулась, конечно, в тот же миг, но взгляд лорда Гаэр-аша мне почему-то отчетливо запомнился. Как и поднимающийся с мечом Эдвин, и взбешенный всеми репликами Норт, стремительно повернувшийся к адептам.

Больше реплик не было. Никаких.

Минут через пять ко мне поднялся Норт, принес свой плащ, укутал. Я сидела на стуле у стены и действительно ужасно замерзла, настолько, что даже поблагодарить не смогла. Потом в комнате появились лорд Гаэр-аш, двое высших некрмантов и трое дознавателей, среди которых был и лорд Нардаш. Они ходили, осматривали место, где раньше было окно.

Вопросы задавали только Норту, и я с удивлением узнала официальную версию событий — мы все были здесь, я, Норт, Дан и Эдвин, ужинали. Внезапно в окне показался отступник... Норт попытался снести его волной, для чего магически открыл окно. Отступник влетел, и начался бой... Почему никто не пострадал? Все были пьяные и каким-то образом уворачивались.

Дальше Норт снес стену, вытолкнув мага-отступника, потом бой продолжился. Все. Ни слова о ритуале, ни намек на имеющиеся у них артефакты. Ничего, что могло бы вызвать дополнительные вопросы. Как справились с отступником? Так все же трое лучшие выпускники Некроса, а боевые навыки отточены подготовкой к Мертвым играм.

Дознатели слушали, кивали и верили. Я видела это. И высшие некроманты тоже верили, поглядывая на присоединившихся к нам Дана и Эдвина с заметным уважением.

А потом произошло неприятное.

— Говорите, просто сидели тут и ужинали? — насмешливо поинтересовался лорд Нардаш, стоя над постелью.

Присутствующие повернулись к нему, а дознаватель картинным жестом отбросил покрывало и на белой простыне все отчетливо увидели несколько пятен крови.

— Я смотрю, — похабно ухмыльнулся Нордаш, — невесту лорда Дастел Веридан можно смело поздравить со вступлением во взрослую жизнь.

И он вопросительно взглянул на побелевшую меня. И вдруг побелел сам, выронив край покрывала и схватившись за сердце. Из горла дознавателя вырвалось:

— Хррр...

И он повалился на колени, стремительно синея и пытаясь ударить себя по груди. Упал. Задергался, словно в агонии...

— Норт! — голос ректора заставил всех выйти из состояния ступора. — Норт, прекрати!

Я вздрогнула, взглянула на Дастела, тот подмигнул мне и весьма нахально ответил главе Некроса:

— Что вы, лорд Гаэр-аш, разве это могу быть я? Я свой магический резерв исчерпал, сражаясь с отступником, это вам все подтвердят.

Затем улыбнулся и мягко, даже с какой-то жалостью произнес:

— У лорда Нардаша, видимо, инфаркт, впрочем, при его образе жизни и до инсульта недалеко.

Дознаватель захрипел громче, руки его вдруг странным образом скрючились, а Дастел продолжил:

— Как целитель я, вероятно, мог бы помочь, но не в моих правилах тратить энергию на тех, кто не понял с первого раза. К тому же, — вновь улыбка, — у меня ее нет. Все, абсолютно до капли, потратил на сражение с отступником, которого некоторые проворонили. Несмотря на все предупреждения лорда Гаэр-аша. Хотя нет, капля магии кажется осталась. Потрачу ее на благое дело.

И простыня вместе с кровавыми пятнами вспыхнула огнем.

— Риа, идем отсюда, — позвал Дан.

Словами не ограничился, схватил за руку, заставил подняться, обнял за плечи и вывел. Сил на сопротивление у меня не было. У меня вообще никаких сил уже не было, и в коридоре я начала

терять сознание. Дан обнял за талию, удерживая меня от падения, завел в ближайшую комнату, провел до кровати, уложил и прошептал:

— Поспи. Хоть немного. И да — ты чудо, Риа.

Меня трясло, зуб на зуб не попадал, и было уже как-то безразлично абсолютно — я просто проваливалась во тьму...

Глава пятая

МАГИ-ОТСТУПНИКИ

Иии — Пауль осторожно перебирал мои волосы. — Ии?

Медленно открыла глаза — черный с серебристыми звездами потолок я не узнала ни с первого, ни со второго взгляда. Белые с бежевым узором стены тоже не узнала. Как и двери — двустворчатые и тоже белые.

— Ии? — Паучок перебрался на одеяло и теперь встревоженно смотрел.

— Пауль, — хрипло прошептала я.

И закашлялась. А в следующее мгновение поняла — я больна. Совсем больна.

— Риа, очнулась? — донеслось откуда-то из-за дверей.

Пауль пискнул и юркнул под кровать, я же приподнялась, оглядываясь. Я лежала на внушительной двуспальной кровати, под тремя одеялами, в совершенно незнакомой мне спальне с пятью окнами, за которыми занимался рассвет.

Распахнулась дверь, торопливо вошел Норт в теплом свитере поверх черной рубашки, следом какой-то незнакомый мне очень пожилой мужчина, а затем в дверях показался ректор. Лорд Гаэр-аш не вошел, он остался там, прислонившись к косяку, и как-то странно, но с явным осуждением, глядя на меня.

— Как ты? — Норт наклонился, прикоснулся губами к моему лбу. — Горишь, температура поднялась.

— Это замечательно, молодой человек, — скрипучим старческим голосом произнес подошедший и вставший рядом с Дастелом мужчина, — значит шанс есть.

С трудом сглотнув, я хрипло спросила:

— Шанс на что?

— На восстановление магии, милочка, — просветил меня старичок.

В груди что-то неприятно отдалось холодом.

— И вот мне непонятно, — прозвучал от двери голос ректора, — сражались эти трое героев, а магический резерв полностью исчерпан у вас, адептка Каро.

Норт обернулся, предупреждающе взглянул на него, но по-настоящему меня потряс старик:

— Артан, дорогуша, оставь влюбленным их тайны.

Лицо лорда Гаэр-аша передернулось, глаза мгновенно сузились. Норт победно усмехнулся и снова повернулся ко мне:

— Поешь?

Отрицательно покачала головой, мне в этот момент хотелось, чтобы все ушли и вернулся Пауль.

— А надо бы, — начал осторожно настаивать Норт, — ты не ужинала, к тому же мне, чтобы приступить к лечению, нужно, чтобы у тебя хоть немного силы восстановились.

— Странно, что у тебя они восстановились так быстро, — вставил ректор.

Дастел даже не счел нужным реагировать и вновь обратился ко мне:

— Суп или чай?

Ничего не ответила, ему ответ и не потребовался — прикоснувшись к моей щеке, Норт повернулся и вышел, но, проходя мимо лорда Гаэр-аша, зло сказал:

— И больше никаких разговоров наедине!

Теперь совершенно не отреагировал ректор. Начинаю понимать, что они действительно родственники.

— Ох, девочка, — старичок простер ладонь надо мной, — процесс восстановления, конечно, пошел, но магии в тебе сейчас мизер. Что ж ты так? До выгорания всего ничего осталось.

Почему-то я посмотрела на ректора и поняла, что он не сводит с меня внимательного, изучающего взгляда.

— Нет, определенно не могу понять, что нужно было сделать, чтобы настолько выплеснуть себя, дорогуша. — Старик провел ладонью вниз, до бедер, затем хмыкнул и произнес: — Артан, дружок, напрасно, ох напрасно ты Нортика обвинил.

— В смысле? — хрипло переспросил ректор.

— А никто девочку не тронул.

И я даже сразу поняла, о чем речь! Поняла, покраснела и попыталась остановить целителя, но не успела:

— Не было у них ничего, у этой девочки так и вообще никого никогда не было. Зря воздух сотрясал, миленький, зря.

Я возмущенно рот открыла, а старичок мне:

— Закрой. Тебе бунтовать еще рано, не ко времени, да и впустую, не при тебе так наедине бы ему сказал и про это, и про то, что явно защитный артефакт изготовила, да не один. Как не выгорела, ума не приложу!

Действительно, после такого мне оставалось только напряженно молчать.

— Сказочку про пьяную отвагу дознаватели, конечно, съедят, не подавятся, — взгляд светло-серых словно выцветших глаз напугал до дрожи, — да только меня не обманешь. Ты артефакты изготовила, милая, — чувствую, что начинаю дрожать сильнее, — причем что-то весьма действенное. Весьма... Заподозрил бы Эль-таим, — старик усмехнулся, — да только он против тьмы изначальной не выстоит, а твоя поделочка не просто блокирует — впитывает полностью.

И вот тогда я не выдержала и спросила:

— Кто вы?

Старик улыбнулся. Это была крайне неприятная улыбка. И он ничего не ответил на мой вопрос, но, повернувшись к ректору, произнес:

— Охота идет на девочку, Артан. Охота не шуточная. Я не знаю, кому она так мешает, но сопоставь факты — маг-отступник из приближенных отправляется уничтожить одну адептку, и его тело погибает. Мы с тобой в курсе, кто такие отступники — пусть мальчики уничтожили тело, но душа вечного вернется к собратьям и принесет с собой всю информацию. О том, что девочка жива, они уже знают. Знают отчетливо и, сам видишь — раз подняли древние захоронения и создали измененную нежить, значит, готовы на многое, чтобы уничтожить ее. Не могу даже представить, для чего им это, но ради меня, да и себя, сохрани девочку живой.

Лорд Гаэр-аш задумчиво кивнул.

— Вот и чудненько, — пропел старик, — и да — прикрой мальчиков, артефакты пусть останутся при них. И тебе, и мне спокойнее.

Ректор вновь кивнул.

Старик повернулся ко мне и строго, приказным тоном потребовал:

— Никакой магии семь дней. Вообще никакой, все поняла?

Я поняла, но ответила тихое:

— Нет.

И все добродушие старика вмиг слетело, как маска, сорванная ветром.

— Послушай, девочка, — он склонился надо мной.

— Дед, не нужно, — неожиданно вмешался лорд Гаэр-аш.

Старик и не стал. Несколько секунд он прожигал меня взглядом, затем сказал:

— Твоя кровь способна возвращать жизнь. Не думаю, что Тадор сообщил тебе об этом, но, полагаю, ты должна знать — три последние капли твоей крови вернут жизнь даже в давно мертвое тело.

Я промолчала, стараясь не показать, как мне больно.

Старик же продолжил:

— Тебе нельзя к вечным, девочка, они убьют мгновенно, ведь об опытах Тадора им все известно. И к артефакторам тоже нельзя — запрет в недосягаемости для мира и заставят

изготавливать все новые и новые артефакты.

Не сказала ни слова, но одна слеза каким-то немислимым образом медленно потекла по щеке, и взгляд старика изменился.

— Не обращайтесь внимания, — хрипло попросила, — это не то, о чем вы подумали... просто глаза слезятся.

Целитель не поверил, он стоял и смотрел, как по моим щекам текут еще слезы, и я в итоге, не выдержав, с трудом повернулась на бок, просто пряча лицо и свою истерику.

— Отпусти прошлое, — вдруг тихо посоветовал старик. — Отпусти... Живи настоящим, думай о будущем и запомни, милая, отступники не умеют любить.

Я не знаю, смогла бы сдержаться и не разреветься позорно, если бы от двери не раздался счастливый голос Дана:

— Риа, я тебе суп сварил. Сам!

И я даже всхлипывать перестала.

— И да, тут к тебе, лорд Гаэр-аш, посторонитесь, будьте любезны. Риа, к тебе хвостатая пришла!

Торопливо вытерев слезы, я повернулась, приподнялась и обнаружила две вещи — никакой одежды на мне нет, и котелок с супом в комнату принесла Салли. А следом за саламандрой, осторожно ступая, вошел Норт с подносом и гордо всем объявил:

— Оставьте нас наедине с невестой!

Никто не двинулся с места. Салли, донеся медную кастрюлю до стола, взобралась, удерживая емкость на голове, переставила на прикроватный столик, отряхнулась от сажки и направилась ко мне, гордо вскинув мордочку. Подошла, осторожно ткнула меня лапкой, замерла. Ткнула еще раз, высунув язык и недовольно цокая. А затем расположила лапку на моем плече, прикрыла глазки... Волна тепла прошла по телу, вмиг согрел, и даже слезы высохли.

— Спасибо, — прошептала я.

Салли кивнула, затем кончик ее хвоста вспыхнул огнем, погас, оставив черноту сажки, и словно карандашом саламандра написала прямо на одеяле: «Рик переживает. Этот, — кончик указал на Норта, — не пустил».

Я отвела взгляд. Салли нетерпеливо ткнула лапкой в меня.

— Не нужно Рика, — шепотом, надеясь, что никто не услышит, прошептала я.

Саламандра потрясенно бахнулась на хвостик. Потом вскочила, встряхнулась и написала: «Норт?».

— Нет! — возмущенно воскликнула я.

Салли с важным видом стерла все ею написанное, после спрыгнула с меня на стол и устроилась с таким видом, что стало ясно — будет бдеть.

— Э-э-э, — протянул Дан, — а может мы ее за хвост и того, на кухню обратно?

Саламандра вспыхнула, напоминая, что с ней «за хвост» нельзя, но бунтовала недолго — из-под кровати вылез Пауль, в лапке его сверкала иголка, весь вид был воинственным, и Дану было заявлено:

— Иии!

После чего паучок устроился рядом с вмиг переставшей гореть ящеркой, и та кокетливо обвила его хвостиком, после чего оба уставились на меня, демонстрируя, что бдеть будут вместе.

И вдруг этот странный старик-целитель задумчиво произнес:

— Боевое умертвие, не подчиненное.

Не знаю, как мне хватило сил протянуть руку, схватить Пауля, спрятать под одеяло и прижать к себе. И взгляд, который я направила на этого странного мужчину, был крайне далек от доброго и всепрощающего. Глаза старика многозначительно прищурились.

— Деда, — голос Норта прозвучал как-то странно, — двадцать шагов от Рии, живо!

И целитель перевел взгляд с меня на некроманта, причем если на меня смотрел посмеиваясь, то на Норта с явным недовольством.

— Я не шучу, — произнес Дастел с каким-то угрожающим спокойствием. — отошел от нее.

И тут целитель выдал:

— Щенок, зелен ты еще, чтобы мне...

— Три ребра слева еще не срослись, — перебил его Норт, — и я способен направить осколок кости в сердце наиболее опасным для тебя образом. Отойди, дед.

Пожилой целитель усмехнулся, затем молча развернулся и вышел из спальни. Следом, подчиняясь взгляду Дастела, вылетел и Дан, а ректор... лорд Гаэр-аш просто закрыл за адептом дверь, после чего спокойно произнес:

— Упускаешь два момента, Норт, Первый — это мой дед, тебе он не кровный, и второй — учитывай мое присутствие в следующий раз, когда попытаешься угрожать члену моей семьи.

Некромант ничего не ответил, подошел ко мне, приподнял одеяло, забрал пискнувшего Пауля, поставил рядом с Салли, затем наклонился ко мне и спросил:

— Ты как?

На столике недовольно заворчала саламандра, но, не обратив на нее никакого внимания, Дастел взял меня за плечи, потянул, заставляя сесть, подсунул подушки и поправил едва не упавшее одеяло, а затем еще и сказал:

— Не переживай, это я тебя раздел. Чай или суп?

— Суп, — смирилась я с неизбежным.

— Умничка, — незаслуженно похвалил Норт. — Моя талантливая, самая отважная, такая умненькая и заботливая умничка.

Я лишилась дара речи. А Некромант, набрав суп в тарелку, взял ложку, зачерпнул немного. И вливая мне в приоткрытый от удивления рот, продолжил:

— Мое сокровище.

Я от неожиданности все сглотнула, Дастел невозмутимо набрал еще ложку супа и, вливая в меня, прошептал:

— И чтоб я сдох, Риа, но это были последние артефакты! Последние, поняла?!

Лицо Норта исказилось гримасой ярости, и, подавшись ко мне, он прошипел:

— Если еще хоть раз ты подвергнешь свою жизнь такой опасности, Риа, я к проклятой Тьме заблокирую всю твою магию! Всю, мое сокровище!

И стоящий у двери ректор был мною совершенно забыт! Мгновенно забыт.

— Слушай, Дастел... — хрипло начала я.

— Слушай, Каро, — перебил он, — есть вещи, которые я готов терпеть, есть вещи, которые не готов. Артефакты прекрасны, спорить не буду, но у меня достаточно денег, чтобы купить себе любой артефакт, даже подобный тому, что защищает Танаэша, однако всех денег мира не хватит для того, чтобы купить жизнь. Ты, — глаза его сузились, — говорила, что это просто один из этапов ритуала, так?

Я промолчала.

— Думаешь, я ничего не понял? — прошипел Норт, с яростью глядя на меня. — Я целитель, Риа, как бы я ни пытался от этого убежать, я все равно целитель, и мне дано видеть жизненные потоки. А знаешь, насколько ты была близка к смерти?

Вопрос прозвучал разъяренно. Я сглотнула, говорить что-либо не хотелось, Дастел усмехнулся и сообщил:

— Ты умерла, Риа. Во время ритуала, секунд на шесть ты умерла. Как вернулась? Не знаю. Еще секунда, и вмешался бы я, но ты вернулась сама. Из-за грани, Риа. А теперь скажи, — он отставил тарелку, потеснив потрясенную Салли и брякнувшегося от удивления на пузико Пауля, — как я должен реагировать на произошедшее?

Я умирала. Фактически умерла, влив себя в артефакты — вот почему Эль-таимы стали настолько сильны, вот почему впитывали даже Тьму изначальную, которой способны владеть только сильнейшие из отступников. И Норт не прав — такое невозможно купить, и равное этим артефактам уже никто и никогда не изготовит, потому что да — жизнь, это то, что дороже любых денег. И все же сам факт — я умирала. Как вернулась, помню отчетливо, слова дяди Тадора помогли...

— Я испугался, Риа. — Перевела взгляд с покрывала на Норта и поежилась, увидев фиолетовые отсветы в его глазах. — Я отвечал за тебя, — продолжил Дастел, — и как целитель, и как капитан команды, и как... твой друг.

И я впервые подумала о том, что чувствовали они, присутствуя при ритуале. Раньше не задумывалась даже, да и возможности не было, а сейчас...

— Прости, — шепот вышел невнятный. — Прости, все было под контролем, но вечный вмешался, я начала терять концентрацию и...

— Следовало прекратить! — зло отрезал некромант.

— Я не могла, — и это истинная правда, — я уже не могла, Норт, не тот этап. Остановись я, и мое сознание растворилось бы в кристаллах.

Дастел судорожно вздохнул, его рука, держащая ложку, сжалась так, что побелели костяшки пальцев, зубы явственно скрипнули, после чего парень зло повторил:

— Это были твои последние артефакты, Риа.

И тут от двери прозвучало:

— Я же приказал сидеть тихо, Норт.

Дастел вновь скрипнул зубами, но реплику родственника проигнорировал.

— Об отступнике ты знал. — В голосе ректора послышалась глухая ярость.

Дастел повернулся, посмотрел на Гаэр-аша и зло ответил:

— Я четко знал, что вызов отступника вы проведете за десять лиг от таверны, даже представить себе, что эта мразь учует ритуал по созданию целительских артефактов, было бы странно. Их подобное не интересует.

Ректор кивнул и с нехорошим спокойствием спросил:

— Откуда кровь на постели?

Норт бросил быстрый взгляд на меня, затем накрыл мою ладонь, сжал, почти болезненно и с самым невозмутимым видом произнес:

— Артан, неужели я должен тебе объяснять, откуда берется кровь на простынях?

И в этот миг что-то свалилось.

Мы все посмотрели на пол, на упавшую и раскинувшую лапки Салли, у которой случился, похоже, обморок.

— Пауль, — осторожно позвала я.

Мой паучок спрыгнул вниз, подхватил ящерку, перекинул через спинку и засеменял прочь, видимо, приводить огненную подружку в чувства. Ректор услужливо открыл для него дверь и закрыл, как только Пауль выполз. А после, сложив руки на груди, Гаэр-аш окинул родственника насмешливым взглядом и ехидно поинтересовался:

— Так значит сегодня в таверне ты потерял невинность, Норт?

Дастел нахмурился, но ректор не был намерен смягчать формулировки и продолжил:

— Потому что твоя «невеста» как была девочкой, так ею и осталась, братишка, следовательно, невинность терял кто-то совершенно иной, а вас было двое. Забавно, не правда ли? И я, конечно, сложно представляю процесс твоей «потери невинности», зато четко могу сообщить, что сегодня ты потерял кое-что более ценное — мое доверие, Норт!

И адепту нечего было на это возразить — Норт просто промолчал, хмуро глядя на ректора. Лорд Гаэр-аш выдержал паузу и продолжил тихо, как-то пугающе даже, и гнев ощущался в каждом слове:

— Ты знал, что в пределах мертвого леса будет отступник. Знал и допустил проведение ритуала с применением крови. И двадцать некромантов с шестью боевыми магами испытали невероятное чувство потрясения, когда приманенный маг-отступник вдруг замер в десяти шагах от цели, криво, но очень счастливо оскалился и улетел в другом направлении. О чем ты думал, Норт? И чем ты думал, когда лгал? Мне лгал.

Норт промолчал, опустив взгляд.

Тут уже я не выдержала и, стараясь говорить, а не хрипеть, торопливо сказала:

— Это я виновата, не Норт. Лорд Гаэр-аш, он не знал, что я буду применять свою кровь, я же не говорила...

Убийственный взгляд серых глаз вынудил остановиться на полуслове. Ректор улыбнулся мне снисходительно, как ребенку, и пояснил:

— Капитан несет ответственность за членов своей команды. Более того — Норт приволок вас, адептка Каро, туда, где вам быть не полагалось. И приволок под свою ответственность.

Я хотела сказать, что приволок Дан, и вообще...

— Риа, он прав, — загубил мой порыв на корню Норт.

В двери как-то издевательски постучали, ректор открыл и вновь вошел тот странный старичок. Улыбка с изрядной долей хитринки играла на его губах, когда он сообщил:

— Дознавателя добил вашего. Арташа, дорогуша, прости, не удержался.

И я как-то окончательно ослабла на подушках, и перед глазами потемнело.

— Дед, — лорд Гаэр-аш тяжело вздохнул, — я просил прибраться за Нортом, просто скрыть следы воздействия и только.

— Ага, — хохотнул откровенно ужасающий меня целитель, — а Норт просил только проверить, не загнется ли источник у девочки, но тебе же понравилось, что я чуть-чуть превысил полномочия, а?

— Зато мне не понравилось! — отрезал Дастел.

— Дыши глубже, маленький, в ее мозги я не влез. — Хохотнул снова и добавил: — Не успел, то Арташа нервничал, то ты сильно быстро вернулся.

После такого я жалобно посмотрела на Норта и тихо взмолилась:

— Можно мне уже пойти?

Улыбнувшись, тоже как маленькой, Дастел набрал очередную ложку супа, поднес к моим губам, и едва я все съела, безжалостно ответил:

— Нет, Риа, пока не станет легче, будешь здесь, переносить тебя в таком состоянии я не могу, лечить также не могу — есть опасность, что твоя магия накроется медным тазом.

У меня глаза испуганно округлились.

— Успокойся, я буду рядом, — пообещал Норт.

— За дверью! — вставил ректор.

Дастел явственно заскрипел зубами, но лорд Гаэр-аш добавил:

— Для Каро вызову сиделку, на этом все. Сейчас на выход. Все на выход.

И сказано было так, что Норт отставил тарелку, наклонился, осторожно прикоснулся губами к моей щеке, незаметно вложил в мою ладонь кристалл Эль-таима, судя по размеру мой, и вышел, предварительно демонстративно пропустив и старичка, и ректора, после дверь закрылась, и я осталась одна.

Не надолго, уже через несколько минут появилась госпожа Тасан, штатная целительница, улыбнулась мне и как маленькой:

— А кто у нас плохо кушал? Давай-давай, моя хорошая, мы сейчас приподнимемся, хорошенько все скушаем и спатки, при угрозе магического выгорания нужно много-много спать.

Я покорно доела суп, после без слов выпила снотворное и, проваливаясь в сон, думала лишь об артефакте, который продолжала сжимать в кулаке. Действие Эль-таима ощущалось почти физически — слабость медленно, но верно отступала, в голове прояснялось, дышать становилось все легче, и сон мой был здоровым, так как артефакт напрочь ликвидировал состав снотворного.

За свой здоровый сон я и поплатилась!

Проснулась, едва отворилась дверь — отворилась бесшумно, и совсем не та, которая вела к выходу из спальни. Сразу почему-то вспомнился тот странный старик, еще мелькнула мысль, что с психическим здоровьем у него сложности, и я уже было думала распахнуть ресницы и вообще заорать, призывая кого-нибудь, и лучше всего Норта, но в следующий момент мужская рука легла на мой лоб, и я услышала тихий голос ректора:

— Мне следовало настоять и переправить тебя в Некрос, как только увидел в таверне.

И обозначать свое пребывание среди неспящих вмиг расхотелось. Я постаралась контролировать дыхание и вообще затаилась, боясь пошевелиться.

Тихо скрипнула кровать, принимая вес севшего рядом со мной лорда Гаэр-аша, теплая ладонь осторожно погладила по щеке, спустилась к подбородку, пальцы едва-едва прикоснулись к губам.

Мое сердце перестало биться.

А затем я услышала тихое, сказанное почти с бессильным стоном:

— Как же сильно ты мне нравишься, девочка... И как же ужасающе осознавать, что сегодня я мог потерять тебя.

Я едва дышала. Едва-едва, стараясь совершенно ничем не показать, что я все, совершенно все слышу. Шорох ткани, теплое дыхание на лице, и осторожное прикосновение к моим губам. Едва-едва осязаемое, затем он отодвинулся, еще некоторое время я слышала дыхание лорда Гаэр-аша, а после он ушел.

Распахнув глаза, я долго смотрела в потолок, чувствуя себя потерянно и опустошенно, а после осторожно поднялась — сил уже хватало, Эль-гаим сделал свое дело. Закутавшись в простыню, я осторожно обошла кровать, в поисках одежды, обнаружила вещи сложенными на стуле у зашторенного сейчас наглухо окна, подошла, чуть отодвинула ткань гардины и сразу сощурилась от яркого солнца. Там, за окном, был столь редкий для этих мест солнечный день, ослепительно сверкал снег, небо было ясным и безоблачным, по двору ходили некроманты, степенно и неторопливо плывя по отчищенным дворниками-зомби дорожкам, летали почтовые вороны, подменявшие в дневное время летучих мышей...

Скрип открываемой двери я услышала, но сделать уже ничего не смогла, только обернуться и замереть, увидев вошедшего и тоже остановившегося ректора со стаканом воды, видимо, для меня. Мгновенно опустила глаза, чувствуя, как запылали щеки: ведь лорд Гаэр-аш достаточно умен, чтобы понимать — я слышала каждое его слово. И все остальное тоже ощутила.

Несколько минут мы так и стояли, я, глядя в пол и держась за край гардины, и глава Некроса, продолжающий стоять у двери потайного хода. И я точно знала, что не смогу сказать ни слова. Заговорил лорд Гаэр-аш:

— Каро, вам в простыне не холодно?

— Нет, здесь... тепло, — не поднимая головы, тихо ответила я.

— И все же лучше одеться или... лечь в постель, — как-то неуверенно произнес ректор.

— Да, — еще тише, ответила.

— Не буду вас смущать, — хрипло произнес глава Некроса.

Я услышала звук поставленного на столик стакана с водой, потом скрип закрываемой двери, потом там, за дверью, раздался удар. Глухой удар, словно в стену ударили. И еще один. Потом стало тихо.

Одевалась я очень быстро, а после, даже не пытаясь взять плащ Норта, потому что тяжелый слишком, стараясь двигаться бесшумно, подошла к двустворчатой двери, осторожно приоткрыла и выскользнула из комнаты, чтобы остановиться, едва сделав шаг. Парни, в одежде и устроившись как попало, кто на диванчике кто на креслах, спали здесь, все трое — Норт, Дан и Эдвин. Эдвин спал с мечом. Дан с бутылкой, у Норта в руках была какая-то книга. Сняв сапоги, прокралась мимо, вышла из гостиной и оказалась в преподавательском корпусе. Да, похоже остаток ночи я провела в спальне ректора, и спала я в его постели.

Стараясь вообще не думать об этом, я обулась и покинула жилой корпус, но едва вышла на ступени, как с последней поднялись две фигуры, и стоило им повернуться, у меня сжалось сердце — Рик, не выспавшийся, с темными кругами под глазами, и Гобби, по нему усталости не было заметно, но взгляд сказал о многом. Спустилась по лестнице, не отрывая взгляда от них двоих, вздрогнула, когда Рик шагнул навстречу, и он все понял, молча смотрел, как я

обнимаюсь с нежитью, потом снял свой плащ, закутал меня, и мы пошли в общежитие.

Время было дневное, и потому почти никого из адептов не встретили — дошли до женского общежития, и Рик остановился, я молча взяла его за руку и повела за собой. Так и в комнату завела, не обращая внимания на недоуменные взгляды Гобби.

А в комнате, сняв плащ и вернув его Рику, я оставила на столе кристалл Эль-таима, подошла к шкафу, достала из коробочки амулет Амаэ, решительно надела кольцо и повернулась к некроманту.

Рик посмотрел на мою руку, затем поднял взгляд на меня. Несколько долгих секунд и тихое:

— Что бы Дастел ни сделал с тобой, это не повод принадлежать ему, Риа.

— Дело не в Норте, — с трудом выговорила я. — Дело в том, что все, что ты испытываешь ко мне, это...

Договорить не смогла. Просто не смогла, по щекам потекли слезы. Я не хотела терять Рика. Наверное, это трусость, возможно — эгоизм, но Рик был моим первым парнем. И это были мои первые отношения. И самое главное — мне очень нравился Рик, мне нравилось быть рядом с ним, и наши разговоры, и наши посиделки в столовой, и поцелуи, от которых становилось тепло и радостно. И мне нравилось видеть в глазах Рика такое же тихое счастье, что поселилось в моей душе.

— Иди сюда, — неожиданно зло позвал Рик.

Я не сдвинулась с места. Испугалась, да. Стояла и молча плакала, закрыв глаза и сжав кулаки. Если бы Норт наложил успокаивающее заклятие, было бы легче, а сейчас я просто не могу. Не могу и не хочу видеть, как на лице Рика появится отвращение ко мне, как забегают глаза, выдавая непонимание, что некромант здесь забыл, как он скажет пару фраз о том, насколько я отвратительная, развернется и уйдет. Он уйдет, а мне даже страшно представить, что будет со мной, когда Рик закроет за собой дверь...

— Риа, — он подошел ко мне сам, осторожно вытер мои слезы, а те покатались втрое сильнее, — Риа, не надо, пожалуйста.

Я прикусила губу, до крови, и сжала кулаки так, что ногти впились в ладони. Я перестала дышать, и глаза открывать отказывалась, но поднялась на носочки и поцеловала Рика, чувствуя, как меня начинают сотрясать рыдания.

А потом, осторожно отстранившись, зажмурила глаза, закрыла уши дрожащими руками и попросила:

— Только, прошу тебя, когда будешь уходить, не хлопай дверью... Я не хочу слышать, как она закрывается за тобой... Пожалуйста.

Но все равно вслушивалась, ожидая момента, когда можно будет дать волю слезам.

А потом я ощутила, как теплая ладонь обняла меня за талию, привлекая к некроманту, и как бы сильно я ни зажимала уши, все равно услышала:

— Я люблю тебя, Риа, очень люблю, неужели ты этого не видишь?

Не увидела. Когда глаза открыла, все равно все было затуманено слезами, и я ничего не увидела. Только почувствовала, как Рик осторожно обнимает, и задохнулась, когда поцеловал нежно-нежно и бережно настолько, что слезы хлынули ручьем.

Все закончилось тем, что я сидела на постели, Рик с одной стороны, обнимая меня, Гобби — с другой, взяв за руку, а я сквозь слезы рассказывала о походе в лес, о таверне, которая на самом деле бывший родовой дом, о нападении отступника... Но не рассказала ни о ритуале, который готовили некроманты, ни об убийстве трактирщика, ни о том, что отступника привлек проводимый мной ритуал. И об артефактах Эль-таим не сказала ни слова. Зато подробно и красочно о битве парней с вечным, и о том, как одним ударом Эдвин снес его голову.

Рик усмехнулся и произнес:

— Харн недаром глава Дома Мечей, он способен одним ударом перерубить дуб. Там своя, особая техника, секрет семьи.

Я бы не обратила на эти слова внимания, но Гобби как-то особенно сильно сжал мою руку, и наверное поэтому тихо переспросила:

— Секрет семьи?

— Да, секрет семьи Харн, младшие ветви дома не посвящаются.

Вспомнила практическое занятие Керона, когда Рiku пришлось сражаться с оборотнями, и уверенно сказала:

— Ты с мечом обращаешься не хуже.

— Хуже, Риа, — некромант улыбнулся, — но каждому свое.

Я не стала продолжать тему, встала, извинившись перед Риком, взяла полотенце и халат и ушла в душевую. Хотелось отмыться и просто под теплой водой постоять. Хотелось еще подумать, в тишине и наедине с собой. Хотелось, вернувшись в комнату, наконец, улыбнуться — потому что мне было для кого улыбаться. Хотелось обнять Рика и прошептать ему сто тысяч раз «Спасибо». Хотелось забыть слова лорда Гаэр-аша, и никак не получалось. Еще понимала, что нужно вернуться. Это было странным ощущением для меня, непривычным, настолько непривычным, что вызывало протест в душе, но... они переживать будут. Проснутся, меня нет, а Норт чувствует ответственность за меня.

Нехорошо будет. Совсем.

Торопливо вымывшись, я кое-как вытерла волосы, замоталась в полотенце, набросила халат на плечи и поторопилась в комнату, собираясь выставить Рика, переодеться и вернуться в преподавательский корпус, чтобы как минимум оставить записку о том, где я.

Но все получилось иначе — когда я уже подходила к комнате, увидела стремительно идущего ко мне Норту и на какой-то миг залюбовалась его быстрой летящей походкой, от которой плащ героически развеялся за его спиной. Однако стоило некроманту подойти, как улыбаться я перестала вмиг.

— Я тебя убью, Каро, — с ходу заявил разъяренный Дастел с темно-фиолетовыми всполохами в глазах.

И не давая сказать ни слова, подхватил на руки, донес до двери, пинком открыл ее, внес меня в комнату и остановился, увидев Рика.

Около секунды Дастел стоял и смотрел на поднявшегося с моей постели некроманта, а затем Рика отшвырнуло в стену. Подняло. И швырнуло в коридор. Дверь захлопнулась, а меня бросили на постель.

— Ыыы!

Гобби бросился на мою защиту и получил ледяное:

— Я в курсе, что ты разумный, так вот учти — малейшая физическая нагрузка и у нее выгорит дар. Полностью.

Умертвие застыло там, где стояло, я задернула распахнувшийся халат, но перестала пытаться встать, Норт молча развернулся, подошел к шкафу, достал два полотенца и, вернувшись, начал меня вытирать, невзирая на попытку сопротивления. Потом вдруг в ярости отшвырнул полотенце, навис надо мной, уперевшись в покрывало кулаками и, глядя в мои глаза, произнес:

— Я понимаю, что ты росла не в лучших условиях. Понимаю, что ни доверять, ни рассчитывать на других ты не привыкла. Но, Риа, — глаза его вспыхнули сильнее, — тебе трое человек сказали, что ты на грани выгорания — я, дед и сиделка. Трое. Так что же подвигло тебя вскочить и втихую свалить, в то время как я, словно идиот, спал под дверью твоей комнаты. Я ведь даже не переодевался, Риа! Я остался там, чтобы быть точно уверенным, что ни дед, ни Гаэр-аш тебя не потревожат. Я сиделку выпроводил, чтобы ты поспала, я...

— Прости, — сжавшись, прошептала я.

Укоризненно покачав головой, Норт глухо простонал:

— Риа...

— Прости, я думала после душа переодеться и прийти, я...

Слегка прищуриив глаза, Норт хмыкнул и ядовито поинтересовался:

— Переодеваться при Тарне собралась?

Гобби, тихо протянул:

— Ыыы.

Дастел повернулся, глянул на него и спросил:

— Что-то не нравится?

Зомби застыл, а после прошел к столу, взял перо, написал что-то, вернулся и сунул листок Норту под нос.

— Ка-а-акой знакомый почерк, — протянул Дастел.

Я испуганно глянула на листок, прочла:

«Грубое поведение».

Но после реплики Норта, Гобби вернулся к столу, приписал что-то, вернулся и продемонстрировал:

«Норттик Доставучий — характеристика оказалась точной».

Хмыкнув, Норт повернулся ко мне и прошептал:

— Мне кажется, или у твоей нежити есть чувство юмора?

Мне ничего не казалось, я дико испугалась за Гобби, я...

— Тихо-тихо-тихо. — Дастел вновь подхватил меня на руки, чтобы положить повыше. — Да не трону я твоего бойца, расслабься. Не трону, Риа, все, хватит бледнеть!

Тут Гобби вернулся к столу, дописал на листке, опять подошел к Дастелу и продемонстрировал:

«А Рика?»

Я торопливо закивала, присоединяясь к вопросу. На меня Норт не посмотрел, но внимательно оглядев умертвие с головы до ног, задумчиво произнес:

— Станный вопрос для мужчины... Или ты при жизни был женщиной?

Гобби положил листок на кровать и дергано дописал:

«Некромантское чувство юмора?»

— Именно, — улыбнулся Дастел. — Иди, глянь, что с вашим бледным, но не советую ему входить и вообще на глаза мне показываться.

Но едва выйдя, Гобби вернулся, остановился в дверях, как-то зло глядя на некроманта. И Норт тут же укрыл меня и вышел. Уже из коридора я услышала:

— О, дохлый тролль, прости, не хотел. Да не дергайся ты, сейчас.

Что происходило дальше неизвестно, но не минуло и минуты, как дверь открылась и вошел Рик, следом Норт. Рик был хмур до невозможности, Дастел открыт и улыбчив, приобняв парня за плечо, он так искренне начал извиняться:

— Прости, день паршивый был, ночь опять же, из-за побега Риаллин психанул. Я так понял это она к тебе сбежала, да? Да не молчи, все понимаю — любовь, да?

Тон у Норта был очень дружелюбный, вот только ни я, ни Рик ему не поверили. Я такой тон у дознавателей слышала, Рику тоже доставалось, так что с лицемерием мы были оба знакомы не понаслышке. И обменявшись настороженными взглядами, отреагировали привычно — промолчали оба. И Дастел игру прекратил. Мгновенно убрал руки от Рика, прошел ко мне, сел на край постели улыбнулся и уже действительно искренне:

— Ладно, он мне не нравится, попытался ради тебя, но не вышло.

Я промолчала.

— Риа, не нужно так со мной. — В голосе некроманта отчетливо прозвучала ярость. — Мы и так

его не трогаем ради тебя.

Промолчала вновь, пристально глядя на Норта. Скрипнув зубами, Дастел хотел что-то сказать, и тут его взгляд упал на мою руку и кольцо Амаэ. Зрачки на мгновение расширились, а затем некромант глянул на меня, усмехнулся и неожиданно предложил:

— Тебя поцеловать?

И я мгновенно вспомнила вчерашнюю ночь, поцелуй Норта, которым он мне рот фактически закрыл, и накатило осознание, что отворот больше не действует. Но и по Дастелу нельзя было сказать, что он снова увлечен мною. В любом случае при Рике я проверять точно не собираюсь, и вообще.

— Норт, я буду лежать сегодня весь день, обещаю. Ты мне все сказал, я услышала, поняла, сделаю. Уйди, пожалуйста.

В темных глазах некроманта полыхнули фиолетовые всполохи, но он все понял правильно и прямо спросил:

— Это из-за Рика?

— Я не считаю, что ты был вправе так поступать, — не отводя глаз, прямо ответила Дастелу.

— У него было всего две царапины, я их залечил, — прошипел Норт.

Рик молчал. Просто молчал, но я представляла, как он сейчас себя чувствует.

— Уйди, пожалуйста, — повторила я.

Дастел молча встал и, не оборачиваясь, вышел, громыхнув дверью так, что с потолка что-то посыпалось. А я почувствовала себя виноватой. И ведь, с одной стороны, Норт был не прав, поступив так с Риком, вообще не прав, а с другой — чувствую себя виноватой я. Из-за всего.

— К концу года их здесь уже не будет, а мы останемся. — Рик подошел, сел на место, с которого только что встал Дастел, взял меня за руку.

Да, они уйдут, и Норт, и Эдвин, и Дан, а вот ректор останется. А я никому и никогда не расскажу, как сильно испугалась сегодня. Потому что в самом начале, еще до того, как отчим начал распускать руки, он точно так же ко мне приходил. Прокрадывался, садился на край постели, смотрел, гладил по щеке, а я отчаянно делала вид, что сплю, едва дышала и чувствовала себя совершенно беспомощной. Слабой и жалкой.

Но отчиму я смогла дать отпор, а что делать, если ректор захочет большего? Что мне тогда делать?! Меня ведь никто не защитит. Просто никто. А я ведь, наверное, смерти боюсь меньше, чем насилия.

— Риа, — Рик осторожно погладил мои пальцы, — что с тобой?

И ведь никому не скажешь. Вообще никому. Совсем. И даже к мертвой леди не сходишь, она бы выслушала, пусть просто выслушала, мне, наверное, большего и не нужно.

— Все хорошо, — слабо улыбнулась некроманту, — я попробую поспать, слабость сильная.

И я действительно почти сразу заснула, чувствуя ладонь Рика на своей руке.

* * *

Проснулась уже ночью, услышав тихий разговор:

— Так это тебя тогда в лесу всем скопом били?

Скрип пера по бумаге.

— А зачем было у пальцевика бороду стричь?

Скрип пера по бумаге.

— А, он на внешность неказистую жаловался? Ну ты к трупам даешь, Гоб!

Медленно открыла глаза, голова болела сильно, и пить очень хотелось, но я забыла обо всем, когда увидела мирную картину — за столом сидели Гобби, Норт, Эдвин и Дан, у которого на плече обретался Пауль. Посреди стола имелся казанок с супом, наверное, под ним дремала Салли, рядом возвышались две бутылки вина. Гобби в перерывах между общением ел, парни сидели с бокалами.

— А чего вы тогда к нам с пакостью сунулись? — спросил Дан.

Скрип пера по бумаге.

— Месть, значит, за Рию. Неплохо. — Данниас хмыкнул.

— С биографиями весело вышло, — заговорил Эдвин, — я снял копию, отослал своим.

— И как отреагировали? — заинтересовался Норт.

Отпив еще вина, Эдвин с усмешкой ответил:

— Про пироженку с вишенкой в точку, у нас очень щепетильно относятся к оформлению блюд, к примеру мясо обязательно должна венчать зелень, да и к соусам определенные требования, и не раз повар выходил из столовой облитый им же приготовленной снадью, если не прiderживался традиций... Как-то так.

Я невольно усмехнулась, и Норт тут же повернулся ко мне.

— О, Риа, проснулась! — воскликнул Дан.

Эдвин улыбнулся и кивнул, Дастел не произнес ни слова, молча поднялся, подошел, положил руку на лоб. Держал несколько секунд, после сказал:

— Дан, проследи, чтобы поела. Гобби, утром она уже сможет идти на пары, и да — не выпускай до прихода Рика. Эдвин, мы уходим.

И не сказав ни слова мне, Норт подошел, забрал бутылку со стола и вышел. Эдвин пожелал: «Выздоровливай», взял вторую бутылку и тоже вышел.

Дан же допил все из своего бокала, после чего встал, потянулся, разминая спину, и весело спросил:

— Тебе встать, выйти никуда не надо? Ты говори, не стесняйся, я могу за дверью постоять, пока

оденешься.

Отрицательно покачала головой.

— Пить? — догадался Дан.

Кивнула.

Салли тут же встрепенулась, выбралась из-под казанка, подошла к чашке и приложила лапку, нагревая чай для меня. Благодарно улыбнулась саламандрочке. Чай принес Дан, сел рядом со мной, помог привстать, Пауль торопливо поправил одеяло, я начала пить. Сама чашку держать не смогла, так что некроманту пришлось быть сиделкой.

— Теперь суп, хотя бы немного, — отбирая чашку, сказал он.

Встал, подошел к столу, вернулся с полной тарелкой. Мне же после чая уже ничего не хотелось.

— Давай-давай, хотя бы пару ложек, — улыбнулся Дан. — Тем более завтра у нас сложный день, и выглядеть нужно великолепно.

Мне к губам поднесли полную ложку и влили, едва рот приоткрыла. Зато проглотив, я с тревогой спросила;

— Сложный день? Почему?

— Риа-Риа, ты что, не понимаешь? — Дан скормил мне следующую ложку. — Мы завалили отступника. МЫ! Взяли и завалили!

— Понимаю, — прошептала я, и пришлось сглатывать следующую порцию супа.

— Ну а раз понимаешь, к чему вопросы? — поинтересовался некромант. — Это нам сутки отойти от боя дали, по всеобщему мнению, мы сейчас должны без сил валяться, вот примерно как ты. Открывай ротик.

Послушно все съела с ложки, и Дан продолжил:

— Завтра тут будут все — старый король, газетчики и даже представители посольств. Это мыслимое ли дело Нортаэш повторил подвиг Танаэша и его дяди, да что там повторил — превзошел. Наш отступник был древнее и гораздо высокопоставленнее, а мы, три адепта, взяли и завалили, осознаешь?

Но как только я открыла рот, парень влил мне очередную ложку супа, затем вернулся к разговору:

— Причем Ташшик там был не один, еще шайка боевых магов имелась, да и Рханэ один из сильнейших некромантов всех королевств, а за спиной его самая натуральная Верховная ведьма, а тут мы, трое адептов. Завтра будет нечто, Риа, вот увидишь.

Едва дыша от ужаса, я смотрела на Дана испуганными глазами и даже не открыла рот, едва он следующую ложку к губам поднес. Некромант мою реакцию увидел, улыбнулся и уже без пафоса, спокойно и уверенно заверил:

— О тебе не будет сказано ни слова, не переживай. Норт постарается даже не афишировать

вашу помолвку, чтобы к тебе внимание не привлекать. Завтра ты идешь с Риком, с ним уже перетерли, он в курсе, спокойно войдешь с черного входа, пойдешь на лекции. На вопросы лучше не отвечай, хотя смысл тебе говорить, ты и так девочка не в меру молчаливая. Пару дней, конечно, будет шумиха, потом Гаэр-аш выставит посторонних с территории Некроса и все вернется к норме, до самых Мертвых игр.

Кивнула и покорно съела суп с ложки, но едва Дан собрался набрать еще, сказала:

— Не могу больше.

Некромант тяжело вздохнул и сообщил:

— Норт сказал не меньше двенадцати, так что открывай ротик.

Открыла, съела, но после втрое решительнее сказала:

— Хватит.

Пожав плечами, Дан встал, отнес тарелку на стол и вернулся ко мне, вместе с кристаллом Эль-таима, без слов вложил в мою ладонь. Глянул на меня, с явным желанием что-то спросить, но передумал и произнес лишь:

— Ты когда кровь себе пустила, я думал Норта хватанет удар, а Эдвина вовсе едва удержал. Ты бы хоть предупредила, Риа.

— Эль-таим один из сложнейших артефактов, — тихо начала я, чувствуя, как кристалл согревает мои пальцы. — Сложный настолько, что на его изготовление решаются лишь раз в жизни.

— Почему? — удивился Дан.

И я честно ответила:

— Потому что здесь важна осторожность. А когда делаешь что-либо в первый раз, ты всегда крайне осторожен.

— А во второй раз уже нет?

Отрицательно покачала головой, потом тихо добавила:

— В девяноста пяти процентах случаев при повторном изготовлении Эль-таима сущность артефактора растворяется в кристалле.

Несмотря на то что в комнате царил полумрак, я отчетливо увидела, насколько побледнел Дан.

— Риа, — голос некроманта осип. — Риа, ну ты... Зачем ты вообще?! Риа!

Я промолчала, вообще не стоило об этом говорить, зря сказала. Но Дана мое молчание не устроило.

— Норт тоже что-то такое понял во время ритуала. Уже когда ты закончила себе вены резать, шаталась и повторяла все время ту фразу. Мы с Эдвином чуть успокоились, а Норт вдруг подался вперед, сжал стол, и он настолько его сжал, что там дерево трещало, Риа. Это что было?!

Тьма, я не понимаю, зачем я ему ответила. Но ответила:

— Это я умерла на несколько секунд.

Дан подскочил, растер лицо руками, посте потрясенно глянул на меня и прошипел:

— Ты... ты просто... Ты... Риа!

Гобби взял чай, подошел ко мне, подставил чашку, чтобы я могла попить. Я была очень ему благодарна, правда у умертвил руки не такие ловкие, и немного пролилось. Дан сел обратно, отобрал чашку у Гобби, напоил меня. Затем прямо спросил:

— Почему ты на это пошла, Риа? Я просто понять не могу.

И я ответила:

— Эдвин будет выступать с Гобби на играх, а Гобби не Культяпка, работать с ним в паре Эдвин не привык, значит, подвергнет себя опасности, А вы с Нортом прикрывать будете и тоже можете попасть под удар. Я должна была вас защитить, я выбрала наиболее действенный артефакт. Вот и все, и не кричи больше, пожалуйста, голова болит.

Кричать Дан не стал, просто достал из кармана свой Эль-таим, взгляделся в кроваво-красный кристалл, засунул его обратно, после тихо сказал:

— Мы смотрели в книге, там Эль-таим голубой лунный камень, у нас красные. И еще, там было написано, что артефакт защищает от смертельной черной магии, а эти камешки, они впитали Тьму, личную магию отступников. Это вообще как?

— Не знаю, — тихо призналась я. И почему-то продолжила: — Я вложила в кристаллы многое, защиту от проклятий, заклинаний смерти, боевых заклинаний и черной магии — это уже превосходит возможности классического Эль-таима, но даже я не ожидала, что он сумеет впитать Тьму изначальную.

После моих слов Дан некоторое время молчал и задумчиво крутил в руках чашку, затем тихо спросил:

— Твой такой же, да?

— Нет, — нехотя ответила я, — мой скорее исключительно целительный артефакт с функцией восстановления, но установить защиту и в нем я не смогла.

— Что?! — Дан практически заорал. Но тут же исправился и заговорил шепотом: — Риа, ты сейчас пошутила, да? Это у вас артефакторов юмор такой?

Укоризненно посмотрела на него, зачем вообще кричать нужно было, потом пояснила:

— Защита от черной магии устанавливается на уровне органов, отличающихся у мужчин и женщин, я и установила, а сил на то, чтобы подстроить четвертый кристалл под себя у меня уже не было, мне едва хватило ритуал завершить.

Некромант сначала потрясенно смотрел на меня, затем хмуро выдохнул:

— Знаешь, вот от кого другого бы услышал, так не поверил. Но ты реально на это способна.

Невольно улыбнулась.

— А если я тебе свой Эль-таим отдам? — внезапно спросил Дан.

— Ни мне, ни кому-либо еще, — прошептала я. — Они создавались под вас, конкретно, и едва я проведу завершающий ритуал, они будут настроены исключительно на вас.

Дан нахмурился, затем спросил:

— А ты, получается, осталась совсем без защиты?

Даже отвечать не хотелось. А еще вспомнился Кхелло, погибший в руках вечного, и мне было настолько жаль амулет, словно он был живым существом.

— Того паука, который тебе руку грыз, Норт забрал. Он выпал, когда Дастел снес часть стены, так вот Норт и подобрал, чтобы дознаватели не увидели. Ты восстановить его сможешь?

Отрицательно покачала головой.

Дан тяжело вздохнул, глянул на меня со смесью неодобрения и откровенной жалости, но продолжать разговор не стал. Спросил, провести ли меня до душевой, и едва я отказалась, засобирился, сообщив:

— Выспаться нужно, завтра ждет непростой день.

Пожелала ему упокоенных и даже сделала вид, что и сама собираюсь спать.

Но едва за Даном закрылась дверь, я попросила:

— Гобби, дай нож.

Мое умненькое умертвие тут же выполнило просьбу, а затем я осторожно полоснула себя по ладони.

— Ыыы! — встревожился Гобби.

— Все хорошо, — заверила я, приставляя Эль-таим к ране.

И зашипела от боли, едва холодные щупальца морозной ночи прошлись по венам, вымораживая усталость, слабость, страх. Минута, и доступ к крови прекратился, а рана затянулась.

— Вот и все. — Я села на постели, улыбнулась Гобби, спросила: — Сегодня были на охоте?

Зомби отрицательно покачал головой.

Пауль недовольно пропищал что-то, а саламандрочка забралась на кровать, после мне на ногу, запрокинула голову и посмотрела очень внимательно.

— Что, маленькая?

Ничего не ответив, Салли обхватила лапками мою ногу и распласталась на ней, обнимая. Она беспокоилась обо мне, наверное, из-за того, что услышала, и вот такая поддержка... так трогательно.

— Спасибо, — прошептала я, осторожно погладив гладкий хвостик.

Всхлипнув, словно человек, Салли кивнула, поднялась. А потом встала и я, почти не шатаюсь, снова сходила в душевую, когда вернулась, переделалась, заплела влажные волосы. Ночь только началась, мне нужно было успеть многое и ждать, пока волосы высохнут, времени не было. Правда, я надела мантию с капюшоном и сразу накинула его на голову.

— Ии и ой? — пропищал Пауль.

— Я в библиотеку, что в склепе, — пояснила паучку. — Ненадолго. Вернусь, поем и спать. А вы отправляйтесь за магией, завтра и послезавтра лучше не высываться.

Гобби и Пауль угрюмо начали собираться, Салли подумала и пошла дремать дальше под суп, видимо, чтобы, когда я вернулась, он оставался теплым. Так приятно.

Из комнаты я ушла раньше умертвий, миновала пустой коридор, спустилась на первый этаж, бесшумно прокралась мимо спящей куратора Тайс, открыла дверь так осторожно, что та и не скрипнула, и вышла в ледяную морозную ночь.

Холодно стало так, что разом застучали зубы, но отступать я была не намерена. Торопливо миновав двор, я свернула к склепам, чувствуя, как пальцы, удерживающие капюшон от падения, сводит от холода. До запретной библиотеки почти бежала, твердя про себя заклинание сна. Простенькое, но эффективное, на скелетов точно подействовать должно. Однако стоило дойти до ворот, ведущих в старую башню, как никого усыплять не пришлось.

Потому что едва я подошла, стоящий на страже скелет поклонился и открыл ворота. А после палец мне показал и осклабился довольно. И вот благодаря пальцу я его и узнала — он был одним из тех двух скелетов, которых разобрали по косточке перед склепом, и я собирала. Приятно, что он меня помнил.

— А там еще кто-нибудь есть? — спросила, дрожа от холода.

Скелет отрицательно помотал головой.

— Спасибо, — прошептала умертвию и проскользнула в башню.

Всего в Некросе имелось четыре библиотеки, две при учебных корпусах, одна в административном здании, и эта — запрещенная для всех адептов, так как содержала книги по Черной некрмантии. Вот ради этих книг я и пришла, потому что в отличие от остальных адептов, на языке вечных читала вполне сносно.

Зажигать свечи, стоящие здесь в углу, и освещаемые одной, тускло горящей толстой свечой, я поостереглась. А вдруг свечи кто-то пересчитает, и выяснится, что на одну сторело больше, чем имелось пропусков, так что использовала пульсар. В его синем неровном свете прошла маленькое входное помещение, где, наверное, было принято оставлять верхнюю одежду, и вошла в башню. Температура здесь была постоянная — берегли книги, доступа для дневного света не имелось по той же причине, так что я спокойно двинулась вверх по винтовой лестнице, не опасаясь, что пульсар сможет увидеть в окна.

В этой библиотеке я оказалась впервые, но принцип знала: снизу шли первые буквы алфавита, выше — последние. Еще один принцип: книги вечных четко делились в соответствии с алгоритмом — смысл-название. И сейчас я поднималась вверх по винтовой лестнице, ища книги на букву «Э», потому что эйш — кровь.

«Мара-мара, йа уба эйш!» — Дядя давал учить язык отступников фразами, в детстве в какой-то момент я поняла, что и думать научилась на языке вечных.

Книги располагались на полках у стен, здесь не было приставных лестниц, потому что до любого фолианта можно было дотянуться прямо с этой, центральной винтовой, и я шла все выше. Выше, выше и выше, пока взгляд не зацепился за пустое место. Я остановилась, подошла ближе к стеллажу — «Окрейо», то есть чувства. Зачем кому-то понадобилась книга по чувствам? И почему ее не вернули? Все знают — если что взял у отступников, лучше положить на место до заката солнца, вечные крайне не любят воров. Странно. Но продолжаю медленно подниматься вверх, и вижу второе пустое место, третье... Четвертое пустовало в категории — «Рхеа» — страсть. Даже не то чтобы страсть в понимании любовных чувств, там «Рхао», а это нечто сродни болезненной страсти.

Выше я поднималась уже с какой-то настороженностью, чувствуя почти непреодолимое желание повернуться и уйти, прийти сюда завтра, послезавтра, в любую другую ночь, но только не сегодня. А потом я увидела раздел «Кархэна» — ритуалы на крови, и повальный, масштабный недостаток книг. Не хватало не десятка — сотен!

Желание сбежать стало почти нестерпимым. Но после я подумала о завтрашнем дне, о появлении газетчиков, усилении мер безопасности в связи с прибытием короля и поняла, что добраться сюда будет крайне проблематично. К тому же стоило прикоснуться к стеллажу, и я обнаружила пыль. Не много, книги взяли отсюда неделю-две назад, то есть не сегодня. И я заставила себя продолжить подниматься вверх по лестнице, напряженная, настороженная, готовая в любой миг броситься прочь. Там внизу скелет-охранник, если уж он в нарушение закона пустил меня, то и помочь сможет.

Но чем выше я поднималась, тем больше сожалела о своем решении, потому что на самом верху башни оказалась комната, и, судя по всему, книги про кровь были именно там. И все отчетливее видела неяркий свет, вероятно, от одной единственной свечи. Тусклый, едва приметный свет, показавшийся мне вначале отблеском. Но, осознав, что там кто-то действительно есть, я остановилась. Идти вверх было бы безумием. Но и не узнать, кто столь активно интересуется магией отступников — глупость. Мама рассказывала, что у отца одной из любимых поговорок была «Врага надо знать в лицо». Когда-то я рассказала об этом дяде Тадору, он рассмеялся и ответил: «Враг — грязь под твоими ногами. Знать каждого? Велика честь, Риа. Иди к цели прямо, не оглядываясь, и тогда будешь топтать врагов, даже не замечая их гибели».

И я медленно отступила. В данный момент у меня ни магии, ни защиты, ни нормального физического самочувствия, жаль, что так получилось, но лучше я вернусь сюда в другую ночь.

Осторожно повернувшись, я начала медленно спускаться...

И вот тогда случилось непоправимое!

Он не бежал по лестнице — видимо, счел это напрасной тратой времени, и потому просто слетел вниз в шахте лестничного проема, подлетел к стеллажам «Рхеа», начал торопливо, зло как-то, искать книгу. Нашел. Две. Схватил обе, полетел вверх, и как я ни пыталась слиться со стеной, прижавшись к ней и замерев без движения — лорд Гаэр-аш остановился конкретно напротив меня.

Мой взгляд скользнул по первой из двух сжимаемых ректором книг, и я увидела название: «Рхеа. Акадос рэха». Перевела мгновенно — «Страсть. Методы уничтожения».

Неловкость охватила нас обоих лишь на миг, потом я ощутила страх, а лорд Гаэр-аш вполне обоснованную ярость. Вылившуюся в уместную случаю фразу:

— Что вы здесь делаете, Каро?

Ответ застрял где-то в горле, я не смогла сказать ни слова, испуганно взирая на ректора. Мне казалось, что я едва дышу, но единственный звук, раздававшийся в башне, был звук моего дыхания. И с нарастающим ужасом я увидела, как взгляд лорда Гаэр-аша начал меняться. Пусть сумрачно, пусть мой пульсар, когда лорд появился, едва мерцал, но готова поклясться Тьмой — взгляд ректора изменился. Как изменилось и его лицо, будто камня...

Редчайшие книги выпали из его рук и унеслись вниз по лестнице, а сам глава Некроса шагнул вниз, покидая воздух и ступая на каменные ступени, чтобы сделать первый, осторожный шаг, и три молниеносных последующих, вынудивших меня отпрянуть и прижаться спиной к стене.

Но еще шаг, и у меня не осталось пространства, даже чтобы глубоко вздохнуть. А в следующий миг я и вовсе затаила дыхание, едва ладонь ректора осторожно коснулась моей щеки... Осторожно, словно он сам боялся это сделать, и будто зачарованный, медленно, так медленно, что у меня закружилась голова, ректор начал склоняться ко мне...

— Вы сказали, что это больше никогда не повторится, — судорожно проговорила я.

Резкий злой выдох и шаг назад. Несколько секунд мы так и стояли, я, прижавшись к книжным стеллажам, и лорд Гаэр-аш, держа руки за спиной и глядя в сторону. Затем прозвучало его сухое:

— Как вы здесь оказались?

Я вспомнила о скелете и солгала:

— Использовала заклинание успокоения на страже и...

Вспыхнул огонь. Сразу шесть ярко-желтых пульсаров, вмиг затопивших светом все пространство, я на миг зажмурилась, а когда открыла глаза, вздрогнула от тяжелого, пристального взгляда ректора.

— Вы мне лжете! — взбешенно произнес он.

Мне нечего было сказать на это. Лорд Гаэр-аш, осознав, что помимо молчания ничего более не добьется, холодно сообщил:

— Это самая защищенная библиотека Некроса. Здесь двенадцать стражей, шесть духов и один нетопырь на защите! Заклинание успокоения? Не смешите меня!

Да, крайне самонадеянно было приходить сюда. Крайне.

Звук хлопающих крыльев, тяжелый, словно кто-то взлетал с трудом, и из пролета вылетел нетопырь. Старый, огромный, давно мертвый. Животное с трудом удерживало в лапах обе выпавшие у ректора книги, и вопросительно смотрело зелеными, чуть светящимися глазами на главу Некроса.

— Отнеси наверх, — не поворачивая головы, приказал лорд Гаэр-аш.

Нетопырь покорно полетел в ту самую комнату наверху башни, оставляя меня наедине со

взбешенным ректором. И мне стало лишь страшнее, едва он вновь приблизился ко мне, чтобы схватив за подбородок, вынудить взглянуть в его потемневшие глаза.

А затем прозвучало тихое:

— Я хочу обладать тобой, и это сильнее меня.

Тьма, только не это. Не это, пожалуйста, не надо. Только не он, только не...

— Я не знаю, что это — твоя кровь или просто болезненная страсть, но я не справляюсь, Риалин. — Взгляд лорда Гаэр-аша стал жестким.

А большой палец медленно двинулся вверх, чтобы остановиться, лишь прикоснувшись к моим губам. И сердце замерло, цепenea.

— Пожалуйста, — шепот прозвучал едва слышно, — пожалуйста, не...

Лорд Гаэр-аш не шевельнулся, молча, с яростью глядя в мои глаза. И ярость становилась только сильнее. И внезапно его рука скользнула мне на талию, чтобы рывком прижать к сильному мужскому телу. Я вскрикнула, уперлась ладонями, пытаюсь вырваться и услышала глухое:

— Рикьян Тарн?

И я ладонями ощутила, насколько быстрее начало биться его сердце.

— Смелый мальчик и гордый — не сказал тебе ни слова, — хриплый шепот у самого уха, — а ты так ничего и не поняла, ведь Норт не оставляет следов.

Вздвогнув, я испуганно посмотрела в глаза склонившегося надо мной лорда Гаэр-аша и содрогнулась повторно, услышав:

— Я не потерплю Тарна. Учти.

И я оказалась полностью свободна, а поднимающийся по ступеням ректор холодно приказал:

— Догоняйте, адептка Каро.

Менее всего я была расположена следовать приказу. В данный момент я хотела лишь сбежать прочь отсюда, оказаться в своей комнате с Гобби, Паулем и Салли и постараться забыть все как страшный сон.

Но:

— Я не буду повторять дважды, — холодно произнес лорд Гаэр-аш, — что касается выхода — он заблокирован.

В тишине, наполняющей башню, щелчок замка прозвучал отчетливо.

Затаив дыхание, я дождалась момента, когда ректор скроется в проходе, ведущем в ту самую комнату наверху, и медленно опустилась на ступени. Села, обняла колени руками, попыталась успокоиться. В голове шумело, кровь стучала в висках, колени дрожали. Симптомы все знакомые — страх и отчаяние, а еще дикое чувство безысходности.

Сама виновата. Полностью сама. Повелась на уговоры отчима, написала заявление об уходе из университета, сама, своей рукой писала заявление о поступлении в Некрос. Сама! Хотела свободы, хотела вырваться из-под опеки, хотела сделать все, чтобы не приезжать больше на каникулы в место, которое давно перестало быть мне домом. Тринадцать лет! Я думала, что выиграю у судьбы тринадцать лет, а вышло... А вышло, что отчим планомерно испоганил мою жизнь! Расчетливая сволочь, не подкопаешься. И сейчас, сидя на каменных ступенях Черной библиотеки, я проклинала себя за то дурацкое согласие. Роковая ошибка! Действительно роковая. Я ведь даже не предполагала, что привлеку чье-то внимание в Некросе, слишком привыкла к артефакторам, которые все как один на изобретениях помешаны. Нет, среди нас были и платники, среди которых горели страсти, случались романы, устраивались вечеринки... А мы были другие, знающие друг друга со школы, которая располагалась там же, при артефакторском факультете, горящие идеей создать нечто, что станет прорывом в магии, воспитанные на идеалах Сириллы, ощущающие поддержку и защиту. После гибели дяди Тадора артефакторский факультет стал мне домом. Настоящим домом, местом, где мне было хорошо и безопасно. А что я имею сейчас?! Единственная радость — Гобби и Пауль, единственный настоящий друг — мертвая леди и призрачная надежда, что Рик не исчезнет из моей жизни. А в остальном все тот же выбор, что существовал всегда в доме отчима — прогнуться под обстоятельства и потерять те крохи уважения к себе, что еще остались, или снова, как и всегда, отстаивать себя до последнего.

«Ты особенная, Риа, особенная, никогда не забывай об этом», — много раз говорил мне дядя Тадор.

И я поднялась со ступеней. Потому что для меня было очень важно узнать — любил ли меня самый близкий человек в моей жизни. Важно. После всего сказанного ректором о моей крови, после откровений странного старика-целителя, это стало бесконечно важным.

И, повернувшись, я начала медленно подниматься по ступеням, поманив за собой свой пульсар, но никак не ожидала, что шесть оставленных ректором двинутся следом за мной, максимально ярко освещая лестницу.

Внутри все словно сжалось, и сжималось сильнее по мере подъема вверх. Перед входом в комнату на миг остановилась, но, сжав руки в кулаки, решительно продолжила, не отрывая взгляда от ступеней. И лишь полностью поднявшись и ступив на деревянный пол, осторожно огляделась.

Да, нужные мне книги были здесь. Эйш — кровь. Эйшаг — ритуалы с кровью. Эграхан — ритуалы смерти. Их было мало — не более трех десятков в общей сумме, потому что кровь даже для вечных запретная тема. Более чем запретная — за ритуалы с кровью маги-отступники, ставшие такими за склонность к абсолютной магической вседозволенности, казнили не задумываясь. Впервые подумалось о том, откуда в Некросе настолько запрещенные книги и почему некроманты не сожгли их. Почему-то вспомнилось сердце Некроса и его вены... Вероятно, только сейчас мне пришло на ум, что столь монументальные строения вполне в духе вечных...

Взгляд ректора я почувствовала почти физически, повернулась. Лорд Гаэр-аш, соединив пальцы под подбородком и продолжая изучающе смотреть на меня, сидел за широким столом. Слева от него возвышались две стопки книг, справа четыре — уже с закладками, значит, они были прочитаны. Перед ректором раскрытой на первых страницах лежала «Аггаран» — книга о влиянии, настольная книга каждого вечного. Я знала эту книгу — у дяди Тадора была такая же, вот только ни он, ни я ее никогда не читали. Она была на его столе и только. «В память о брате», — сказал мне как-то дядя, и больше мы эту тему не поднимали.

— Рад видеть проявление вашего благоразумия, адептка Каро, — произнес лорд Гаэр-аш.

Я не сказала ни слова. На губах главы Некроса промелькнула странная усмешка и прозвучало:

— Не стесняйтесь, Каро, мы оба знаем, зачем вы сюда пришли.

Отвернувшись, я шагнула вдоль стеллажей, расстегивая мантию. Сняв, бросила ее на пол и попыталась забыть, что нахожусь здесь не одна. Просто забыть, не отвлекаться, сконцентрироваться на поиске и только. И мне это в полной мере удалось, едва я увидела «Эйш уба рэг» — кровь измененная. Дрожащими руками я достала тяжелый толстый том рукописной книги, открыла первую страницу и, скользя взглядом по строкам, отыскала пункт «Эйшаг вас эр» — ритуалы на крови изменения. Это дословно, фактически — ритуалы для изменения свойств крови.

Не помню, как опустилась на пол, на мантию, помню лишь дрожащие пальцы, судорожно переворачивающие страницы, и текст, на удивление непонятный, изобилующий незнакомыми мне фразами, но в то же время словно тупой нож, бьющий ударами в самое сердце!

«Казна эйг тара уба рэн аатора» — как яд вливается скупыми дозами.

И перед глазами яркое солнечное утро, свет, льющийся через распахнутые ставни и дядя Тадор, с мензуркой подошедший к моей постели. «Горько», — жалуюсь я, поежившись от хлынувшей в спальню прохлады. «Нужно, Риа, давай, маленькая», — звучит его голос, и я пью. Гадость, такая гадость с привкусом металла и горечи. Пью каждое утро, и доза становится больше...

На миг закрыв глаза, пытаюсь справиться со слезами. Мешают ведь, текст расплывется, и не прочту ничего. Сдержалась, распахнула ресницы и вновь слежу за строками, пытаюсь понять смысл. Наверное, не перевела бы, если бы не эти яркие картинки воспоминаний из детства.

«Эйш эна эйш, таасс кунхера» — кровь должна сменить кровь.

Однажды мне приснился страшный сон — будто я в подземелье, к моим венам правой руки тянутся странные прозрачные трубки, по ним бежит кровь, а вены на левой рассечены вдоль запястья, и мне мокро и липко... А потом голос дяди Тадора: «Это просто сон, Риа, плохой сон, все хорошо, спи».

Отчетливо прозвучал чей-то всхлип, вырывая из воспоминаний, задрожал подбородок, и слезы сорвались с ресниц. Я торопливо вытерла их, прикусила губы, отчаянно сдерживаясь.

И тут у меня книгу отобрали, взамен протянув бокал с вином.

— Скелет второй стул принес, вставай, — приказал ректор, и, не дожидаясь ответа, сам рывком поднял.

До стола дошла на негнущихся ногах, села только после того, как Гаэр-аш надавил на плечо, но едва потянулась к книге, услышала:

— Выпей, потом отдам.

Сквозь слезы смотрю на жесткое лицо некроманта. Я как-то совершенно позабыла, что он здесь находится, я...

— Я не пью вино, — голос дрожал.

— Я не пускаю адептов в запрещенные библиотеки, — холодно отозвался ректор.

Залпом осушила весь бокал и протянула его ректору. Мне молча вернули книгу. Большого и не требовалось. Вернувшись к прочитанному месту, последовала за текстом, ровно до следующего пункта «Эйш аггаран нуба» — кровь влияющая.

И я улыбнулась. Плакать хотелось отчаянно, но странное тепло разливалось по телу, а воспоминание...

Лес неподалеку от убежища, мы вышли в него из скалы, маленький испуганный волчонок и волчица с остальным выводком, застывшая под действием заклятия. Зверенок рычит, дрожит от ужаса и пытается тяпнуть дядю Тадора за палец, но Тадор подносит его ко мне и говорит: «Одна капелька крови, давай, маленькая». И я присаживаюсь на корточки, протыкаю палец иголкой и протираю ладонь над рычащим волчком. Рубиновая капелька дрожит, наполняясь и вырастая, срывается с кожи и падает на черный мокрый носик... И рычание прекращается. Тихий скулеж, и волчонок, вырываясь из рук Тадора, бежит ко мне, прижимается к моей ноге, поскуливая, словно жалуясь, пытаюсь лизнуть. «Моя умничка», — глядя на меня с гордостью, говорит Тадор.

Из моего горла вырывается смех горький, почти издевательский смех, сменяясь всхлипом... Сколько раз я приходила в лес и звала своего волка, а он прибегал, играл со мной, послушный всем приказам, и дядя Тадор сидел неподалеку, смотрел на меня и улыбался. И я чувствовала себя такой любимой, важной, нужной... родной! А оказалось — я была экспериментом! Артефактом — который старательно делали, сообразно инструкции из книги! Вот почему-то вместо слез я снова рассмеялась. Тихо, горько, безразлично.

Второй бокал вина в моих руках оказался совершенно неожиданно, как и поданный ректором платок. И я не стала отказываться, медленно, глоток за глотком выпивая все вино до дна, чувствуя, как все сильнее кружится голова, и в то же время понимая — это конец.

Просто — конец. Я не могла поверить лорду Гаэр-ашу, я не поверила ни единому слову старика-целителя, но не верить фактам — безумие. И единственное, что оставалось непонятным — зачем эта игра в доброго и любящего дядюшку.

Вернула пустой бокал стоявшему рядом ректору, вытерла слезы, и от чего-то улыбаясь совсем не радостно как-то, я перелистнула страницы на самое начало, открыла оглавление, нашла неперменные условия, перевернула страницы до сто сороковой и прочла уже ожидаемое:

— Кна гэреа.

«Абсолютное согласие жертвы».

Накатила невероятная апатия. Мне вдруг стало совершенно все равно, где я сейчас, почему сижу и с горькой улыбкой смотрю на книгу, расплывающуюся вместе со всей обстановкой, почему кружится голова и не слушаются ни руки, ни ноги.

— Кому-то пора спать. — Голос лорда Гаэр-аша раздался вдруг очень близко.

Но я даже не вздрогнула и не отодвинулась, и возражать не стала до тех пор, пока он не

закрыв книгу.

— Н-н-не надо, — язык слушался с трудом, — я... должна... понять еще...

— Понять что? — Ректор присел на корточки рядом, вглядываясь в мои теряющие способность четко видеть глаза.

— П-п-понять, что т-т-теперь... м-м-мн-н-не д-де...

Я не знаю, что это было — обман зрения, или глаза лорда Гаэр-аша действительно стали ближе, так близко, что свои собственные я закрыла и, теряя равновесие, ощутила осторожный поцелуй. Голова закружилась сильнее, настолько сильно, что я схватилась за его плечи, а потом обняла за шею, только бы не упасть, но мир все равно продолжал кружиться все сильнее и сильнее, точно бы набирал скорость перед крушением... И губы горели, словно опаленные огнем, и шум падающих книг смешался со звуком разлетевшегося на осколки бокала... и я взлетела, а потом вдруг оказалась лежащей на чем-то твердом... и стол ожег холодом обнаженные плечи, и дыхания мне вдруг не стало хватать, и...

И я открыла глаза.

На потолке были старые, потемневшие от времени балки, и они кружились, как и все вокруг. Убаюкивая, укачивая, унося куда-то, где тепло и ничего не имеет значения. И на какой-то миг захотелось зажмуриться и снова оказаться там, где безразлично, уютно и не имеет значения, но я перевела взгляд на застывшего надо мной мужчину, с искренним удивлением узнала в нем лорда Гаэр-аша, еще больше поразила тому, что его рубашка была скорее разодрана, чем расстегнута, а после осознала, что мне холодно! Это казалось невероятным, если учесть, что горели губы, лицо пылало, шея, плечи и ниже тоже. Потрясенная до глубины души, я приподнялась на локтях, недоуменно разглядывая спущенное платье, и покрасневшую кожу на груди... И...

— Тшш, все хорошо, — прошептал некромант, обнимая мое лицо и захватывая в плен непослушные болезненно-горячие губы.

И все закружилось вновь, но вместе с тем скользнула, возвращаясь на место ткань, теплая ладонь, мимолетно погладив словно огнем пылающую кожу, принялась застегивать платье. Рывок, и вот я уже не лежу, а сижу в теплых объятиях, слыша, как гулко бьется чье-то сердце. И хриплый срывающийся полный сожаления стон, и объятия на миг становятся почти болезненными, но почти сразу вновь уютными и надежными. И меня уносит куда-то в мир между сном и явью, где спокойно и безопасно, где хочется быть, хоть я и понимаю, что напилась...

Но при всем при этом какая-то мысль не давала покоя... Тревожила, не позволяла окончательно провалиться в сон... Какая-то непостижимо странная мысль... Книга, несоответствие, я что-то перевела неправильно, чувствую это. Чувствую, но не могу понять, что именно.

— Спи, — осторожное касание к виску, — спи, я больше не трону.

И сон пропал окончательно!

Содрогнувшись всем телом, я вмиг осознала, что сижу на коленях лорда Гаэр-аша! Распахнула глаза, в ужасе глядя на ректора, и только сейчас поняла, от чего горит моя кожа! Несколько долгих минут я потрясенно, не желая верить в очевидное, смотрела на его окаменевшее лицо.

— Да, я поступил подло, — сухим безжизненным голосом произнес некромант.

В груди что-то оборвалось.

Рванувшись, я попыталась встать, но лорд Гаэр-аш сжал сильнее, удерживая на месте, и холодно добавил:

— Ты на ногах не стоишь, Риаллин.

Словно сквозь туман в моем сознании пронесли те два бокала вина, что я выпила. Два бокала мне, притом, что я вообще никогда не пила. И даже, Тьма, я даже сказала ему об этом. Я...

— Подонок, — сорвалось с моих губ.

Глава Некроса не произнес ни слова, только сжал крепче, чтобы даже дернуться не смогла. А из меня вместе с рыданиями вырвались горькие слова:

— Вы были единственным в Некросе, кого я уважала, чье мнение ценила... Вы... А вы такой же как отчим... Вы...

— Что?! — внезапно перебил меня некромант.

По моим щекам побежали слезы. Плакать было стыдно, очень стыдно, отчим ни слезинки не увидел, а тут... Стыдно, больно, противно. И остановиться не могу.

— Отпустите! — судорожно вздохнув, потребовала я.

— Риаллин, что ты...

— ПУСТИТЕ! — Мой крик разнесся по всей башне.

Некромант разжал руки.

Я вскочила в тот же миг и удержалась, только схватившись за край стола, но удержалась, несмотря на то, что голова пошла кругом, а пол под ногами ходуном заходил. Все равно устояла.

— Риаллин! — Лорд Гаэр-аш поднялся, протянул руки, словно хотел поддержать.

— Не трогайте! — Я дернулась в сторону. — Не смейте ко мне прикасаться! Не смейте! — Смотреть на ректора было сложно, все время казалось, что его вдруг становится двое, но я дернула головой и, когда некромант перестал раздваиваться и расплываться, не сдержалась: — Вы подонок. Как ни назовите, но это было мерзко, низко и подло!

Ректор медленно опустил руки и больше не делал попыток приблизиться. Он просто смотрел молча, но на скулах от бешенства проступили желваки.

— И вы еще злитесь? — не веря собственным глазам, прошептала я. — Вы?! Сильный, могущественный некромант, смеете злиться на того, кто младше, слабее и беззащитен в отличие от вас?!

Из груди вырвался какой-то горький смех.

— Ты пьяна, — тихо произнес лорд Гаэр-аш.

— Вы меня напоили, — мне было так больно, что сил на обличающие речи уже не осталось.

И у некроманта хватило совести не возражать. Жаль, на этом вся совесть закончилась.

— Я держался, как мог, — зло проговорил он, — но это сильнее меня. Я больше не собираюсь стоять в стороне, глядя, как другие добиваются права быть с тобой. Не могу и не хочу. Я имею право на счастье! Я в состоянии отстоять то, что мне дорого. Я устал закрывать глаза с мыслью о тебе и просыпаться все с той же сводящей с ума мыслью. И да — я старше! И сильнее! И могущественнее, ты права. Но ко всему прочему гораздо состоятельнее и являюсь особой королевской крови, и ты должна быть в восторге, что удалось заполучить в сети птицу настолько высокого полета!

— Что? — выдохнула я.

Лорд Шэр-аш резко выдохнул и произнес:

— Норт никогда не женится на тебе, Риаллин, у него слишком большие планы на эту жизнь. Грандиозные. Как, впрочем, и Рик — ему подберут девушку из клана, равную по положению. А ты внучка крестьянина — грязная кровь. И поверь, мое предложение более чем благородно.

— Предложение? — Я едва устояла, хотелось сказать другое, но почему-то выдохнула именно этот вопрос.

— Я влюблен в тебя, — сухо, и с явным недовольством на самого себя, произнес ректор. — Влюблен настолько, что готов жениться. Потому что я жажду обладать твоим телом... тобой. Жажду столь алчно, что, наплевав на гордость и собственное положение, говорю все это собственной адептке.

И мир как-то перестал качаться, разом ввергая меня в холодную злую действительность. «Грязная кровь», «внучка крестьянина»... А я бы не отказалась быть крестьянкой. Не отказалась бы вовсе и с удовольствием переехала бы жить к родителям отца... Вот только их не осталось. Никого. Отступники умеют мстить — семью отца убили за несколько лет до его гибели.

— Я ненавижу себя за эту слабость, — зло, но с заметной решимостью в голосе проговорил Гаэр-аш. — Но сегодня, глядя на тебя спящую, я понял, что сделаю все, чтобы остаток моей жизни ты спала в моей спальне, на моей постели и рядом со мной. И так будет. Даже если мне придется действовать жестко.

Медленно вытерев слезы, я встала ровнее, вскинула подбородок и, глядя в глаза некроманту, тихо сказала;

— В этой жизни, действительно значимой для меня, осталась всего одна цель, но, — улыбка стала горькой, — как выяснилось, для ее реализации мне будет достаточно трех последних капель крови. Так вот, лорд Гаэр-аш, я скорее покончу с собой, чем соглашусь на ваше «более чем благородное предложение»! И поверьте, меня не волнует и никогда не волновало чье-либо положение и состояние. И да — я действительно была бы счастлива хотя бы узнать своего дедушку-крестьянина, но, к сожалению, у меня никого не осталось.

Мир окончательно перестал пошатываться, разве что давил безысходностью. Но мне было не привыкать, и, глядя на застывшего некроманта, я добавила:

— Не приближайтесь ко мне.

— Ты осознаешь, от чего сейчас отказываешься? — холодно спросил ректор.

— Я не из тех, кто прогибается под обстоятельства, — стараюсь говорить спокойно, не обращая внимания на болезненно горящую кожу.

— Влияние отступников? — с издевкой спросил Гаэр-аш. — Любишь, когда тебя используют так, как использовал Тадор — втемную? А когда все открыто и честно, ты называешь это «прогнуться под обстоятельства»?

Жестокий удар. Жестокий настолько, что я едва устояла на ногах. Но после, гордо выпрямив плечи и сжав кулаки, решительно ответила:

— Не смейте! — голос сорвался, но я все же продолжила. — Я любила дядю Тадора! И я всегда буду помнить о нем только хорошее! Потому что в моей жизни больше не о чем вспоминать! Все, что было светлого, доброго, волшебного — связано с ним. А в остальном грязь, подлость, жестокость, развратность и ощущение собственной слабости и ничтожности. И потому я буду любить и помнить того единственного человека, кто относился ко мне так, словно я чего-то стою. Словно я личность, а не объект для... — голос дрогнул.

А я поняла, что все, это предел, не могу больше. Не могу, не выдержу. И, забыв про мантию и про то, что на улице зимняя ночь и мороз пробирает до костей, метнулась к лестнице. Но стоило ступить на первую ступеньку, как стиснувшие руки некроманта не позволили сделать ни шагу.

— Я не хотел тебя споить и не планировал этим воспользоваться, — резко и быстро произнес ректор. — Я видел, что тебе больно, решил, что вино притупит чувства. А когда понял, насколько ты пьяна — не сдержался. Не смог.

— Отпустите! — не желая ничего слушать, потребовала я.

Крик не возымел действия, сжав сильнее, Гаэр-аш продолжил:

— Ты излишне молода, пьяна и категорична. Прекрати истерику и осознай — брак со мной станет решением всех твоих проблем, Риаллин.

А я вспомнила о том, что выход из библиотеки заперт. И что этот, сжимающий меня в объятиях мужчина сильнее, гораздо сильнее меня. И что у меня даже нет магии, и сил больше тоже нет. И, наступив на горло своей гордости, я сказала:

— Хорошо, лорд Гаэр-аш, я понимаю, что ваше предложение честь для меня и обдумаю его.

Руки некроманта мгновенно разжались. А я приложила все усилия, чтобы казаться спокойной и не допустить, чтобы голос задрожал от ярости.

— Так, значит, вы богаты? — вопрос прозвучал спокойно.

— Баснословно, — последовал ответ. — Мое состояние второе по величине в королевстве.

— Вот как, — только бы горький смех, что сотрясал изнутри, не вырвался наружу. — И что же вы, столь обеспеченный, делаете на посту ректора Некроса?

Некоторая пауза, затем хриплое:

— Долг перед семьей. Моей задачей было сделать Норта лучшим выпускником Некроса.

Я промолчала, ректор продолжил:

— По моей вине семья была вычеркнута из списка престолонаследия, я вернул долг.

Шаг вниз, спуск на одну ступеньку и еще вниз. Меня шатало, но старательно пытаюсь идти ровно.

— Риаллин.

Я остановилась.

— Жду согласие. Утром. До приезда короля и газетчиков.

Сил на ответ не нашлось, просто кивнула.

— Для тебя открыть проход в общежитие?

Соглашаться не хотелось. Не хотелось до зубного скрежета, до крика, до откровенной лжи:

— У меня внизу плащ Норта, — солгала я, продолжая спуск.

Ступенька за ступенькой, шаг за шагом, на душе было противно, кожа горела, словно ожог, слезы столь же сильно жгли глаза.

Внизу щелкнул замок. Я поспешила, прилагая все старания, чтобы не упасть. Спустилась вниз, ни разу не оглянувшись, распахнула первые двери и шагнула в объятия холода. Но не остановилась ни на миг — решительно прошла через комнату воздушного барьера, подошла к высоким воротам — распахнула и содрогнулась от пронизывающего холода.

Следовало побежать — я шла. Гордо расправив плечи и подставляя лицо крепчающему под утро морозу. С одной стороны, было холодно, с другой — кожу прекратило печь. Ненадолго. Я почти дошла до общежития, когда остановившись присела, набрала снега в ладонь и приложила к шее. Холодно — да, но, видимо, стыд жег сильнее, чем холод. Поднялась и, продолжая держать снег, шагнула к общежитию.

И тут раздалось:

— Риа?!

Я даже не успела обернуться, как теплый, согретый теплом чужого тела плащ, лег мне на плечи. Затем раздалось приказное:

— Дан, найдешь Гобби, приведешь ко мне.

В следующее мгновение Норт подхватил на руки, прижал к себе и понес куда-то прочь от женского общежития. Попыталась возразить и не смогла.

Дастел принес меня в свою комнату. Не говоря ни слова, стянул плащ, снял с меня обувь, расстегнул платье, стянул через голову, завел в душевую, включил горячую воду и как был, в одежде и обуви, стоял рядом и держал до тех пор, пока не перестали стучать от холода мои зубы и кожа утратила мертвенную бледность. Только тогда Норт спросил:

— Снять остальное сможешь?

Я кивнула.

— Раздевайся, заворачивайся в полотенце и выходи. Две минуты, Риа!

И вышел, хлюпая мокрой обувью.

Молча сняла рубашку, чулки, белье, сложила все возле умывальника, завернулась в полотенце и вышла. Норт, уже в сухой рубашке и домашних брюках, ждал меня, сидя на стуле и скрестив руки на груди. Едва я вошла, встал, обошел, прошел в ванную, вернувшись с полотенцем, обернул мои волосы, высушил. После насухо вытер меня, подвел к кровати, взял уже приготовленную теплую рубашку, не слушая робких попыток возражения, натянул на меня и практически швырнул на постель.

А после, укрыв, склонившись надо мной, прошипел:

— Мы сейчас сделаем так, Риа, я не буду спрашивать, как у тебя хватило мозгов наплевать на мое предупреждение и выйти из комнаты. Я даже ругать не буду, обещаю. Не знаю еще, как сдержусь, но сдержусь. Однако здесь и сейчас я хочу знать — кто?!

Вопросительно посмотрела на Дастел а, и тот, видя мое непонимание, рванул вниз одеяло, расстегнул рубашку, коснулся красных пылающих отметин на груди и прорычал:

— Кто это сделал?!

«Норт никогда не женится на тебе, Риалин, у него слишком большие планы на эту жизнь. Грандиозные», — вспомнила я слова Гаэр-аша и почему-то улыбнулась. Не знаю, почему. Но я продолжала улыбаться, даже когда хлынули слезы. Даже когда, потянувшись к Норту, обняла его и откровенно разревелась у него на плече. Впрочем, тогда уже было не до улыбок, у меня просто началась истерика.

И когда дверь открылась, и вошли Гобби и Дан, я сидела у Норта на руках и всхлипывала, уткнувшись в его рубашку.

— Оу, — протянул Дан. — Норт, а с каких пор ты такой несдержанный.

Дастел молча укрыл меня одеялом до шеи и приказал:

— Принеси чай. Или вина нагрей. Быстро.

Дан метнулся за дверь, а Норт тихо спросил у оставшегося стоять посреди комнаты умертвия:

— Где она была?

Вытирая слезы, увидела, как Гобби развел руками.

— Что значит, ты не знаешь? — зло спросил Норт. — А ты где шлялся вместо того, чтобы за ней присмотреть?!

Тут уж я перестала всхлипывать, отстранилась от Норта и прошептала:

— Гобби нужна была магия и...

В черных глазах некроманта полыхнул огонь.

— Магия? — недобро переспросил Дастел.

Зря я это сказала... Зря.

Но тут Норт осторожно коснулся моего подбородка, вынуждая взглянуть ему в глаза, и тихо произнес:

— Я никогда не использую эту информацию ни против тебя, ни против Гобби, клянусь кровью. Просто скажи.

И я сказала:

— Гобби требуется ежедневная доза магии для того, чтобы артефакт мог поддерживать жизнедеятельность оживших участков кожи.

Информация стала потрясением для Норта. Понимаю, ему как целителю такое было дико услышать, но воспринял он все достойно. Вновь посмотрел на Гобби, спросил прямо:

— И как вылазка, завершилась успешно?

Умертвие отрицательно покачало головой.

Недолго думая, Норт все так же у него спросил:

— Если сейчас использую боевую магию, тебе будет в плюс?

Гобби сначала неуверенно на меня глянул, после кивнул.

Фиолетово-черная молния сорвалась с пальцев Дастела, угодив четко в грудь Гобби. И не удержавшись, я соскользнула с рук Норта, подбежала к зомби, непослушными пальцами расстегнула его куртку и проследила за тем, как энергия из артефакта потекла по плетеным каналам, неся жизнь и питание.

— Ыыы, — внезапно произнес Гобби, указав на мою шею.

— Да-да, мне тоже безумно любопытно, чьих губ это дело! — меланхолично, но с отчетливо слышной яростью, произнес Норт.

Сердце сжалось от боли. Но, тряхнув головой, я прогнала нехорошие мысли и, обернувшись к Дастелу, спросила:

— Тебе не повредит подобный выброс энергии?

Не говоря ни слова, Норт закатал рукав, продемонстрировав толстый кожаный браслет, затем расстегнул его и на подставленную ладонь упал Эль-таим.

— У меня сказочно быстро восстанавливается резерв, — пояснил некромант. — Так что подпитывать твою нежить сможем и я, и Дан, и Эдвин. Впрочем, могли делать это и раньше. Достаточно было просто попросить.

Я промолчала.

— Понимаю, доверия не заслуживали. — Норт поднялся. — Давай в кровать, сегодня спишь здесь.

Возмущенно смотрю на него.

Дастел лишь усмехнулся, а затем жестко произнес:

— Не смешно, Риа! Даже не улыбаясь. Я рад, конечно, что ты осталась девственницей, но меня вовсе не радуют затемнения в области легких и нервное истощение. Марш в кровать, я сказал! До утра под моим наблюдением, утром, если не оклемаешься, к целителям в лечебный корпус. И да — ты дура. Можешь обижаться, можешь устраивать показательные гневные пантомимы, но лично мне самому неясно, на чем еще держится твоя магия — по всем законам она должна была перегореть от истощения. Марш в кровать!

Самым непостижимым образом я вернулась к постели, залезла под одеяло, укрылась и только тогда спросила:

— А где мой артефакторский рюкзак?

Улыбнулся, подошел к шкафу, открыл и достал потрепанный жизнью и событиями рюкзак.

— Только учти — тебе не дам, — сразу предупредил Норт. — Кровать место чистое, а это где только ни было. Скажи сразу что дать.

— Цепочки. — Я улыбнулась его удивленному взгляду. — Там, в боковом кармашке.

— Ты успела их забрать, пока мы отступника громили? — поинтересовался Норт.

Но достал мешочек, пропитанный отваром девясила, принес мне.

— Ножичек дай и сядь рядом, — попросила я.

— Ты магичить собираешься? — с нескрываемым недовольством спросил некромант.

— Нет, просто поместить артефакт в оправу, закрепленную на цепочке и активировать на тебя, — меня начинала пугать та правдивость, с которой я отвечала Норту.

Открылась дверь — вошел Дан с кувшином, от которого поднимался пар, и Эдвин с Салли, у которой в лапках был суп. В тот же миг ладонь Норты стремительно легла мне на шею, и холодок, приятный, успокаивающий, пробежался по коже.

— Я вам сразу сказал, что за ней присмотр нужен, — хмуро разглядывая меня, произнес Эдвин. — Хм, Дан, о чем ты там говорил?

Рыжий смерил меня взглядом и задумчиво произнес:

— А уже ничего и нет.

Эдвин внимательно посмотрел на Норту. Дастел ответил ему спокойным:

— Найдем и уроем.

Воин Дома Мечей величественно кивнул и отнес Салли с супом на стол. Я посмотрела на Норту и тихо спросила:

— А встать можно.

— Вставай, — обреченно согласился некромант и опять направился к шкафу.

И вот стоило мне вылезти из-под одеяла, раздалось:

— Шикарные ножки.

Дан широко улыбнулся в ответ на мой возмущенный взгляд.

— Да, славные, — согласился Эдвин, и он на мой взгляд не отреагировал, продолжая смотреть на мои ноги.

— Согласен, сказочные. — Норт подошел и укутал в плед, закрыв от груди и до пола.

После подхватил на руки, отнес к столу, усадил, и без вопросов набрал мне супа. Все так же молча впихнул ложку и повернулся к Гобби:

— Где Эль-таим Рии знаешь?

Умертвие кивнуло.

— Принеси, — скомандовал Дастел.

Когда Гобби вышел, я спросила:

— А почему вы не спите?

— Отоспались, пока тебя караулили, — отозвался Дан.

— Риа, — Норт вернулся к кровати и теперь держал мешочек с цепочками, — тебе что-то еще нужно для ритуала или как?

— Только цепочки и ваша кровь, — заверила я.

— Кровь зачем? — удивился Дан.

— Установление связи, — ответила я. — В идеале, в случае потери, артефакт всеми силами будет стремиться к вам.

Некроманты переглянулись, затем Эдвин прямо спросил:

— Этот ритуал будет опасен для тебя?!

После его слов я внимательно посмотрела на Дана. Рыжий развел руками и произнес:

— Мы команда, Риа, я был обязан рассказать им.

И мне ничего не оставалось, кроме как честно ответить:

— Ритуал уже был проведен, артефакты настроены на вас, это просто завершающий этап. Давайте по одному, мне всего-то нужна капелька вашей крови и все.

— Поешь сначала, — сказал Дан. — И да, вина теплого выпей со специями, здоровски согревает.

Я застыла.

— Хватит с нее вина. — Норт подошел, сел рядом. — Салли, сгоняй за чаем.

И я никак не ожидала, что саламандра метнется исполнять приказ Дастела.

Первым был Дан, сел передо мной, поставил на стол свой Эль-таим, протянул мне ладонь. Невольно улыбнулась суровости и серьезности парня. Взяла его указательный палец, осторожно проткнула ножом, и едва показалась первая капелька крови, приложила красный кристалл артефакта к ней, закрыла глаза и про себя прошептала: «Мара-мара, эс саэм тейс».

А после проследила за тем, как матрица Дана вписалась в артефакт. Солгала, конечно, магия тут требовалась, но совсем немного. Правда едва завершив, сама не заметила, как потянулась к кувшину с горячим вином — пить хотелось. Жаль, никто не остановил и вовсе ни сказал ни слова, а я, допив налитый стакан до дна, вновь закрыла глаза, вставила Эль-таим в оправу, закрепленную на цепочке, зажала замочек и проверила крепление — кристалл помещался в паутинке из серебра. Помещался так, что и выпасть не мог, и впаянным в него матрицам это помешать не могло, а зажатый замок намертво закреплял плетение.

— Наклонись, — попросила Дана.

И, застегивая цепочку на его шее, предупредила:

— Ни украсть, ни купить, ни подарить. Отныне он твой и только твой. И даже если потеряешь, он будет защищать тебя, не так эффективно, но защищать.

Рыжий выпрямился, затем посмотрел на цепочку, после взял мою ладонь, поднес к губам, с нескрываемой благодарностью поцеловал и тихо произнес:

— Я в полной мере осознаю, насколько ценный дар получил.

В моих глазах заблестели слезы.

Дан поднялся, и его место занял Эдвин.

Улыбнулась Харну, осторожно прикоснулась к его ладони, на которой сверкал рубиново-красный Эль-таим, положила камень на стол и сделала аккуратный надрез на указательном пальце воина Дома Мечей. Дан поморщился, когда протыкала его кожу, а на лице Эдвина не дрогнул ни один мускул. Улыбнулась воину, подставила под наливающуюся каплю крови кристалл и, едва та соскользнула вниз, закрыла глаза. Эдвин был силен, очень силен, и потому я значительно усилила регенерацию и упростила матрицу восстановления силы. Теперь воин станет сильнее как некромант, это как минимум, а как максимум сможет орудовать силой, словно мечом. Надеюсь, он узнает об этом спустя годы, но именно сейчас я делала некромантию продолжением его руки, столь же послушным, как и меч.

— Риа, — осторожно позвал Эдвин, — я не знаю, что ты сейчас творишь, но точно могу сказать — поток некромантии стал для меня управляемым.

Неожиданно быстро.

Я открыла глаза, удивленно взглянула на адепта и ничего не сказала. Все так же вставила Эль-таим в оправу, зажала замочек, замуровывая камень, и попросила:

— Наклонись.

И застегнула цепочку на мощной шее воина Дома Мечей. Полной неожиданностью стало то, что, едва выпрямившись, Эдвин взял обе мои ладони, поочередно поцеловал и, глядя в изумленные глаза, прошептал:

— Отныне и навеки мой меч будет убивать за тебя, Риаллин.

— Ух, — потрясенно выдохнула.

— Не «ух», а родовая клятва моего клана, — улыбнулся Эдвин.

И уступил место Норту.

Я взглянула в черные глаза целителя и поняла, что справлюсь. Сумею. Пусть придется вложить последние силы, но я это сделаю.

Открылась дверь, впуская вернувшегося Гобби, принесшего и чай, видимо, встретил Салли по дороге. Гобби подошел, протянул мой Эль-таим, и недолго думая я поместила его под рукав, добившись полного соприкосновения с кожей.

— Что задумала? — хмуро спросил Норт.

Я не ответила. Налила себе полный стакан горячего чая, потому что жажда становилась все нестерпимее, махом выпила половину и, чувствуя, как в груди разливается тепло, приступила к ритуалу. Нож проткнул кожу, выпуская капельку нортговской крови, а затем проткнул и мой палец. Две капли крови синхронно упали на кристалл, а затем, закрыв глаза, я прошептала вслух:

— «Мара-мара, дан уба эйш. Мара маара, эз спишь аггаран».

Аггаран — влияние.

С этого дня и все сильнее с каждым днем Норт сможет влиять на подчиненных. На мой взгляд, идеальное умение для будущего короля. И пусть у меня это выходило лишь с маленькими животными, Норт сможет воздействовать на людей.

— Риа, — тихо позвал Норт.

Я протянула ладонь и закрыла ему рот. Некрасиво, да, но сейчас не время меня отвлекать. И, вторгаясь в матрицу, я осторожно меняла потоки, делая Дастела сильнее. Сильнее настолько, что спустя всего неделю по силе потока он будет равен Дану. Знаю, что делаю больше, чем следовало бы. Наверное, сказывалось влияние дяди Тадора — он вложил в меня это стремление пересекать рамки дозволенного. Еще, возможно, чисто исследовательский азарт. Но на самом деле это была благодарность за меня, за Гобби, за то, что Норт изменился.

И когда я, завершив, открыла глаза, невольно улыбнулась невероятно хмурому Дастелу.

— Что ты сделала? — прямо спросил некромант.

— А что ты чувствуешь? — задала я встречный вопрос.

Норт сжал Эль-таим, судорожно вздохнул и произнес:

— Усиление темного источника.

Я улыбнулась, забрала у него кристалл, вставила в паз, защелкнула, закрепила замочек. И попросила:

— Наклонись.

Некромант подчинился, но, едва я застегнула цепочку, выпрямился и, глядя мне в глаза, произнес:

— Отныне и навеки...

— Э нет, — я откинулась на спинку стула. — В случае с тобой я хочу одной конкретной благодарности.

У Норта взметнулась вверх бровь, Дан присвистнул, Эдвин взял стул, повернул его спинкой к нам, оседлал и сделал вид, что он весь — внимание.

— Хорошо, — настороженно проговорил Норт, — и чего конкретно ты хочешь?

Я налила себе еще чая, сделала маленький глоток и, не сводя глаз с Дастела, прямо спросила:

— Что ты сделал с Риком?!

Эдвин мрачно выругался. Норт сжал челюсти и промолчал. Дан хохотнул и ответил за капитана команды:

— Да что тут непонятного, Риа? Норт и Эдвин доходчиво объяснили Тарну, что если он тронет тебя хоть пальцем, ему ко...

— Дан! — прошипел Норт.

Но рыжий, не вняв предупреждению, продолжил:

— Тьма, какой смысл молчать? Рик первый бабник Некроса, он столько перепортил, что...

— Дан! — Дастел глянул на него так, что некромант тут же умолк.

А я смотрела на Норта, пристально смотрела.

— Извини, — без тени сожалений произнес Дастел. — Я понимаю, что Рик что-то к тебе... — щека дернулась, но он все же продолжил, — чувствует. Я отчетливо вижу, что и у тебя к нему нечто вроде первой влюбленности. Так никто и не против... до определенной черты. И вот эту черту я запретил ему пересекать.

Ясно, что ничего не ясно. Продолжаю зло смотреть на некроманта, и тут Дан выпалил:

— Да Норт задолбался с абортами, Риа!

— Дан! — взревел Дастел.

Но рыжий вскочил и продолжил:

— Единственный целитель, который не пишет отчетов здесь — Норт, и как ты думаешь, к кому бегают девчонки, когда с такими, как Рик, нагу...

В следующий миг Дана снесло волной и швырнуло об стену. Вот только некромант не упал, как недавно Рик, а, сгруппировавшись, оттолкнулся, и встал на ноги. И теперь стоял, возмущенно переводя взгляд с Норта на Эдвина, а эти двое с каменными лицами принялись мне... лгать.

— Он врет, — глядя прямо мне в глаза, сказал Дастел.

— Да, врет, — с таким же выражением произнес Харн.

— Угу, я просто закоренелый лжец, — прошипел Дан.

— Вот видишь, сам признался. — Норт едва заметно улыбнулся.

— Да-да, а Рик сам согласился, угу, с первого открытого перело...

Эдвин взмахнул рукой, и Дана снесло повторно, правда, по направлению к двери. Норт зримо ничего не сделал, но дверь открылась и, едва рыжего вышвырнуло в коридор, закрылась.

— Так где ты шастала сегодня ночью? — невозмутимо спросил Норт.

Я невольно посмотрела на затихшего Гобби, умертвие вернуло мне такой же потрясенный взгляд.

— Меня больше интересует, кто ей сказал, — хмуро вставил Эдвин.

— Рик, кто же еще, — прошипел Дастел.

— Норт, это исключено, у нас воспитание не то.

— Да? — искренне удивился некромант. — Тогда кто?

— И я о том же, — протянул Эдвин. — Там были ты, я, Дан и Рик. Изолированное место, изолированное даже от призраков. Следы «переговоров» ты убрал. В том, что Рик ни ей, ни кому-либо никогда не скажет, я более чем уверен. Остается вопрос — кто мог узнать?

— Хороший вопрос. — Норт прищурил глаза. — К примеру, тот же, кто однажды порвал ворот платья, и Риа отказалась даже говорить об этом. Или тот, кто, выставив меня из ванной комнаты в таверне, запугал ее не то, что до слез — до абсолютной обреченности. И что-то мне подсказывает, что этот же человек вынудил ослабевшую до потери сознания девчонку вскочить и сбежать из спальни сегодня днем. Я прав, Риаллин?!

Мне совсем не понравились ни тон, ни взгляд Дастела. Не нравилось и еще кое-что:

— Зачем ты так с Риком? — в свою очередь спросила я.

— Тьма! — выругался Эдвин.

Норт ругаться не стал, устало вздохнул и тихо спросил:

— А как я должен был поступить, Риа?

Изумленно смотрю на него.

— Я должен был промолчать? — продолжил Норт. — Или радостно поздравить тебя со вступлением во взрослую жизнь? Или ты действительно веришь, что у вас приличные

поцелуйчики и держания за ручки продолжались бы более двух дней? Я сделал то, что считал должным. Если Рик тебя любит, будет держать себя в рамках приличия по крайней мере год. Выдержит — чудесно, я пожму его руку и пожелаю вам счастья. Не выдержит — я буду рад, что ты увидела его истинное лицо и подставлю плечо для утешения. И кстати — да, я поступил жестоко, но давай откровенно — он мог сразу сказать, что испытывает к тебе нечто большее, чем желание, и готов год держать себя в узде. Он отказался, я принял меры — это все. Мне жаль, что ты узнала, было бы гораздо лучше, если бы и дальше верила в его чистую и искреннюю любовь. Лично мне нравилось видеть тебя счастливой. На этом тема закрыта, и мы переходим к главному вопросу — чем тебя запугал Артан?

Я была настолько потрясена услышанным о Рике, что не сделала даже попытки ответить.

А Эдвин, повернувшись к Нарту, удивленно спросил:

— При чем тут ректор?

— А, давняя история, — отмахнулся Дастел. — Из-за выходки Гаэр-аша наш род был отстранен от прав на престол. Точнее, меня тогда не воспринимали всерьез — мало кто способен понять, насколько опасен может быть дар целительства. Нынешнюю ситуацию ты знаешь и сам, Артан здесь, чтобы проконтролировать мой рост как некроманта. Но есть опасения, что ректору не нравится мой выбор Рии в качестве невесты.

— Ревность? — недоверчиво произнес Эдвин.

У меня внутри все сжалось.

— Вряд ли, — некромант усмехнулся. — Скорее решил, что из-за чувств к Рие я могу потерять голову и не добьюсь великой цели, которой так страстно жаждет семья.

И выдох, полный облегчения, вырвался против воли. Нарт был прав. Действительно прав. Отчиму от меня требовалось наследство, вот чем объясняется его безумная страсть, а ректор значит хотел убрать с дороги, решив, что наша помолвка с Дастелом настоящая. Нет, в душе я во все это не верила почему-то, но вот тот факт, что от меня потребовали определиться с решением утром, до появления короля и газетчиков, объяснял многое. Тьма, умоляю, пусть так и будет. Именно так.

— Риа, я прав? — тихо спросил Нарт.

И я кивнула. Мне и самой до безумия хотелось в это верить, в это, а не в страсть лорда Гаэр-аша. И как-то сами собой вырвались слова:

— Он сказал, что ты никогда не женишься на мне. Ни ты, ни Рик, у меня для этого слишком... грязная кровь. — И я произнесла это спокойно, с улыбкой.

Нарт и Эдвин переглянулись.

— Даже так, — очень недобро произнес Нарт.

— Ударил по самому больному, — зло сказал Эдвин.

— Не думаю. — Дастел улыбнулся. — Риалин менее всего хочет выходить замуж за кого бы то ни было, у нее совершенно иные планы на жизнь, да, малышка?

Отрицать я не стала.

— А засосы, это демонстрация его неземной страсти, или он пошел дальше и предложил тебе скоропалительный брак? — Норт поинтересовался невозмутимо, так, словно речь шла о предстоящем снегопаде или ином, малозначительном.

И лицо его оставалось бесстрастным, и взгляд, вот только Эдвин настолько хорошо собой не владел, и его рука совершила хватательное движение, словно воин сжал рукоять меча.

Это меня и насторожило.

— Нет, — решительно солгала я, и поднялась. — Норт, мне плохо, голова кружится и...

— Конечно-конечно.

Он тоже поднялся, обошел стол, подхватил меня и перенес на кровать. Там, устроив на подушках, спросил:

— Для твоего артефакта цепочку дать?

И тут я поняла, что совсем про себя забыла.

— Да, спасибо.

Цепочку принес Эдвин, я достала из рукава Эль-таим, вставила в оправу, замок зажимать не стала, камень не был настроен на меня, так что смысла нет, после демонстративно повернулась набок и сделала вид, что собираюсь спать.

— Она останется на ночь здесь? — уточнил Эдвин.

— Да, — с нажимом ответил Норт.

— А планы на утро?

Я насторожилась, но Дастел произнес:

— Утром будет видно. Не уверен, что восстановится, возможно, придется отнести к целителям.

— Нас рядом не будет, — напомнил воин о предстоящем завтра.

— Рик присмотрит, — голос Норты звучал ровно. — В коридор на дежурство поставлю парней с шестого курса.

— Я двоих на периметр, — решил Эдвин.

— Спи. — Норт погладил меня по волосам. — Гобби, ты в комнату.

И некроманты вернулись за стол, а мой зомби подошел, прикоснулся к моей руке, осторожно погладил.

— Все хорошо, — прошептала я, проваливаясь в сон.

Сквозь сон я слышала, как ушел Гобби, потом все ушли, и Норт лег спать рядом со мной, поверх одеяла и укрывшись пледом. Долго ворочался, в итоге обнял, уткнулся носом в мои

волосы и заснул. Потом открылось окно, Пауль прыгнул на кровать, потоптался по одеялу и устроился бдеть.

И вот тогда я действительно заснула, почему-то с улыбкой.

Глава шестая

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЙ ДЕНЬ

— Риа, — знакомый голос и осторожное прикосновение к моей щеке, — Риаллин, с днем рождения.

Отчетливо вспоминаю, что я в комнате Норта. И голос его, и рука, продолжающая поглаживать по лицу тоже. Но от мыслей о своем недостойном поведении меня отвлекает запах цветов. Сладкий, приятный, очень нежный.

— Риа, сокровище, просыпайся, — прошептал некромант.

И я открыла глаза. На полу перед кроватью высился огромный букет алых роз! И еще один маленький, из розовых зимних фиалок, оказался у меня на груди. Норт, уже полностью одетый, с собранными в хвост волосами, каким-то символом на мантии и сияющей улыбкой лежал рядом на боку и обнимал меня за талию.

— С днем рождения, моя красавица, — весело сказал он.

— Что? — хриплым со сна голосом, переспросила я.

— У тебя сегодня день рождения. — Норт смотрел на меня с такой теплой улыбкой, что на душе вмиг стало как-то светлее. — Твое семнадцатилетие, малышка. С днем рождения!

Он наклонился и поцеловал. Осторожно, едва-едва, чтобы, отстранившись, протянуть мне черную, перевитую серебром коробочку.

— Мой подарок, и уверен — ты не сможешь отказаться. Более того, ты будешь в восторге. Открывай.

Потрясенная тем, что он вообще узнал о дне моего рождения, и цветами, и даже подарком, я села на постели, поймав чуть не упавший букетик, и открыла коробочку.

Там, на черном бархате, лежал браслет, инкрустированный безумно редкими темными изумрудами.

— Под цвет твоих глаз, — сказал Норт, с улыбкой следя за выражением моего лица.

А я... Это был мой шоковый браслет. Тот самый, который я надела на Дастела, когда он восстанавливал Культяпку, и тот, который некромант никак не хотел мне возвращать, несмотря на все мои просьбы, и вот оказывается почему...

— Согласись, от любого другого украшения ты бы отказалась, а так браслет твой и уверен — будешь носить.

У меня не было слов.

— Работу выполнял артефактор, — начал объяснять Норт, — сплав — золото и медь, так что

проводник достойный, и браслет своих свойств не потерял. Нравится?

Я осторожно извлекла браслет, защелкнула на правом запястье, повернулась к парню и прошептала:

— Спасибо.

Он улыбнулся гораздо шире, явно довольный моей реакцией.

— Но... — я поверить не могла в происходящее, — но как ты узнал?

— Я знаю о тебе все, — спокойно, без показного превосходства или намека на что-либо, ответил Дастел. Сообщил просто как данность. — А сейчас поднимайся и умывайся, у нас большие планы на утро.

И он поддержал меня за локоть, пока сползала с постели. Зато едва ноги коснулись пола, я вскрикнула — лепестки роз здесь были повсюду! Вокруг кровати, дорожкой до двери, и вокруг стола. А на столе стоял торт! Большой, шоколадный, украшенный сверкающим карамельным бисером. И высокие бокалы. И игристое вино. И почему-то котелок с супом. И конфеты!

— Давай в душ. — Норт, пока я потрясенно на все смотрела, успел обойти кровать, подойти ко мне сзади и теперь осторожно подталкивал в сторону ванной. — Скоренько, времени и вправду немного, а тебе еще одеваться.

Я дошла, передо мной распахнули дверь, а едва я застыла от удивления, взяли за талию, внесли и напомнили:

— Время.

— Норт... это... это...

— Ага, расскажешь, когда выйдешь, — хмыкнул он и закрыл дверь, оставляя меня наедине с чудом.

Небольшая ванна, наполненная водой и лепестками роз. И на бортике мыло с моим именем — «Риа», и от воды аромат такой, что сразу становится ясно — ароматическое масло. И рядом сложенная стопка из нескольких полотенец, которые тоже явно для меня — Норт бордовые не использует.

— У тебя двадцать минут, — раздалось из-за двери.

Раздевшись, я забралась в ванну и искренне пожалела, что не два часа. А потом время потеряло свое значение, как и все переживания двух прошлых дней. Не знаю, что с этой водой было не так, но настроение начало стремительно улучшаться, а ощущение нереальности и сказочности происходящего только усиливалось.

— Малышка, пять минут, — напомнил Норт.

Выбираясь из воды, я почувствовала себя на удивление хорошо. Ни усталости, ни слабости, ни горечи, которая была со мной ночью, не осталось. Завернувшись в полотенце, стоя перед зеркалом и вытирая волосы, я улыбалась. Смотрела на себя и просто улыбалась. А еще взгляд волей-неволей постоянно останавливался на браслете.

— Риаллин, давай выходи, — позвал Норт.

Вышла и опять застыла. В который раз за это утро. Потому на дверце шкафа висело платье. Черное, некромантское, с черным кружевом платье.

— Нравится? — Дастел взял за руку и вывел из ванной.

У меня снова не было слов.

— Рад, что успели с доставкой, — просветил меня Норт. — Оденешься сама, или помочь?

Перевожу все такой же потрясенный взгляд на некроманта.

— Риа, — он осторожно прикоснулся к моей щеке, — прекращай удивляться, сегодня просто твой день и все для тебя. И учти — другого платья нет.

Но глядя на то, как я продолжаю стоять в оцепенении, улыбнулся и сказал:

— Одевайся быстрее. Я подожду за дверью.

После чего развернулся и вышел.

А я стояла и чуть не плакала, настолько оказалась тронута его заботой. И подарком, и тем, что готовился не один день. Потом подошла, сняла платье с вешалки, положила на постель и только тогда увидела, что на постели остальные детали туалета, и туфельки новые тоже. И плюнув на гордость, надела свой подарок. Все-все, и даже черные чулки, гораздо более кружевные, чем полагалось.

Норт сначала постучал в дверь и только после моего ответа вошел.

Я же стояла и с замиранием сердца смотрела на себя в зеркало. Черное бархатное платье обнимало тело от груди и до середины бедра, чтобы ниже разойтись к полу. Шею, плечи и руки, скрывало лишь черное кружево, расшитое мельчайшими капельками темно-зеленых искрящихся камней. Каблук оказался значительно выше, чем я привыкла носить, и потому я вдруг ощутила себя неожиданно высокой и стройной.

— Да, с платьем это я, конечно, сглупил, — глухо произнес Норт. И выдохнул: — Ты красавица.

Я и сама себя такой чувствовала.

— Волосы распusti, — посоветовал некромант.

Без возражений перекинула еще влажную косу наперед, начала расплетать. А Норт стоял в дверях, засунув руки в карманы брюк и молча смотрел. С таким искренним восхищением, что я невольно покраснела.

— Правда, очень красивая, — улыбнулся он. — Особенно когда смущаешься.

Покачав головой, я укоризненно сказала:

— Норт, это слишком щедрый подарок.

— Да-да, мы с Эдвином и Даном тоже так думаем по поводу Эль-гаима, но гордый отказ скорее огорчил бы тебя, чем обрадовал, не так ли?

Я была вынуждена согласно кивнуть.

— Вот и нам не мешай делать тебе приятное, — мягко попросил он.

И распахнул дверь.

Первым вошел медведь! Огромный белый плюшевый медведь! Настолько большой, что едва вместился в проем. И у него на шее был бант, темно-фиолетовый, а в лапах коробка конфет, тоже огромная, а следом вошел держащий этого монстра Эдвин, с букетом алых роз в другой руке, примерно таким же внушительным, как и игрушка.

— С днем рождения, красавица! — с широкой улыбкой поздравил меня воин.

Едва сдерживая слезы, я бросилась к Эдвину, и попала в крепкие объятия, под шум грохнувшегося медведя. Но это было еще не все. Кто-то вырвал меня у воина, тоже сжал так, что не вздохнуть, сказал: «С днем рождения, сокровище ты наше», и потом Дан вручил букет, который я едва могла удержать, и духи, чей приятный аромат перебил запах цветов.

— Свой букет не дам, — как-то смущенно сказал Эдвин, — ты его не удержишь.

А потом вошел Гобби в строгом костюме, а не в моем старом спортивном. Также с букетом, а еще с книгой, на которой его почерком было написано «Дневник для всего хорошего». Передав духи и цветы Норту, взяла подарок, открыла и прочла: «В твоей жизни было так много плохого, давай ты его забудешь и сюда будешь записывать только хорошее, чтобы запоминалось исключительно оно». Невольно пролистнула пустые разлинованные страницы, с благодарностью улыбнулась мертвию.

И вот тогда появился Пауль!

Две пары тончайших перчаток из черной шелковой нити были торжественно мне протянуты.

Ахнув, я присела, взяла подарок и растроганно выдохнула:

— Спасибо...

— Иии! — заявил Пауль.

— А теперь все за стол, — скомандовал Норт. — У нас времени катастрофически мало.

Сесть не сажались — места бы всем не хватило. Норт виртуозно открыл вино, разлил по четырем бокалам, а в два оставшихся налил ночной суп. Эти бокалы достались умертвиям, остальные разобрали парни, мой Дастел протянул мне лично.

И первым сказал тост:

— За тебя, Риаллин. — Он смотрел мне в глаза и как-то загадочно улыбался. — За девушку, что ворвалась в мою жизнь и сделала ее лучше. За твое благородство, искренность, способность давать, ничего не требуя взамен, и решимость отстаивать себя до конца, сохраняя верность принципам и идеалам. За твою красоту, ту, внутреннюю, что восхищает, и эту, внешнюю, что заставляет затаить дыхание, едва ты искренне улыбнешься.

— За тебя, наше сокровище! — Эдвин отсалютовал бокалом. — За самую восхитительную девушку в Некросе.

— За тебя, малышка! — Дан тоже приподнял бокал. — Норт сказал правду — от твоей улыбки замирает сердце, и я желаю, чтобы ты улыбалась чаще, а слезы в твоих глазках блестели вот

только как сейчас — от радости.

Я действительно чуть не плакала, это было так трогательно, так волшебно и так... невероятно, что даже стоя с бокалом вина, я все еще не могла поверить в происходящее.

— Ыыы! — сказал Гобби, присоединяясь к поздравлениям.

— Иии! — добавил Пауль.

И мы выпили, парни и нежить до дна, я всего несколько глотков. Потом меня усадили есть торт и конфеты, некроманты поцеловали в щеку на прощание и торопливо ушли. Правда, Норт, выходя, обернулся, взглянул на меня, довольную и с тортом, улыбнулся и посоветовал:

— Без мантии из этой комнаты не выходи. Платье отличное, но ты в нем слишком красивая.

И он тоже ушел, а я осталась, и цветы, и подарки, и духи, и невероятное, волшебное ощущение счастья. И торт был сказочный, нежный, шоколадный, со сливочным кремом и весь мой. Весь-весь, Гобби и Пауль от угощения отказались, и Гобби налил им еще супа из котелка.

А потом мертвые указало на мой браслет, отчетливо видимый через тонкое кружево рукава.

— Да, Норт вернул, сделав его подарком. — Я улыбнулась и прикоснулась к камням.

Гобби сходил в угол, там, где был шкаф с письменными принадлежностями, вернулся и написал: «Норт изменился».

Я кивнула.

«Повзрослел, — приписал зомби. А потом добавил: — Где ты была ночью?»

Настроение стремительно ринулось вниз. И дело не в ночи, дело в том, что мне сейчас следовало пойти и сказать ректору свой ответ. Естественно отрицательный.

— Иии? — встревоженно спросил Пауль.

А потом я вспомнила, что паучок в кабинет ректора входил спокойно и значит.

— Пауль, ты сможешь отнести записку лорду Гаэр-ашу?

— И, — согласился он.

Я встала, взяла перо и лист бумаги, отодвинула тарелку с недоеденным кусочком торта, на мгновение задумалась, а после решительно написала:

«Уважаемый лорд Гаэр-аш, ваше предложение весьма лестно для меня, особенно учитывая мое низкое происхождение, и я понимаю, как непросто вам было принять решение и снизить до той, кто не равен вам ни по силе, ни по положению, ни по состоянию. Но внимательно все обдумав, я пришла к выводу, что ваше предложение в настоящий момент не соответствует моим жизненным планам и ожиданиям, а так же идет вразрез с моим намерением никогда не связывать себя узами брака. На основании вышеизложенного, я вынуждена ответить отказом на ваше в высшей степени лестное предложение.

С уважением, Риаллин кен Эриар».

Когда я закончила, на лицах Гобби и Пауля воцарилось потрясенно-удивленное выражение. У паучка и вовсе челюсть отвисла.

— Ошибок нет? — спросила у Гобби.

Умертвие отрицательно покачало головой.

— Пауль, отнеси, пожалуйста, — попросила я, сворачивая послание.

Исполнительный зомби осторожно взял и молнией метнулся к дверям, Гобби подошел, предупредительно открыл, повернулся ко мне и указал на одежду.

— Да, принеси мантию, пожалуйста, — попросила я.

Кивнув, он вышел, оставляя меня с тортом. Впрочем, есть уже не хотелось, я села на кровать, взяла подарок Дана, разорвала упаковку и, открыв духи, оставила по капельке на запястьях и за ушами, вдыхая потрясающий аромат. Мои вторые духи в жизни, первые подарил дядя Тадор...

И тут я словно воочию увидела строку в книге: «Эйш аггаран нуба», строку, которую я перевела как кровь влияющая. А потом вновь прокрутила в воспоминаниях тот случай с волчонком и... внезапно поняла — это было не просто влиянием! Привлечением, очарованием, притяжением, то есть все гораздо сложнее!

Нет, здесь что-то не так!

С моей кровью, с тем ритуалом, который я идентифицировала с собой. Не то! Я ошиблась! Я, а не Тадор, потому что Тадор был более чем доволен эффектом. Как я не поняла этого вчера? Вчера, когда была возможность прочесть и найти ответ. Зря поддалась эмоциям, очень зря. Я становлюсь как все некроманты — слишком эмоциональной, а это неправильно. Расчет, холодная логика — вот что отличает артефакторов, вот что требовалось мне вчера.

— Тьма! — ругательство глухо прозвучало в пустой комнате.

И я, притянув к себе коробку конфет от Эдвина, открыла ее, достала первую конфету, но не успела развернуть, как в двери постучали.

— Входи, Гобби, — расстроено сказала я.

Дверь открылась, и вошел Рик. С цветами и моим старым плащом. Остановился на пороге, потрясенно разглядывая, и выдохнул:

— Какая же ты красивая!

Он вошел, вручил мне букет, наклонился, поцеловал и прошептал:

— С днем рождения, моя красавица.

И взяв мою левую ладонь, осторожно одел на указательный палец тонкий серебряный ободок с ярким изумрудом в обрамлении золотых лепестков.

— Рик, — выдохнула я.

— Хотел бы одеть на безымянный пальчик, но придется подождать до Мертвых игр.

Это было смелое заявление, и я не смогла промолчать. Прямо взглянув в глаза Рика, тихо спросила;

— Кольцо помолвочное?

— Да, — спокойно ответил Рик.

Сердце сжалось. Я не хотела терять Рика, но и играть в эти игры не хотела тоже. Бросила взгляд на кольцо, затем посмотрела на некроманта и прямо сказала:

— Я знаю, что ты никогда не женишься на мне, потому что клан не позволит. И о том, что Норт тебе угрожал, тоже знаю. — Рик зло сузил глаза, однако ничего не сказал. Я же продолжила: — Но мне все равно, правда. Я очень благодарна за то, что ты рядом со мной, и за то, что ты такой, какой есть. Мне тепло рядом с тобой и спокойно, брака и обязательств я не требую.

И попыталась снять кольцо, но парень остановил, перехватив мою руку.

— Все сказала? — спросил спокойно.

И, не дожидаясь моего ответа, произнес.

— Ты — самое светлое, что случилось в моей жизни, терять тебя я не намерен. А что касается клана — они не выполнили свои обязательства передо мной, глупо было бы со стороны глав Домов ожидать, что я поступлю соответственно традициям. Нет, клан не получит ни меня, ни моего состояния. Никогда. По поводу Норты, — ненависть отчетливо промелькнула в светлых серых глазах. — Он пригрозил, что убьет, если я прикоснусь к тебе, я пригрозил ему тем же.

Неодобрительно покачав головой, я прошептала:

— У тебя ведь было много девушек, Рик.

— Много, — он не отвел взгляда, смотрел прямо. — Мне всегда хотелось избавиться от одиночества, вот я и искал тепла, хотя бы так. Оправдываться не буду, извини, я все же некромант. Но что-то большее, чем желание, я ощущаю только рядом с тобой. А что касается Дастела — он поступил в Некрос по протекции, с минимальным уровнем дара, и все же сумел стать лучшим. Я не хуже, и у меня теперь есть стимул.

Я посмотрела на его бледное лицо, сжатые губы, серые, светлые, как зимнее небо, глаза, и подумала, что, возможно, когда-нибудь, после окончания Некроса, у меня может появиться семья. Гобби уйдет, и останемся я, Рик, Пауль и Салли. И будущее вдруг перестало казаться таким мрачным, а проблемы — столь непреодолимыми. Потом вспомнилось утро, Норт и его поздравление, Эдвин, Дан, настоящее чудо, о кагором я не смела даже мечтать. И поняла, что мне будет не хватать их, но это жизнь, до конца учебного курса меньше полугода, парни закончат Некрос, станут настоящими боевыми некромантами, Норт начнет завоевание трона, к которому так стремится. Немного грустно, что в мое восемнадцатилетие их не будет рядом, зато будет Рик, и я не останусь одна.

И единственное, что продолжало быть проблемой — лорд Гаэр-аш, но если вспомнить его вчерашние слова и сказанное Нортом, становится ясно — уйдет Дастел, покинет Некрос и ректор. А значит, Рик прав. Главное — дотерпеть до конца года.

Осторожно стянув кольцо с пальца, я сжала его в ладони и тихо сказала:

— После Мертвых игр я буду носить его с гордостью, и мой ответ — да.

— Так боишься за меня? — улыбнулся Рик.

— Очень, — не стала лгать я.

Дверь открылась без стука — вошел Гобби, с рюкзаком и моей запасной, ни разу не надеванной мантией.

— Да, точно, забыл сказать, — Рик встал и потянул меня за собой, — мы твою мантию нигде не нашли.

Мне отчетливо вспомнилось, где осталась лежать моя мантия вчера ночью, но одно я поняла точно — ни за ней, ни за книгой я не вернусь. Потерплю до весны, на каникулах все равно придется к отчиму ехать, а оттуда до убежища в скале, где сохранилась вся библиотека дяди Тадора, не так уж далеко.

— Идем на лекции, — решила я, надевая мантию.

И мое платье было полностью скрыто под толстой тканью, но осознание, что я сегодня очень красивая, осталось. Потом Рик помог надеть плащ, забрал у Гобби мой портфель, и мы покинули комнату Норта.

Чтобы быть остановленными двумя некромантами.

Оба парня оказались высокими, чуть более мускулистыми, чем полагалось некромантам, темноволосыми, черноглазыми, как большинство здесь, но их лица казались мне знакомыми.

— Аргус, — представился первый, и я узнала хозяина горгуля, одного из фаворитов Мертвых игр, которого тогда вытащила с поля боя Яда.

— Найхед, — назвал свое имя второй, владелец змеелюда Хаш-ара, которого тоже Яда спасла.

То есть это были будущие победители Мертвых игр. Те, кого пощадил Норт, чтобы в следующем году они выиграли.

— Сегодня мы отвечаем за твою безопасность, — сообщил Аргус. — Правила таковы — учебный корпус не покидать. У меня в команде четырнадцать человек, контролировать будем постоянно, но до окончания лекций следовать правилу. Вопросы?

Оправившись от удивления, я прямо спросила:

— Зачем все это?

— Приказ Норта, — спокойно сообщил Найхед. — И да — с днем рождения, Риа.

— С днем рождения, — повторил и Аргус.

— Спасибо, — нервно поблагодарила я, находясь вовсе не в восторге от этой затеи.

Но, как показали дальнейшие события, совершенно напрасно.

Мы с Риком едва вышли из дверей мужского общежития, как увидели высокую сухопарую женщину, стоящую рядом с Унной Вейлар, девушкой из моей прежней группы, которая вовсе

не питала ко мне добрых чувств никогда.

До этого момента!

— Риа! — радостно закричала адептка. — Риа, как же я счастлива тебя видеть!

И она бросилась ко мне через весь двор, раскинув руки для объятий. Остолбенев от удивления, я заметила, что та самая женщина, помчалась за ней следом, торопливо записывая что-то в блокнот и...

И дальше события начали развиваться стремительно:

1. Кто-то метнулся из-за моей спины наперерез Унне, подхватил ее, смачно с чавкающим звуком поцеловал, и раздалось иронично-издевательское: «Да, крошка, я тоже так рад тебя видеть».
2. Второй некромант заступил дорогу высокой женщине и проникновенно поинтересовался: «А вы не хотели бы взять интервью у меня? Знаете, у меня такая богатая и насыщенная личная жизнь, у-у-у, закачаетесь. А сколько пикантных подробностей...»
3. Стоящий позади меня Аргус тихо скомандовал: «А теперь быстренько в учебный корпус и ни с кем не разговаривать по дороге».

И мы пошли. Очень быстро по дорожке, на которой оказалось подозрительно много адептов шестого курса боевого факультета. И со всех сторон слышалось:

— С днем рождения, Риа.

А я кивала, отвечала: «спасибо» совершенно незнакомым мне адептам и чувствовала себя так, словно нахожусь в каком-то странном сне.

Но когда мы подошли к учебному корпусу, я искренне пожалела, что все это не сон.

— Риа Каро! — раздался чей-то неприятный крик. И не дожидаясь, пока мы подойдем или даже пока просто увидим его, мужчина заорал: — Убийство дознавателя Нардаша, вы присутствовали?! Норт Дастел совершил убийство из ревности? Вы были соучастницей преступления?!

Я споткнулась и едва не упала, но Аргус, внезапно оказавшийся рядом, поддержал, после развернул к себе и спросил:

— Идешь дальше или вернуть в комнату Норта? Учти, эти будут задавать самые грязные вопросы, не потому что так считают, а чтобы выпуск в газете был поскандальнее.

— В корпусе их много? — спросил Рик.

— Нет никого, приказ ректора, — не отпуская меня и продолжая смотреть мне в глаза, ответил некромант, — но что-то мне уже не нравится. Давай вернемся?

Вопрос был адресован мне, а я менее всего была настроена просидеть два дня у Норта.

— Все в порядке, — заверила я, — и так вчера пары пропустила.

Некромант глянул на меня, смерил расстояние до учебного корпуса, после резко обнажил свое

запястье и прикоснулся к находящемуся там темно-синему браслету. Что-то прошептал.

И почти сразу яркое зимнее солнце что-то заслонило. Послышались крики, кто-то заорал: «Стража», а Аргус, схватив меня за плечи, торопливо повел к корпусу. И хорошо, что он вел, потому что я, как и все, смотрела на парящего над крышами горгуля, раскинувшего огромные серо-каменные крылья.

— Это твой? — поднимаясь по ступеням, спросила у адепта.

— Да, — не скрывая гордости, ответил Аргус. — Не такой хитрый, как твой Гобби, — на меня насмешливо взглянули, — но сильный, надежный, преданный.

— Гобби хороший, — решила я.

— Слабый, — хмыкнул некромант.

— Зато побеждать умеет, — решила я отстоять честь своего умертвия.

Аргус ничего не сказал, он в этот момент открывал двери, в то время как двое шестикурсников стояли, загораживая меня от невысокого мужчины, и вопрошали с самым невозмутимым видом:

— А как вас зовут?

— А где вы живете?

— Да пустите же! — вопил газетчик. — Я буду жаловаться королю!

— А какое ваше любимое блюдо? — продолжали измываться парни.

— А сколько у вас любовниц?

Зато в учебном корпусе было тихо. Только адепты, преподаватели и никого больше. А жаль, потому что теперь все смотрели на меня. Но вопросов не задавал никто. Рик молча взял за руку, и мы пошли на четвертый этаж, первой была лекция Керона.

Аргус больше не сопровождал, так что вздохнули свободнее, порадовало еще и то, что в группе никто не полез с вопросами. Мы молча прошли на свое место, сели, я начала доставать учебник и тетради, и тут открылось окно!

— Риа Каро, — раздался оттуда сдавленный запыхавшийся голос, — правда ли, что отступник был убит Нортон Дастелом из ревности? Где вы находились в момент битвы? Как...

Распахнулась дверь, стремительно вошел один из шестикурстников. Взмах рукой, и газетчика, забравшегося на четвертый этаж, снесло в снег. А адепт преспокойно закрыл окно, после прикрыл глаза, раскинул руки, и на всех четырех окнах аудитории замерцало призрачное зеленоватое сияние.

— Риюш, я за дверью, — сказал мне совершенно незнакомый некромант. — Если что, зови.

Развернулся и вышел, едва не столкнувшись в дверях с профессором Кероном. Тот, пропустив адепта, скривился, глянул на меня и язвительно протянул:

— «Риюююшш».

Затем прошел к своему столу, хромя заметно больше обычного, швырнул папку с лекциями, оглядел весь класс своим жутким глазом и прорычал:

— Каро, к доске!

Нехотя поднялась, сняла плащ, который на входе снять так и не успела, накинула на спинку стула и поспешила к профессору.

Керон сегодня вел себя странно, едва я подошла, подхватил за локоток, подвел ближе к доске и взмахнул рукой. В тот же миг серебристая сеть окружила нас, мерцая и отрезая все звуки.

— Так, ну-ка шустренько рассказала мне, каким макаром Норт со товарищи завалили отступника, а?!

Широко распахнув глаза, потрясенно смотрю на профессора.

— И что ты тут мне глазки строишь? — взревел Керон. — Как все было?

Я постаралась дословно вспомнить официальную версию, которую рассказывал дознавателям Норт, и протараторила:

— Мы были в таверне, ужинали. Внезапно показался отступник в окне. Норт снес его волной, окно открылось. Отступник влетел и начался бой. Все были пьяные, Норт снес стену с отступником, больше ничего не видела.

Серебристая сеть исчезла, Керон сел на свое место, пристально глядя на меня. После медленно, устало как-то произнес:

— Ты в курсе, что вообще такое отступник, Каро?

Неуверенно кивнула. Нас теперь слышали все в аудитории и слушали, затаив дыхание.

— По моим данным, — продолжил Керон, — Норт отвлек внимание отступника на себя, Эдвин ударом снес ему голову. Так было?

Кивнула снова, на этот раз увереннее.

— Еще один странный момент, — профессор прожигал меня взглядом, — все трое, Дастел, Харн и Шейд, сражались почему-то одной рукой. И даже Харн, несмотря на наличие у него двуручного меча, удар наносил, держа оружие одной рукой.

А я все гадала, куда они засунули артефакты. Оказывается — держали.

— Я не знаю, профессор, — ложь прозвучала уверенно.

Он покивал и неожиданно сказал:

— С днем рождения, кстати.

— Спасибо, — с нескрываемой настороженностью сказала я. — А вы откуда...

Керон вытаращил на меня свой жуткий глаз, хмыкнул и произнес:

— Все знают.

С искренним удивлением посмотрела на профессора, тот, тяжело вздохнув, сообщил:

— В административном корпусе стенд с биографиями участников Мертвых игр закрывает сверкающий плакат с надписью «С днем рождения, Риа!».

Стою, потрясенная услышанным.

— Да, ректор постарался, — продолжил профессор Керон. — Умный ход — прикрыл все ваши биографии разом и внимание от Норта отвлек.

Надеюсь, моя бледность осталась незамеченной окружающими, а вот лично я почувствовала отчетливо, как кровь от лица отхлынула.

— У вас еще есть ко мне вопросы? — холодно спросила я.

Профессор отрицательно мотнул головой и указал мне на место.

На негнущихся ногах вернулась к нашей с Риком парте, села, вздрогнула, едва некромант коснулся моей ладони, вспомнила свое послание лорду Гаэр-ашу... Ощущение чего-то неотвратимого и ужасного внезапно прочно поселилось в моей душе.

Керон поднялся, подошел к доске и начал, попутно проклиная всех и вся, писать тему «Ритуал Ксатара». Все тут же заскрипели перьями, и только я сидела с потерянным видом, глядя в пустоту.

Стук в дверь нарушил течение лекции, а затем, в ответ на удивленное от Керона «войдите», дверь распахнулась и в аудиторию вошел ректор.

Лорд Гаэр-аш остановился, мрачно оглядел потемневшими серыми глазами всех присутствующих и приказал:

— Адептка Каро, на выход.

Мне захотелось умереть. Здесь и сейчас, не вставая с места. Или позвать на помощь хоть кого-нибудь. Тьма, я была готова рассказать все Норту, все полностью, и спрятаться за его широкой спиной. Но Дастела здесь не было, а позволить кому-либо иному узнать обо всем я не могла. Стыдно. Действительно стыдно.

Медленно положив перо на тетрадь, я поднялась и, слыша стук собственного сердца сильнее, чем стук каблучков по полу, направилась к ректору.

— Риа! — не знаю, что понял или заподозрил Рик, но он вскочил.

И был остановлен холодным:

— На место!

Наверное, именно в этот момент все начали что-то подозревать, и я услышала шепотки за спиной, нервный кашель Керона, вопрос, который тот попытался задать и осекся. А сердце стучало все быстрее и быстрее, и я уже больше ничего не слышала, кроме его грохота...

Не поднимая взгляда от пола, прошла мимо ректора, вышла в коридор.

Следом вышел Гаэр-аш. Не знаю, смотрел ли он на меня, я все так же не отрывала глаз от

пола, но холодок по спине прошелся, словно кто-то злым взглядом одарил.

— Вперед, к стене, — скомандовал глава Некроса.

Хотелось кричать. Просто кричать, звать на помощь, заявить, что я никуда с ним не пойду, что я все уже сказала, что...

В коридоре слышались голоса, показались трое приближающихся адептов, и мне стало стыдно предпринимать какие-либо действия. Молча прошла до стены, молча шагнула в вены Некроса, едва ректор открыл проход.

Вздрогнула, когда проход за нами закрылся, погружая в сумрак магии смерти... и поняла, что кричать и сопротивляться следовало раньше, до того, как мы остались одни. И что нужно было сказать все Нурту, сказать, а не умалчивать очередной постыдный эпизод в моей жизни. И пусть было бы мучительно больно рассказывать о подобном, но Норт бы понял, а теперь...

— Я взбешен, — с трудом сдерживая ярость, проговорил лорд Гаэр-аш, вплотную приблизившись ко мне со спины.

Тьма, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста...

Меня сотрясала дрожь, внутри было больно, пусто и холодно, слез не было, только страх. Безумный панический страх. И... я сама виновата. Хотелось быть гордой и ни от кого не зависеть? Глупо! Очень глупо и самонадеянно. И страшно так, что хочется сжаться в комок и завить...

— Еще пять шагов, — произнес ректор. — Или мне взять вас на руки?

Мгновенно сорвалась с места, в секунду преодолев эти проклятые пять шагов, и, лишь пройдя сквозь призрачную преграду перехода, поняла, что лучше бы я оставалась на месте.

Это оказалась спальня.

Внушительная, оформленная в темных тонах, явно мужская спальня.

Я споткнулась о ковер и остановилась на входе, меня взяли за плечи и достаточно бесцеремонно подняли, чтобы, пронеся пару шагов, отпустить и прошептать над ухом:

— Можете снять мантию, Риаллин, платьем я займусь сам.

Сделать следующий вдох я не смогла. Попыталась, открыла рот и... не смогла. Все тело била крупная дрожь, руки дрожали так, что даже попытайся я сейчас развязать завязки — не сумела бы.

Но когда из-за моей спины, — ректор все так же занимал пугающее положение сзади, — на кушетку у окна полетел снятый им мундир, дыхание вернулось вмиг. Я развернулась и отшатнулась в ужасе, увидев, что Гаэр-аш расстегивает рубашку. Молча, решительно, зло.

Пошатнувшись, я сжала кулаки, постаралась взять себя в руки и выдохнула:

— Что... вы... делаете?

Черная бровь насмешливо изогнулась, после ректор усмехнулся, расстегнул оставшиеся три пуговицы и, только приступив к снятию запонок, поинтересовался:

— Вам известно, что такое семья, Риаллин?

Я с трудом удержала слезы. «Вам известно, что такое семья, Риаллин?» — отличный вопрос, особенно если учесть, что его задают сироте.

— Не в этом смысле, — заметив мою реакцию, произнес ректор, срывая запонки и отшвыривая их не глядя. — Я имею в виду не родителей, Риа, а род! Род, объединенный кровью, общностью идей, целью.

И лорд Гаэр-аш прекратил раздеваться, нависнув надо мной. Испуганно отступила, но это лишь вызвало жесткую усмешку, скользнувшую по губам некроманта.

— Род, — продолжил он, пристально изучая мое лицо, — готовый на все, чтобы достичь цели, это почти полсотни сильных, наделенных высоким уровнем дара магов, которые в надвигающейся схватке поставили на Норта. И ставки высоки!

О чем он? Я отступила еще на шаг, чувствуя, как все сильнее кружится голова и неистовее бьется сердце, и не понимая, совершенно не понимая, о чем говорит ректор!

— Вижу, у вас дрожат руки, — без тени сочувствия произнес Гаэр-аш, — понимаю, в первый раз страшно.

Я содрогнулась от его тона и вздрогнула повторно, едва увидела взгляд — холодный, полный мрачной решимости. Мне уже был знаком подобный взгляд... я знала и то, что произойдет дальше. Даже то, что он сейчас скажет:

— Кричать бесполезно, Риаллин, вас никто не услышит.

А может, мне и не стоит сопротивляться?.. Просто сцепить зубы и вытерпеть все до конца... Не плакать, не просить и гордо позволить втоптать себя в грязь? Я ведь отчетливо знаю, что сейчас он заявит про то, что мне даже понравится...

— Не кричишь, умничка, — два шага, и я оказалась практически прижата к полуобнаженному торсу главы Некроса. — Ты очень красивая, — продолжил он, касаясь моего лица, а затем медленно ведя пальцами по его контуру, — и очень юная. Я не особо помню, каково это быть с невинной девушкой, но сделаю все, чтобы тебе понравилось.

С огромным трудом я сдержала судорожное рыдание. Не буду плакать. Не буду и все! И просить не буду тоже, с меня хватит. А потому, единственный вопрос, который я задала склоняющемуся к моим губам лорду Гаэр-рашу:

— После этого вы оставите меня в покое?

Ректор выпрямился, неприязненно глянул на меня с высоты своего роста и холодно произнес:

— Нет.

— Одного раза вам будет мало, — с горечью догадалась я.

Глава Некроса усмехнулся, окончательно снял с себя рубашку, потянулся к завязкам моей мантии, и тихо сказал:

— Глупая маленькая Риаллин, мне не только одного раза, мне всей жизни с тобой будет до обидного мало.

И прекратив возиться с завязками, лорд Гаэр-аш вдруг сжал меня в сильных, крепких, болезненных объятиях, и сквозь нарастающий шум биения его мощного сердца я услышала тихое:

— Твое послание меня не впечатлило.

С тихим шорохом моя мантия упала к ногам.

В следующее мгновение некромант отстранился, окинул меня задумчивым взглядом и хотел было что-то сказать, но не стал. Лишь вновь прикоснулся к лицу, к волосам, длинные пальцы скользнули к застежкам платья.

Мне почему-то вспомнилось, как смотрел на меня Норт.

И в душе проснулась злость. Именно злость. Да, ректор при желании может подвести меня к эшафоту, он знает достаточно, чтобы сдать дознавателям. Да, ректор подобного не простит, и я потеряю все, снова. Да, о возвращении в дом отчима страшно подумать, но кто сказал, что я должна возвращаться? В конце концов, у меня есть тайник дяди Тадора, есть Пауль и Гобби...

Гобби! Чувство вины резануло по сердцу, но в то же время — если сейчас сдамся, что от меня останется? Ничего. Меня самой не останется. Желания жить не останется. Чувства гордости за себя больше тоже не будет.

Я не хочу сдаваться. Не хочу и не буду. Плевать, что он один из сильнейших некромантов нашего королевства. Плевать, что ректор. Сумею отстоять себя — у меня будет шанс. А у проигравших шансов нет, мне ли этого не знать.

И когда ладонь ректора осторожно прикоснулась к моей груди, я закрыла глаза и потянулась к перчатке на левой руке, надеясь, что артефактор, нанятый Нортом, действительно не подведет.

— Я сам все сниму, — тихий шепот, обнаженная мускулистая рука, скользнувшая по моему запястью.

Я, приоткрыв глаза, пронаблюдала за тем, как его пальцы приближаются к браслету... все ближе и ближе... Ободок, ощущая опасность, нагрелся и нагрелся значительно сильнее, чем раньше.

Еще чуть-чуть... рука скользит по кружеву рукава, оттягивая перчатку вниз...

И они встретились!

Судорожное сжатие пальцев, прикоснувшихся к браслету, хрип испытывавшего боль и онемение ректора, и сдавленное:

— Риа?!

Я не пошевелилась. Знала, что сейчас он испытывает не самые приятные ощущения, но даже не попыталась отдернуть руку. А затем, вскинув подбородок, прямо взглянула в сузившиеся от боли глаза лорда Гаэр-аша и не сдержалась.

— Артефакт ИнСаара, — проговорила, чеканя каждое слово. — Мне было двенадцать лет, я боялась вернуться домой, четко зная, что отчим опять будет приставать, говоря в свое оправдание примерно все те же фразы, что только что произнесли вы. И заверяя, что мне

непременно понравится, как пытались заверить вы!

Гаэр-аш сжал челюсти, по лицу его прошла судорога боли, но мне почему-то вообще не было жаль его. Нет, я продолжила:

— Я пришла в библиотеку академии в полдень, нам, школьникам, позволялось брать книги из некоторых отделов, а после, забившись под стол, без движения просидела более девяти часов. Но оно того стоило — в полночь я смогла добраться до книг из закрытого для посетителей зала. До утра найти нужную информацию, на другой день, опять-таки дождавшись полудня, именно в это время трое из четырех библиотекарей уходили на обед, покинуть библиотеку незамеченной. И когда я вернулась домой, ведь мы обязаны были на каникулах покидать школу, я, пожалуй, впервые в жизни, не боялась приближения ночи.

Ректор издал какой-то хрип, и я, сжавшись, отдернула руку. Затем нагнулась, подняла мантию, отошла на несколько шагов. Следовало бы уйти, но я точно знала, что после такой дозы ИнСаара лорд Гаэр-аш не сможет двигаться еще несколько минут. С другой стороны, удивляло, что он все еще стоял на ногах, впрочем, возможно, просто магия браслета была немного нарушена, в конце концов, я сделала все, чтобы в простеньком ободке никто не смог распознать довольно сильный артефакт.

— Мне очень жаль, что так случилось, — продолжила, взглянув на не сводящего с меня взгляда ректора, — и я понимаю, что вы мне этого никогда не простите, но, видимо, это та цена, которую мне придется заплатить за то, чтобы меня в очередной раз не втоптали в грязь. Надеюсь, у вас хватит благородства, чтобы не сдавать меня дознавателям сию минуту. Впрочем, — я не сдержала горькую улыбку, — сомневаюсь, что кто-либо ринется сейчас в мертвый лес, а другого пути сбежать из Некроса не существует. Прощайте, лорд Гаэр-аш, полагаю, вашу гордость утешит тот факт, что вы сломали мне жизнь.

Я сказала то, что чувствовала, но ни горечи, ни отчаяния не ощущала — не ко времени отчаиваться. Мой мозг работал быстро, выстраивая план побега из Академии некромантии — добежать до женского общежития, забрать Гобби и Пауля, из общежития открыть путь в вены Некроса, а оттуда в лес, через тот выход, который прошлый раз Норт использовал. Я даже примерное направление просчитала — по тропинке к таверне, которая когда-то была родовым домом, ведь таверны только на торговых путях располагаются. Дальше достаточно пристать к торговому обозу и покинуть обширную территорию мертвого леса.

Тревожили два момента — денег не было совершенно, и у меня сейчас нулевой уровень магии, так что я не смогу изготовить артефакт, скрывающий мою личность, но подобные проблемы решаются по мере поступления, а сейчас мне нужно было в кратчайшие сроки покинуть Некрос, и я думала только об этом, дергая дверную ручку на себя.

В следующий момент чувство абсолютного поражения накрыло с головой — дверь оказалась заперта.

Шок.

Скованная страхом, отчаянием и безнадежностью создавшегося положения, я потеряла несколько секунд, хватая ртом воздух и думая «только не истерика». Совладать с эмоциями оказалось невероятно трудно, но я справилась, затем попыталась вспомнить место, где мы с ректором вышли из стены. Не вспомнила бы, но там, где споткнулась, край коврика все еще был загнут.

Бегом пересекла комнату, остановилась возле стены и, стараясь, чтобы руки не дрожали,

начала рисовать символ, которому научила мертвая леди...

Мою ладонь перехватили сильные мужские пальцы в момент, когда я практически завершила.

Вторая рука слишком быстро пришедшего в себя ректора, обхватила за талию, и меня резким движением оттащили от стены, а после лорд Гаэр-аш в несколько мгновений закрыл проход напрочь.

Захлебнувшись беззвучным криком, я так и не смогла ничего сказать, даже когда глава Некроса, подхватив на руки, отнес и уложил на постель, а после безжалостно отобрал мантию, отшвырнув ее на свою одежду.

— Мертвый лес охраняется, — прозвучал его убийственно спокойный голос. — Как и периметр Некроса.

Произнеся это, лорд Гаэр-аш, не снимая сапог, забрался на кровать и навис надо мной, чтобы, держа свое тело на вытянутых руках, продолжить:

— Но даже если бы вы сумели сбежать, Риаллин, срок вашей жизни был бы весьма недолог... — он усмехнулся. — Я все намекаю, но вы не желаете услышать, значит, придется говорить прямо.

Ректор медленно наклонился ниже и, касаясь носом моего носа, прошептал:

— У вас крайне ограниченный выбор, Риаллин, я и долгая и счастливая жизнь со мной, или Норт и счастье максимум в полгода.

Его властный, болезненный поцелуй я ощутила, словно сквозь пелену сна — вроде и больно, но разум не концентрировался на этом, я ждала дальнейших слов лорда Гаэр-аша и дождалась.

— То, что тебя с первого взгляда принял и одобрил отец Норты, ничего не значит, Риа. — И еще один долгий, жадный поцелуй. — Потому что тебя в качестве будущей королевы никогда не примет род.

От следующего поцелуя мне удалось увернуться, и губы ректора коснулись щеки, скользнули к уху, а шепот вынудил задрожать:

— Наивный щенок искренне верит, что у него есть выбор и право решать что-либо в своей жизни... А Ингормаш верит, что станет отцом короля и получит власть... — на мочке моего уха сомкнулись зубы. Всего на миг, затем Гаэр-аш продолжил: — Я тоже когда-то верил, что смогу что-то решать сам, не отказываясь от предстоящего получения трона. Я искренне верил в это, Риа... Пока однажды не проснулся, обнимая труп любимой женщины.

Я перестала дышать, а лорд Гаэр-аш, целуя мою шею, продолжил:

— Королю не понравилась выбранная мной кандидатура на пост будущей королевы... По его мнению, она была слишком грязной крови.

И прекратив терзать мою кожу, глава Некроса приподнялся, чтобы, глядя мне в глаза, ядовито поинтересоваться:

— Сходства в ситуации не замечаешь?!

Вконец испуганная, я в ужасе смотрела на ректора, а он с нескрываемой злостью прошипел:

— Я предупреждал Норта. Я запретил ему приближаться к тебе. Мне практически удалось заверить духов предков в том, что между вами нет ничего серьезного, что ты пустышка, ничтожество, никто. Но ты! — взгляд лорда Гаэр-аша потемнел. — Каким-то невероятным образом ты сумела из категории «кажется, она мне нравится», переползти в категорию «я совершенно определенно хочу эту конкретную женщину». Как?

Вопрос он адресовал мне. И, не дождавшись ответа, прошептал:

— Как, Риаллин?

Ректор вновь склонился к моим губам и выдохнул:

— С того момента, как я подхватил тебя, потерявшую сознание в венах Некроса, все изменилось. — И он опустил на меня, словно хотел заставить ощутить тяжесть собственного тела, тяжесть мужчины, который был не намерен отступить. — Я сопротивлялся, — продолжил лорд Гаэр-аш, вновь прикасаясь к губам. — Пытался занять себя чем-то другим, выкинуть твой образ из головы, но мысли снова и снова возвращались к тому моменту, когда я держал тебя на руках...

Алчный, мимолетный, болезненный поцелуй и хриплое:

— Для меня все было кончено в тот миг, когда ты прижалась ко мне во время падения в венах Некроса. Прижалась, обнимая руками и ногами и вздрагивая от пережитого страха. Для меня это стало последней каплей, Риаллин. Я сумел сдержаться, лишь памятуя о встрече с духами рода Дастел Веридан.

Он отстранился, взглянул на меня и хрипло спросил:

— Приятно видеть сильнейшего некроманта королевства у своих ног, Риаллин?

Потрясенная, я не смогла вымолвить и слова, но ему и не требовался мой ответ.

— Никогда не думал, — прошипел лорд Гаэр-аш, — что желание обладать женщиной может быть настолько сильным, сводящим с ума, лишаящем сна, аппетита, воли — всего!

Отвернувшись, избегла очередного поцелуя, чувствуя, что и от прежних губы уже горят, и откровенно взмолилась:

— Дайте мне пять дней, пожалуйста, всего пять дней, и я избавлю вас от этого! Я...

— Посмотри на меня, — холодно приказал лорд Гаэр-аш.

Нехотя повернула голову и вздрогнула, увидев с какой решимостью он на меня смотрит.

Испугалась не напрасно.

— Есть категория чувств, Риаллин, на которую не способны воздействовать ни магия, ни отворотные заклинания, включая амулеты. Это любовь. Искренняя, основанная на восхищении любовью. Это то, что испытываю к тебе я, и это то, что уже не способен скрыть Норт. — Горькая усмешка. — Он еще не понял, насколько влюблен. Ему просто хорошо с тобой, он радуется, когда видит твою улыбку, ему приятно тебя радовать, и он считает своим долгом тебя защищать. Он просто еще не понял... Но это он не понял, а главы рода все осознали, и у меня один конкретный приказ — убить тебя.

Рывок, и Гаэр-аш поднялся, отошел к окну, остановился, вглядываясь вдаль и сложив руки на груди. Я же мгновенно попыталась встать, чувствуя дикий панический ужас и в то же время не желая верить ни единому слову ректора.

— Приказ пришел утром, — продолжая смотреть в окно, произнес ректор. — Видишь ли, малышка, в отличие от Норта я умею скрывать свои чувства, и потому члены рода не догадываются, что я скорее уничтожу всех и каждого из них, чем позволю причинить вред тебе. Но в Некросе немало тех, кто без колебаний попытается исполнить волю рода.

Осторожно слезла с постели, встала и, поняв, что не устою, схватилась за спинку ложа, отчаянно понимая — я не хочу во все это верить. Просто не хочу.

— Ты вчера очень не вовремя появилась в закрытой библиотеке, — продолжил лорд Гаэр-аш, повернув голову и взглянув на меня. — В тот самый момент, когда я окончательно осознал — мои чувства не следствие твоей магии крови, и никакие заклинания не позволят мне избавиться от них.

Забыв о собственной слабости и полубомбочном состоянии, я отступила, и мой жест не остался без внимания.

— Это, — лорд Гаэр-аш указал кивком головы на кровать, — постель, в которой ты отныне будешь спать. Я — мужчина, который будет тобой владеть абсолютно и безоговорочно. Мне плевать, любишь ты меня или нет, желаешь этого союза или против. Я так решил. В этом браке я даю тебе слишком многое — деньги, положение, защиту, — чтобы заинтересоваться твоими чувствами и желаниями. Будет так, как я сказал, и без вариантов.

Я пошатнулась, тяжело дыша и не веря ни единому его слову.

Как оказалось, совершенно напрасно.

Высказав все это, ректор прошел к кушетке, взял рубашку, надел, начал стремительно застегивать пуговицы.

— Слишком много времени потратили на разговоры, — хмуро сообщил он. — Может и к лучшему, говорят, жену к исполнению супружеского долга следует приучать лаской, а я в данный момент не в том настроении, чтобы доставлять тебе удовольствие. Выпорол бы ремнем в наказание за ложь вчера ночью. — Взгляд на меня и злое: — Мне дорогого стоило сдержаться и отпустить, но даже представить не мог, что ты столь же лживая дрянь, как и все представительницы вашего пола. А когда понял и кинулся за тобой, там уже был Норт... И принесли же мертвья щенка так не вовремя!

Движение рукой, и запонки, которые были где-то под столом и кушеткой, сами выпорхнули, поднялись с пола и закрепились на рукавах рубашки лорда. Затем взял ректорский мундир и, надевая его резкими злыми движениями, продолжил:

— До вечера посидишь здесь, советую выспаться, ночь предстоит долгая. Уборная там, — мне указали на неприметную дверь, — пообедаешь сама, ужинать будем вместе. Двери запечатаны магией, стены и окна так же, естественно за тобой присмотрят, так что баловаться попытками самоубийства не советую.

И лорд Гаэр-аш с усмешкой посмотрел на меня.

— Вопросы? — прозвучало издевательски.

Но я бы и не смогла сейчас ничего спросить — я просто была в ужасе. Я не могла поверить. Я не хотела верить, я...

И в этот момент где-то внизу раздался грохот!

А затем почти сразу распахнулись двери в спальню, открывая взору разъяренного Норта и комнату позади него — заполненную цветами, с надписью из искрящихся кристаллов «С днем рождения, Риаллин» на стене, с тортом на столе, бокалами, игристым вином, белоснежной шубой, перевитой подарочной лентой, раскрытой коробкой, в которой сверкал ювелирный гарнитур, стоимость которого я не могла себе даже представить...

— Ну ты и ублюдок! — прозвучал тихий, но полный едва сдерживаемой ярости голос Норта. — Эдвин!

Суровый воин с мечом появился, неспешно шагая, и в отличие от Дастела, насмешливо поглядывая на остолбеневшего от подобной наглости лорда Гаэр-аша. Насмешливо и вместе с тем с нескрываемой угрозой.

— Уведи Рию, — скомандовал Норт. — И не забудь закутать, ей сейчас мерзнуть нельзя.

Ректор демонстративно вернулся к застегиванию пуговиц и спокойно произнес:

— А я бы категорически не советовал адепту Харну прикасаться к моей невесте.

Эдвин едва не выронил меч.

Норт сузил глаза и нехорошим тоном произнес:

— Даже так...

— Именно, щенок. — Гаэр-аш застегнул мундир и добавил: — Вон, оба.

Эдвин бросил быстрый взгляд на Норта, тот кивнул, и некромант сделал шаг ко мне.

И я не знаю, как ректор это сделал, но в тот же миг пол перед Эдвином разверзся, открывая черные скалы и текущую по низу расщелины огненную реку... Я вскрикнула, Норт перевел взгляд с последствий заклинания на меня и тихо, очень ласково попросил:

— Риа, маленькая, иди ко мне. — А затем сухо: — Эдвин, шаг назад.

Суровый воин, сжимая рукоять меча с такой силой, что, казалось, он ее ломает, отшагнул от края пропасти с демонстративной неохотой, словно готов был и пропасти бросить вызов. А я, отпустив спинку кровати, сделала шаг, остановилась, чувствуя, как кружится голова и пол под ногами ходуном ходит, но все равно, сжав кулаки, быстро и решительно прошла к Норту и, когда он поймал меня в крепкие объятия, чуть не расплакалась.

— Шш, все хорошо, — прошептал он, осторожно глядя по волосам. — Все будет хорошо, слышишь? И диплом, и лицензия, и вступление в наследство и даже личная контора. У тебя есть цель, помнишь, и планы на будущее, и ты не прогибаешься ни под кого. Соберись, малышка.

Дастел снял свой плащ, укутал меня, повернулся к Эдвину:

— Она не дойдет, возьми на руки.

— Шенок, ты зарвался, — прозвучал холодный голос ректора.

Я обернулась в тот миг, когда с пальцев лорда Гаэр-аша сорвалось черное заклинание, метнувшееся к Харну. Я вскрикнула, Норт удержал, никак не отреагировав на происходящее, а заклинание...

Заклинание натолкнулось на невидимую преграду на расстоянии нескольких сантиметров от Эдвина и растворилось совершенно без следа.

Эль-таим!

Вошедший в силу, полностью подстроившийся под хозяина Эль-таим. Парни переглянулись, Эдвин усмехнулся и подмигнул мне. Норт осторожно погладил по спине.

— Во имя Тьмы, что здесь происходит? — негодование отчетливо ощущалось в вопросе главы Некроса.

— Унеси Рию, — не обращая внимания на вопрос, приказал Норт.

Эдвин шагнул, подхватил меня и молча вынес.

Мы были уже на пороге ректорского дома, когда позади раздался грохот и треск, такой, словно взорвался воздух, и снова гром...

— Он ничего Норту не сделает, не вздрагивай, — успокоил меня Эдвин, размеренно спускаясь по ступеням. — А вот с тобой нехорошо вышло, не ожидали такой подставы от Гаэр-аша.

Я ничего не сказала на это, отчаянно прислушиваясь к тому, что происходило в доме ректора, но более ничего не было слышно. А едва спустились по тропинке во двор перед административным корпусом, нас моментально окружило несколько некромантов, закрывая от толпы заинтересованных газетчиков. И именно из-за газетчиков Эдвин нехотя опустил меня, зато тут же закутал посильнее и прижал к себе, чувствуя, что стоять самостоятельно для меня довольно сложно.

А я в этот момент не отрывала взгляда от трехэтажного здания, расположенного на холме и окруженного соснами, из которого мы только что пришли. И с трудом сдержала радостный вскрик, когда увидела стремительно спускающегося по тропинке Норту. Дастел заметил мой взгляд, едва заметно успокаивающе улыбнулся, но вновь стал сосредоточенным и злым. Злым настолько, что, казалось, ярость исходила от него волнами... И я вдруг вспомнила свои ощущения, когда он говорил: «Все будет хорошо, слышишь? И диплом, и лицензия, и вступление в наследство и даже личная контора. У тебя есть цель, помнишь, и планы на будущее, и ты не прогибаешься ни под кого. Соберись, малышка», и только сейчас поняла — магия влияния работает. Сработала там со мной, позволив успокоиться и поверить каждому его слову, работает и сейчас, транслируя гнев будущего короля.

Но я даже представить не могла, что произойдет дальше.

— Все два шага назад, кроме Эдвина, — скомандовал, подойдя Дастел.

И ему безропотно подчинились. Некромант же, обнял мое лицо ладонями, склонился надо мной и, глядя в глаза, произнес:

— Выслушай, пожалуйста, внимательно, Риа. У нас два варианта. Первый, тебя увезут люди

моего отца прямо сейчас, тебя, Гобби и Пауля. В этом решении два минуса — ты не попадешь на Мертвые игры, и я не могу гарантировать, что отец сумеет тебя защитить — Гаэр-аш силен, сильнейший некромант в королевстве. Плюс на его стороне деньги и поддержка рода. И второй вариант — мы выводим фарс с помолвкой на новый уровень, но ты остаешься в Некросе, под моей защитой и участвуешь в Мертвых играх. Выбирай, сейчас!

Мертвые игры были первым, о чем я подумала, потому что точно знала — если я не попытаюсь оживить Гобби, я всю жизнь не смогу себе этого простить.

— Ну же, Риа, — поторопил Дастел.

— Второе, — прошептала я.

Норт улыбнулся, кивнул и произнес:

— Я поступил бы так же.

А затем он стремительно поправил мои волосы, затем застегнул ворот платья, все, что успел расстегнуть ректор, поправил перчатки и начал торопливо объяснять:

— Ты здесь и сейчас не леди, ты будущая магианна, так что никаких реверансов, ограничиваешься полупоклоном. В разговоре с его величеством контролируй каждое слово, каждый жест, старайся молчать...

— Норт? — выдохнула я, внезапно осознав, о чем он говорит.

— Не отвлекайся, — приказал он, вновь поправляя мои волосы. — В принципе, дядя уже стар, сомневаюсь, что он начнет задавать неудобные вопросы, но первый советник Дагас, выходец из крестьянского сословия, он не в курсе моего решения, и на тебе попытается отыгаться. Учти, ты обязана отвечать лишь королю, всех остальных игнорируй. И помни, — снова взгляд мне в глаза, — я рядом, мы справимся, а весь мой род пусть катится к Тьме!

И взяв меня за руку, Дастел повел к административному зданию, расправив плечи и вскинув подбородок так, словно он уже сейчас король, гордо шагающий к своему трону. Спокойный, уверенный, целеустремленный. Но на сей раз он держал эмоции под контролем, и Эль-таим не транслировал их на окружающих, я же, идя рядом и ощущая твердость и надежность руки Норта, думала лишь о том — как же получается, что я не способна влиять на окружающих, а артефакт, подпитанный моей кровью, дает такие возможности? И в то же время каким-то артефакторским чутьем ощущала, что в данный момент Эль-таим Норта еще не подстроился под своего хозяина, а с Даном и Эдвином это произошло практически мгновенно, но в дальнейшем, когда артефакт полностью подстроится под матрицу сознания Норта, некромант сможет управлять им. И влиять. Не на всех, сильный маг отметит подобное влияние... возможно. Сказать точно я смогу, лишь до конца разобравшись с собственной кровью, сейчас же меня откровенно пугали ее возможности.

— И улыбайся, — вернул меня к действительности Дастел, — у тебя потрясающая улыбка, очень светлая и искренняя, они будут очарованы и быть может усомнятся в ранить неосторожными словами.

Мы подошли к дверям, и сразу стало понятно, что в академии высокие гости — королевские боевые маги в мундирах с золочеными знаками Братства Короны стояли в два ряда. И, глядя на этих в высшей степени одаренных магов, я вдруг вспомнила ту историю, что шепотом пересказывали в академии, про то, как Гаэр-аш однажды заставил короля проснуться в

склепе... И сам собой возник вопрос — как он сумел обойти защиту боевых магов?!

— Еще момент, — едва мы миновали охрану, произнес Норт, — не употребляй «вы», обращаясь к королю, исключительно «ваше величество».

И перед нами распахнули двери. В тот же миг Норт стянул с меня свой плащ и бросил его шедшему позади Эдвину.

А я попросту лишилась дара речи, потому что стоило нам войти, к нам обернулась толпа сверкающих и сияющих наградами, золотыми цепями, символами рода — придворных.

О, Тьма!

Норт осторожно сжал мою ладонь, напоминая, что он рядом, и вдруг сорвался с места с такой скоростью, что я едва на ногах удержалась и была вынуждена едва ли не бежать следом. Но причина его поспешности стала ясна, стоило мне взглянуть на противоположную стену — там, из вен Некроса, стремительно выходил лорд Гаэр-аш.

Но он не позволил себе идти быстрее, чем было допустимо придворным этикетом, Норт же, бесцеремонно миновав публику, явно неодобрительно взиравшую на подобное, подвел меня к двум самым скромно одетым лордам, разглядывающим плакат, имевший целью поздравить меня с днем рождения, и громко произнес:

— Дорогой дядя, позвольте представить вам мою невесту, леди Риаллин кен Эриар!

И худой, высокий, чем-то по строению тела напомнивший мне лорда Гаэр-аша мужчина медленно обернулся к нам. Я мгновенно склонила голову, как учил Норт, отметив мимоходом, что у короля Герона Даграэша Четвертого старчески-мутные серые глаза, ровные прямые совершенно седые волосы, три складочки на лбу, шрам, пересекающий губы, и властный жесткий подбородок, выдающий характер этого страшного человека, в чьих предках значился самый настоящий темный лорд.

— Леди кен Эриар, — прозвучал задумчивый чуть скрипучий старческий голос.

— Ваше величество, — пролепетала перепуганная я.

Пауза, затем несколько настороженное:

— А скажи-ка мне, Дагас, тебе это имя ничего не напоминает?

Норт тихонько погладил по руке, намекая, что я уже могу выпрямиться. Подняла голову, испуганно глянув на него, Дастел ободряюще улыбнулся и взглядом указал мне на короля.

Осторожно перевела глаза и с трудом сдержала желание отступить и вообще спрятаться за спину Норта. Мутный старческий взгляд?! Ничего подобного! Пристальный, глядящий словно в самую душу, цепкий внимательный взгляд. Неприязненно отметивший припухшие губы, достаточно откровенное по меркам окружающего мира платье. Это в Некросе мода была своеобразной, при дворе царили строгость и элегантность, я точно знаю, мы изучали придворную моду в рамках программы по ювелирному искусству.

— Кен Эриар! — внезапно воскликнул первый советник Дагас.

И с явным презрением обратился к Норту:

— А не ошибся ли, уважаемый лорд эгар Дастел Веридан, назвав имя своей... пусть будет невесты.

От намека, недвусмысленно прозвучавшего в словах советника, я стремительно покраснела, не скрыв собственного негодования.

— Что вы, не менее мною уважаемый лорд кен Дагас, в отличие от многих здесь присутствующих, — но смотрел Норт при этом исключительно на первого советника, — моя память великолепна.

Дагас едва ли не скрипнул зубами, своей несдержанностью почему-то отчетливо напомнив мне Эдвина, было в этом что-то такое, что выдавало в советнике именно воина, но никак не придворного.

— Полноте вам обоим, — осадил их король, все так же пристально разглядывая мое лицо. — Риаллин кен Эриар... Знаете, — он неожиданно улыбнулся, и из-за шрама его улыбка была крайне пугающей, — когда-то давно я знал одну малышку по имени Риаллин. Красивое имя, запоминающееся. И эти внимательные детские глазенки, такого любопытного оттенка, карего с зеленью...

Король медленно склонил голову к левому плечу, улыбнулся шире, продемонстрировав идеальные белые зубы, столь редкие для людей его возраста, и спросил:

— Как поживает ваша матушка, Риа? Она, насколько я помню, зовет вас именно так.

Пораженная его словами, я в то же время не забывала наставления Норта и потому ответила, как полагается:

— Очень приятно слышать, что ваше величество знает о столь малозначительной детали, как имя, которым называла меня матушка. К сожалению, мама умерла, когда мне было восемь лет.

Молчание, воцарившееся после моих слов, откровенно напрягло. Я посмотрела на Норта, тот улыбнулся, чуть сжал мою ладонь, но, как и я, был насторожен, король же не сводил с меня внимательного взгляда. Более того, я заметила, как изменился и взгляд лорда кен Дагаса. В нем больше не было презрения, лишь какое-то внутреннее потрясение и даже неверие в происходящее.

— Да-да, дочь Грана, — подтвердил подозрения первого советника король. — А теперь вопрос, почему мне не донесли о смерти его жены?!

И вопрос прозвучал так, что даже мне стало ясно — кому-то придется дорого заплатить за утаивание информации. Очень дорого. Возможно — жизнью.

И вдруг с совершенно иной, насмешливой интонацией с нотками превосходства король громко и отчетливо поинтересовался у Норта:

— И что, наш драгоценный страстный претендент на престол обручился с грязной кровью? Нортаэш, ты ли это? — теперь явная издевка. — Или, мой целеустремленный, ты не знал, что дед твоей возлюбленной пахал землю... В смысле крестьянин, черная кость... Не знал, да?

Зря мы все это с Нортом затеяли, такой позор... Тьма, это ужасно.

Я попыталась осторожно отнять ладонь у Дастела, но он лишь сжал ее сильнее, а затем,

спокойно глядя в глаза королю, произнес:

— Ваше величество превосходно осведомлен о моем характере, предусмотрительности и информированности. Естественно, о любимой и нежно обожаемой невесте мне известно все. Но ее происхождение меркнет на фоне душевных качеств: благородства, ответственности, доброты и редкого дара — пробуждать в близких лучшее.

Тишина стала просто оглушительной и потому так слышны оказались всем слова короля:

— Ты не сказал «ее грязное происхождение».

— Не сказал и вашему величеству не советую, — с заметной угрозой отчеканил Норт.

И взгляд короля изменился. Исчезла враждебность, превосходство, насмешка, он смотрел на Дастела так, словно вообще впервые увидел. А затем задумчиво произнес:

— Ты вырос, Норт. Я больше не вижу перед собой мальчишку — ты мужчина. Сильный, уверенный, ответственный. Готовый защищать тех, кто тебе дорог, невзирая на обстоятельства.

Улыбка монарха приобрела оттенок грусти, и он добавил:

— Ты стал таким, каким я всегда мечтал видеть Артана...

Король искоса взглянул на кого-то неподалеку от нас, и, последовав за его взглядом, я с содроганием увидела ректора, который демонстративно, наплевав на этикет, стоял, сложив руки на груди, и с заметным презрением наблюдал за происходящим.

И в следующее мгновение внезапно вспыхнул огонь. Яркий, голубой, отрезавший нас по кругу от всех присутствующих. Вздвогнув, я прижалась к Норту, и он обнял за плечи, отведя от огня и расположив перед собой, но мне все равно было жутко.

— Ваше величество? — спросил советник кен Дагас, видимо, имея в виду огонь.

— Напрягает один момент, — переводя взгляд с Норта на лорда Гаэр-аша, произнес король, — вы двое дрались?

Щелчок, и с ректора словно сползла личина, открывая внушительный синяк на скуле. Вздвогнув, я обернулась к Норту и обнаружила, что у него дела обстоят еще хуже — нос был разбит в кровь.

— Вы дрались, — хмыкнул король, — и именно вы двое. Никто другой не способен нанести удар Артану, ты слишком быстр, мой мальчик, и ни с кем другим Норт не стал бы драться. Какой смысл, если можно последовательно ломать противнику кость за костью, да, малыш?

Оба лорда щелкнули пальцами, восстанавливая личины, полностью скрывшие следы схватки.

— Так-так, — продолжил его величество. — И в чем же причина, сообщите?

Монарху никто не ответил, впрочем, острый ум короля не нуждался в подсказках:

— А тут все очень-очень просто, дело в Риаллин, не так ли? — Я побледнела, его величество продолжил: — Наш маленький Норт влюбился и, судя по тому, что рискнул представить невесту мне, да еще и в столь любопытных обстоятельствах, влюбился настолько, что готов рискнуть борьбой за трон. В то время как чувствующий вину перед родом Арташа попытался

объяснить младшему братику, что невеста у того уже есть, хорошая невеста, из древнего рода и прекрасно подходящая на роль королевы. К тому же наш дорогой Арташа так ценит чистоту крови, и ему, наверное, крайне неприятно наблюдать, как внучка обыкновенного крестьянина вскружила голову целому будущему почти королю... Я прав, не так ли?

Я не считала себя обязанной отвечать, в то время как лорд Гаэр-аш и Норт молчали, напряженно и решительно.

— Нет, я совершенно определенно прав, — усмехнулся король. И внезапно выражение его лица стало жестким. — Мне искренне жаль, Артанаэш, что ты так и не изменился. Все тот же золотой мальчик, презирающий чернь, превыше всего ставящий чистоту крови, уверенный в собственной правоте и непогрешимости. А я так надеялся, что ты, мой ближайший родственник, мой любимец, моя кровь, однажды станешь во главе королевства.

Лицо ректора искривила гримаса откровенной ненависти, однако, едва он заговорил, тон был ровным и холодным:

— И это говорите вы, ваше величество, человек, отдавший приказ убить мою невесту, чьей виной было лишь не особо достойное происхождение?!

Глаза короля сверкнули голубым огнем, а затем он тихо сказал:

— Ты так и не понял, Артан. Эта верийская ведьма опоила тебя, и ты влюбился, окончательно потеряв голову... Еще бы, ведь она столь выгодно отличалась от всех твоих придворных любовниц.

— Прекрати! — потребовал ректор.

Но лорд монарху не указ, и король все так же насмешливо продолжил:

— Прошло столько лет, Артан, но ты так и не осознал — ее не смогли бы отравить, будь у нее на пальце твое обручальное кольцо с защитным артефактом. Это было бы невозможно... если бы эта ведьма не сменила кристалл на подложный. А она сменила, Артан. Не просто сменила — отправила сообщнику, черному артефактору Тадору Шерарну.

Я с трудом сдержала вскрик.

Его величество продолжил:

— Сверток перехватили мои люди, сверток и письмо. Я не поверил письму, Артан, я проверил кристалл и, когда понял, что он действительно артефакт рода Гаэр-аш, отдал приказ устранить твою невесту. И знаешь, — он улыбнулся, — сложно поверить, что я смог-таки рассказать тебе все до конца, а ты стоишь и слушаешь.

Ректор действительно стоял и слушал. Внимательно. С каменным выражением лица.

— Оставь девочку в покое, — устало сказал монарх. — Понимаю, опасаясь за ее жизнь, но мы, король Армеи, одобряем выбор лорда Нортаэша эгар Дастел Веридан и дабы продемонстрировать степень одобрения, вносим его имя в список престолонаследия.

Норт едва слышно выдохнул, первый советник потрясенно взирал на короля, король же добавил:

— Одно это примирит с данной кандидатурой весь род. Согласись, подобного вы могли добиться исключительно после победы Некроса на Королевских Мертвых и...

— Ты не прав, — вдруг хрипло перебил монарха лорд Гаэр-аш, — причина драки была в другом. — Он на мгновение сжал зубы, а после решительно произнес: — Это моя женщина.

Король стремительно повернулся и вперил в меня требовательный взгляд, я же не знала, куда глаза деть от смущения и вообще куда самой деться и...

— Так, хватит. — Норт развернул меня к себе лицом, обнял, позволяя спрятать лицо у него на груди. — Риа, выйдешь?

— Через огонь? — испуганно прошептала я.

— Я выведу, — заверил Дастел.

— Ты уберешь от нее руки! — прошипел лорд Гаэр-аш.

— Я тебе все кости переломаю, если ты тронешь ее еще хоть пальцем! — рыкнул Норт.

— Очаровательно, — заметил король, — одна маленькая неувязочка, Арташа, твой братик, как более молодой и проворный, уже объявил девочку своей невестой. И, как бы я ни относился к тебе, мальчик мой, согласись, будет более чем странным, если сейчас о помолвке заявишь ты.

Мне не понравилось то, что его величество был целиком и полностью на стороне лорда Гаэр-аша и не скрывал этого. Создалось впечатление, что он способен решить мою судьбу здесь и сейчас, совершенно не интересуясь моим мнением, и... я оказалась права.

— Но ты знаешь, Арташинька, — продолжил его величество, — во мне же есть капелька крови темных лордов, а темные крайне коварны... — пауза, и насмешливое. — Хочешь девчонку — принимай трон. Ваш брак я одобрю только на этих условиях. А пока, — и так как, потрясенная, я обернулась, жестокую усмешку монарха довелось узреть, — все будет так, как уже сложилось — женщины, мой мальчик, всегда достаются решительным, амбициозным и стремящимся к власти. Таким, как Норт.

Именно в этот момент я поняла, что король и тот сумасшедший целитель, который доводился ректору дедушкой, явно родственники!

Пламя исчезло в тот же миг, делая нас доступными взглядам и ушам стоящих в фойе придворных и газетчиков. Вероятно, им досталось невероятное зрелище — мы все, растерянные, растоптанные услышанным, и король, который, заложив руки за спину, демонстративно отвернулся от нас и принялся разглядывать плакат, имеющий целью поздравить меня с днем рождения.

— Кстати, дорогая Риаллин, — произнес король, — раз уж сегодня у вас праздник, позволяю озвучить, что бы вы желали получить в подарок.

— Свободу, ваше величество, — зло ответила я.

Монарх обернулся, одарил меня веселым взглядом и сообщил:

— О, моя дорогая, вы та самая наживка, на которую, несомненно, клонет столь нужная мне рыбка, и даровать вам свободу — значит, потерять надежду, которую я только что обрел.

Выберите что-либо иное, уверен, у юной красивой девушки, вроде вас, обязательно есть сотни, а то и тысячи желаний.

Именно в этот миг я вдруг отчетливо поняла, что ненавижу короля. Не только как человека, но и как власть, лишившую меня, женщину, свободы. Ведь закон вершит именно король.

— Ну же, — поторопил он с ответом.

Конечно, мне не следовало дерзить, но в свете произошедшего я не сдержалась.

— Видите ли, ваше величество, — мой голос дрожал от негодования, — я с восьми лет не мечтала ни о чем ином, кроме свободы. Вероятно, именно вследствие этого не осталось времени желать что-либо иное!

В толпе зашептались, король же, полностью развернувшись ко мне, в очередной раз проявил пронизательность:

— Намекаете на законы, ограничивающие финансовую свободу женщин?

— Они не ограничивают, они лишают нас всяческих прав! — воскликнула я.

Улыбнувшись шире, Герон Даграэш Четвертый спросил:

— Артан?

— Нет! — отчеканил ректор.

Монарх хитро подмигнул мне и, не пытаясь говорить тихо, произнес:

— Ничего, моя дорогая, станешь королевой и непременно изменишь законодательство. — А затем громко, властно и отчетливо: — Мы, король Армеи Герон Даграэш Четвертый, одобряем выбор лорда Нортаэша эгар Дастел Веридан и дабы продемонстрировать степень одобрения, вносим его имя в список престолонаследия. На первое место. — Пауза, и весьма коварное: — А так же мы имеем удовольствие сообщить, что лорд Артанаэш Гаэр-аш восстановлен в правах на престолонаследие, но на данный момент находится на втором месте.

А затем вдруг вновь вспыхнуло пламя, вмиг отрезав нас от всех, и утративший всяческую благожелательность король, глядя на Дастела, произнес:

— Но учти, Нортаэш, опозоришься на Мертвых играх, и я твою нежную девочку прилюдно отдам Танаэшу в качестве приза! Может, он, конечно, и не возьмет, но сам понимаешь — подобный позор не смыть даже кровью, и королевой она уже не станет.

Пламя опало вновь. Король, демонстрируя всем королевскую милость и благожелательность, смотрел то на Норта, то на ректора, отдельно одарил улыбкой меня.

И в этот момент первый советник кен Дагас тихо и напряженно произнес:

— Ваше величество... Ваше величество, леди Риаллин дочь человека, спасшего вам жизнь и...

— Заткнись, — жестко оборвал его король.

Норт вновь взял меня за руку, затем склонил голову и произнес:

— Благодарю, ваше величество.

После чего потянув за собой, провел через толпу придворных, подвел к двери, взял у Эдвина плащ, закутал меня, подхватил на руки и вынес. Не говоря ни слова, не глядя по сторонам, не обратив внимание, что за нами идут Эдвин и Дан, а шагов через десять следует охрана из еще шести боевых некромантов старшекурсников.

И Норт все шел и шел, мимо жилых корпусов, мимо склепа, мимо первых семи полигонов, чтобы свернуть к шестому, войти в ангар. И вот там, посадив меня на бочку, подоити к стене и ударить по ней кулаком, со всей силы. А затем еще удар, и еще, и...

Вошли Дан и Эдвин, но Норт, не замечая никого, все бил и бил в стену, глухие сильные удары, сотрясающиеся стены ангара. Откуда-то из темноты тенью скользнула Яда, взволнованно посмотрела на хозяина, осторожно ткнулась в его спину.

Еще удар!

И снова.

— Норт, не дури, руку разобьешь, — сказал Эдвин.

Не отреагировал — снова удар.

Распахнулись тяжелые, внушительные двери ангара, стремительно вошел советник кен Дагас, замер на миг, наблюдая за тем, как Норт продолжает выплескивать свою ярость, нанося все новые методичные удары.

Советник щелкнул пальцами, и, повинуясь его магии, закрылись двери, а затем по контуру стен пробежались голубые искры, которые сразу взмыли вверх, осветив все пространство.

— Я тебе говорил, Норт, не показывай ему свою девочку, — зло заговорил советник.

И я искренне поразились произошедшим в нем переменам — никакой насмешки, никакого презрения, никакой вражды, в его голосе было лишь искреннее сочувствие.

— У меня, — удар, — не было, — удар, — выбора!

А затем уперевшись ладонями, по правой из которых текла кровь, и прижавшись лбом к стене, Дастел простонал:

— Ненавижу! Как же я его ненавижу — эгоистичный, помешавшийся, беспринципный ублюдок! Довел страну до предела! За шестьдесят лет никаких изменений в законах, убийственные налоги, армия старинного образца, от которой ни толку, ни смысла, мужики пятнадцать лет жизни теряют совершенно напрасно! Тьма, он ни умертвия не делал за все годы своего проклятого правления! А теперь одумался в конце жизни, решил, что свой порядок в королевстве не наведут и давай требовать соседнего принца! Божком себя возомнил! Вершителем судеб! Мразь!

И снова удар, от которого на стене остался кровавый отпечаток.

— Успокойся, — подавленно произнес лорд кен Дагас.

— Успокоиться?! — Норт повернулся и взбешенно посмотрел на советника. — А у меня есть повод для спокойствия?!

Дагас покачал головой и неуверенно произнес:

— Еще до начала игр мы увезем Риаллин в пятое королевство. На твоей стороне дворянство, Норт, и практически все маги не только рода, но и королевства.

— Кстати о них. — Дастел нервно стер сочащуюся по его руке кровь. — Кто отдал Артану приказ устранить Рию?

Удивленный взгляд советника говорил о его искреннем недоумении.

— Артан не солгал, — прошипел Норт, — этого ублюдка во многом можно обвинить, но не во лжи!

Растерявшись, лорд кен Дагас развел руками и сказал:

— Я не понимаю, Норт, кандидатуру леди кен Эриар поддержал твой отец, и после этого данный вопрос более не поднимался ни на одном совете рода. Но даже оппозиционной партии не пришло бы в голову устранять леди кен Эриар до проведения Королевских Мертвых игр...

Тишина в ангаре была недолгой.

— Нужно выкрасть эту бумагу у ректора, — решил Норт.

— Переговорю с Паулем и саламандрой, — вставил Дан, — оба вхожи в кабинет Гаэр-аша.

— Рию лучше держать подальше от ректора, — добавил Эдвин.

— Это я уже понял, — выдохнул Норт.

Яда, устав стоять возле хозяина, который ее не замечал, юркнула ко мне и, устроив голову на моих коленях, демонстративно потребовала ласки. Высвободив руку, почесала ее за ушком. Лорд кен Дагас удивленно посмотрел на это дело и произнес:

— Впервые вижу, чтобы девушки столь ласково относились к умертвиям.

— Впервые вижу, чтобы люди, на публике играющие ненависть, на самом деле являлись сообщниками, — ответила я.

Лорд Дагас улыбнулся мне и спокойно пояснил:

— Король уже много лет неадекватен, леди кен Эриар, впрочем, вы могли сегодня убедиться в этом сами. Он и ранее был воином, но не правителем, однако в последние годы все чаще происходят беспричинные казни, все реже случаются просветления разума. Армерии нужен новый правитель — сильный, умный, достойный, дальновидный, мудрый. И готовый взять ответственность за свои действия и благосостояние страны. Лорд Гаэр-аш, о котором в качестве преемника мечтает его величество, часто не способен переступить собственную гордыню, ради блага королевства и...

— Хватит, — оборвал его Норт, — Рие и так тяжело сейчас.

— Так, а я не понял, — заговорил Дан, — Риа оказалась у ректора в доме, а не в его кабинете?

— Да, — глухо ответил Эдвин, — мы из-за этого потеряли много времени и едва успели.

— Теперь ясно, почему мне пришлось так долго отдуваться перед газетчиками, — произнес Дан.

А затем, игнорируя всех и вся, подошел ко мне, сел рядом и произнес:

— Попробую угадать — ректору ты тоже не дала?

— Дан! — рявкнул Норт.

Однако полностью проигнорировав его, рыжик прикоснулся к моей ладони и тихо спросил:

— Ты как?

По лицу потекли слезы. Я быстро опустила голову, стараясь скрыть свое отчаяние от всех, но слезинки теперь начали капать на гештьяру, и та, фыркнув, недовольно встряхнулась.

— Прости, пожалуйста, — попросила я, торопливо вытирая глаза.

Яда простила и потребовала, чтобы ее еще погладили.

— Артанаэш действительно проблема, — произнес королевский советник. — У вас всегда были схожие вкусы в отношении женщин, но я даже представить не мог...

— Никто не мог, — зло произнес Дастел, — а Риа предпочла промолчать.

Я с трудом сдержалась, чтобы снова не заплакать.

— Норт, — Дан обнял за плечи, — а что она должна была тебе сказать? Для Рии, что ты, что ректор — одно и то же, она вообще Рика любит.

И вот после его слов я вспомнила о Рике. И о Рике, и о наших планах на будущее и вообще обо всем! И всхлип мне сдержать на этот раз не удалось.

В дальнем конце ангара поднялся до этого спящий Культяпка, подошел ко мне, тронул за руку, а едва я, подняв мокрое от слез лицо, взглянула на него, демонстративно провел пальцем по шее и указал на меня.

— Что? — удивилась я.

— Кто-то хочет Рию убить? — догадался Дан.

Культяпка кивнул. А после показал на небо и перечеркнул его крестом.

— Ночью? — предположил Эдвин.

Орк вновь кивнул.

— Сегодня? — спросил Норт.

Культяпка отрицательно покачал головой и указал себе за спину.

— Вчера? — Эдвин.

Кивок.

— Ты поэтому вчера бесновался так, чтобы нас служители вызвали? — снова Эдвин.

Культяпка кивнул.

Некроманты переглянулись.

Я же вспомнила момент, когда меня вчера нашел Норт. Удивленно на него посмотрела.

— Да, — кивнул Дастел, — Культяпка привел к склепу, потом к закрытой библиотеке, а уже от нее я заметил тебя и догнал.

Потрясенно смотрю на орка, тот сказал: «Угррх» и развел рукой и культей.

— Я переговорю с лидерами оппозиции, но... — советник короля посмотрел на Норта, — если хочешь знать мое мнение — так действуют отступники. Что-то такое мелькнуло в сознании, еще когда я первый доклад, переданный твоим отцом, читал, а сейчас все больше убеждаюсь — это магия Тьмы. Умертвия ее чувствуют, вот и этот... орк ощутил.

Я нервно погладила Яду и не произнесла ни звука. Норт глянул на меня, затем вновь обратился к лорду кен Дагасу:

— Кстати, что за история с Тадором Шерарном. И зачем ему понадобился кристалл из родового обручального кольца рода Гаэр-аш?

Теперь я и вовсе не дышала.

— Мутная история, — ответил советник. — В письме, адресованном Шерарну, был приказ передать кристалл господину.

— Не понял? — переспросил Норт.

— Дословно, что-то вроде «отправь господину, раз месть утратила для тебя смысл». — Лорд кен Дагас пожал плечами. — Странное сообщение, не спору, именно поэтому его величество поверил лишь кристаллу.

«Мечь утратила для тебя смысл», — повторила я про себя слова советника.

Мечь утратила смысл... За весь этот ужасный, с момента поздравления меня утром, день, я впервые ощутила надежду. Надежду на лучшее, на доброе, на то, что я не была для дяди Тадора только экспериментом!

Они о чем-то еще говорили, но я уже не слушала, погруженная в свои мысли. Потом лорд Дагас ушел, а Норт, подойдя ко мне, сел рядом, тоже погладил заурчавшую от удовольствия Яду за ухом и тихо спросил:

— Как ты?

— Хорошо, — отозвалась я, ощущая, что все действительно неплохо. — Мне бы еще в запрещенную библиотеку на часок, и жизнь вообще можно считать удавшейся.

Дастел улыбнулся и сказал:

— Желание именинницы закон.

* * *

Я ведь тогда даже не поверила. Я совершенно не поверила! Да это вообще казалось невысказанным, но спустя всего десять минут я стояла на самом вершине башни, которая хранила в себе запрещенную библиотеку. Точнее я и Дан, Норт, открывший для меня проход через вены Некроса, обнял, шепнул, что они скоро, и вновь исчез вместе с Эдвином. А вот мы с Даном остались, причем он, недоуменно озираясь, отметил:

— Куча книг на одни мертвые знают каком языке, явные следы попойки, и твоя мантия в углу. Э-э, Риа, а что тут делает твоя мантия?

— Дан, пожалуйста, без вопросов, — попросила я, скинув плащ Норта на то же место, где лежала мантия, и двинувшись вдоль полок.

Внутри меня зрела странная, невероятная по своей сути мысль — а что, если дядя Тадор действительно искренне любил меня? И вот что он, отчетливо знающий, что за ним охотятся все маги королевства, думал, обнимая меня вечером, перед камином? О чем он думал, читая мне сказки? Целуя и говоря, что я его маленькое сокровище, его любимая девочка... его дочка...

Я остановилась, оглядывая полки «Эйш» — кровь, здесь все было о крови, но... Но я вдруг подумала, а что бы я сделала для Гобби и Пауля, зная, что в любой момент меня могут убить...

И как-то сам собой взгляд метнулся к разделу «Эйш а тэн хатаан» — кровь защищенная, если дословно, а если образно — защита на крови.

— Риа, ты что, этот язык понимаешь? — удивленно спросил Дан, когда я уверенно двинулась к разделу, в котором имелась всего одна-единственная книга.

— А ты полагаешь, обычная магия способна создать что-либо, что легко выпитывает саму Тьму? — задала я встречный вопрос.

Сказав это, я осторожно взяла с полки книгу и, бережно удерживая ее, направилась к столу.

Подойдя, Дан согнулся, оперся локтями о стол, подпер голову и произнес:

— Рияшка-очаровашка, ты правда понимаешь язык отступников?

— Вечных, — поправила я.

— Ты — прелесть, ты в курсе? — хохотнул он.

— Нет, Дан, — даже не знаю, почему меня потянуло на откровенность. — Я ребенок, которого подобрал, пригрел и очень любил человек, близкий к отступникам. Но в таверне мне недвусмысленно намекнули, что дядя Тадор сотворил из меня фактически артефакт и все, что ему нужно было, — моя кровь.

Вечно насмешливый, Дан выпрямился и неожиданно серьезно спросил:

— И кто же настолько урод, Риа?

Я ничего не ответила. Но Дан, резко обойдя стол, отодвинул мой стул, присел передо мной и, глядя в глаза, тихо сказал:

— Послушай, Риа, я сейчас скажу то, что, наверное, никогда бы не сказал никому другому, но скажу тебе... — Он судорожно выдохнул и продолжил: — Там, под постаментом никто не собирался тебя насиловать. Мы были злы, да, безумно злы, ты попросту взяла и обставила нас, триицу самых крутых некромантов Некроса, но... — он вновь заглянул мне в глаза, — никто и не собирался, понимаешь?

Я не знала, что на это сказать, я вообще старалась забыть и не вспоминать о том кошмаре, но Дан не умолкал:

— Мы ведь все понимали, что такая девчонка, как ты, нам не светит.

— Какая «такая»? — не поняла я.

— Серьезная, — пояснил Дан, — светлая, умная, знающая, чего хочет. Классная. А ты очень классная, Риа. Так вот, мы знали, что нам ничего не светит — ты не из тех, кто увивается за такими, как мы. Ты из тех, кого нужно добиваться — долго, упорно и старательно. Ты из тех, с кем хочется связать свою жизнь. Ты из тех, кто не сдается. Так вот там и тогда, мы просто решили напугать, а потом воспользовались ситуацией, понимая, что никогда больше прикоснуться к тебе и не сможем.

Я поежилась, Дан, перехватив мои руки, продолжил:

— Нам стыдно, Риа, до сих пор, всем троим. Потому что на нашу низость ты ответила благородством, и от этого постыднее раз в сто. Я восхищаюсь тобой, малышка, искренне восхищаюсь, Эдвин, он просто потерял голову, а Норт... Знаешь, если он поймет, что ты счастлива с Риком, он ведь без слов уйдет в сторону и даст тебе быть счастливой. Я это понял тогда, когда были разборки с Тарном. Не поверил сразу, а потом понял — Норт ставит твое счастье выше своего. Он любит, действительно любит, причем той любовью, что между нами, мужиками, признак слабости.

Я лишь потрясенно смотрела на Дана.

— Нет-нет, не думай, я не давлю и ничего от тебя не требую, — некромант улыбнулся. — Знаешь, от тебя трудно чего-либо требовать, например, после Эль-гаима. — Он судорожно выдохнул. — Ты никогда не поймешь, что мы пережили там, в таверне, во время ритуала... Мы ведь на отступнике откровенно сорвали злость. Никогда не думал, что так бывает, но мы вообще не боялись, ни капли. После всего того бессилия, что ощутили, когда ты ритуал проводила, нам просто хотелось оттянуться... Мы ведь даже когда отступника убили, мы осознали не сразу...

Он улыбнулся, протянул руку, погладил меня по щеке и добавил:

— Ты потрясающая девочка, Риа, и ты наша, так что поверь, в обиду тебя никто не даст. Что сейчас делать будешь?

— Хочу понять, что сделал с моей кровью дядя Тадор, — прошептала я.

— Уверен, что защитил, — улыбнулся Дан, — я бы на его месте так и поступил со своей дочкой — поставил самую совершенную защиту, чтобы мою девочку никто не обидел.

Открылся проход в стене — Норт и Эдвин, напрягаясь, втащили стол, заваленный снедью и бутылками.

— А... — начала я.

— Расслабься, Артан отбыл с королем в столицу, — правильно понял меня Норт, — так что ночь наша. Я хотел устроить вечеринку в корпусе, но, думаю, ты сейчас не захочешь видеть никого постороннего.

Следом за Нортом показались Гобби, Пауль и Салли. Последняя втащила громадный торт.

— А Рик? — встревожилась я.

— Отбыл в столицу, — хмуро сообщил Эдвин. — В качестве охраны Гаэр-аша. Странно, да?

Откровенно говоря, более чем. Единственное, что объясняло поступок ректора, его хмурое: «Я не потерплю Тарна». Впрочем, сделать я сейчас ничего не могла, а потому вновь вернулась к книге, просматривая оглавление.

Но все было не то.

«Эйш та эшра» — кровь ядовитая.

«Эйш эн хаада» — кровь говорящая.

«Эйш уга элсар» — кровь воспламеняющаяся.

Не то, не то, не то... И вдруг мой взгляд выхватил фразу «Эс тагана эйш эбраэта» — кровь защищающая. А точнее, кровь, способная защитить!

С этого момента я была потеряна для всего мира. И больше никаких эмоций, никакой спешки — сосредоточенность, внимательность, четкость сознания. Я вчитывалась в каждое слово, а когда поняла, что не знаю перевода двух из пяти, начала читать вслух и память сработала. Я словно воочию увидела себя, сидящую перед камином на коленях у дяди Тадора, его, читающего мне сказки очень оригинальным способом — строчка из книги и тут же ее перевод на языке вечных, строчка из книги и снова перевод... Тогда, в детстве, я не могла сказать, какая сказка мне нравится больше — на родном чуть напевном языке или на грубоватом, с обилием шипящих и рычащих звуков языке вечных. Мне нравились они оба, первый делал историю яркой и красочной, второй — сложной и многогранной...

Вот и сейчас, я словно слышала два голоса — мой, тихий, когда я читала вслух, и дяди Тадора — низкий, рокошущий, когда прочитывала строку про себя...

— Это ведь не заклинание, нет? — Норт подошел, положил теплые широкие ладони мне на плечи.

— Нет. — Я улыбнулась. — Не мешай, пожалуйста.

— Отвлекись на минутку, — в свою очередь попросил некромант. — Пауль достал свиток.

И книгу я мгновенно отложила, а Норт протянул бумагу мне.

На светло-зеленом магически защищенном свитке синими ядовитыми чернилами было выведено:

«Леди Риаллин кен Эриар должна быть уничтожена в самое ближайшее время. Совет рода».

— Как-то лаконично до крайности, — задумчиво проговорила я.

— Да нет, они всегда так, — сказал Норт. — Дело не в этом, — он указал на слова «Риаллин кен Эриар». — Этот человек тебя ненавидит.

Удивленно взглянула на Дастела, тот пояснил:

— Почерк. Присмотрись, его перо трижды дрогнуло при написании твоего имени, а все остальное выведено идеально... Что странно, так как лорд Эксаэш Веридан в редкие дни способен писать четко, обычно у него рука подрагивает, и вот то, что наблюдается в твоём имени, характерно часто для всего послания. Здесь же... В итоге я согласен с Дагасом — это не наши отправили.

Мне, помнившей все слова лорда Гаэр-аша, верилось в это с трудом.

— Да и не стали бы наши, — добавил Норт, — не посмели бы.

Молча вернула ему свиток, вновь взяла книгу.

Посмели, не посмели, а лично я сейчас находилась в крайне неприятном положении, и чувствовать себя разменной монетой мне не нравилось вовсе.

— Риюш, — Норт встал передо мной, прислонившись к краю стола, и едва я на него взглянула, сказал, — все будет хорошо.

Волны спокойствия, исходящие от некроманта, укрепляли веру в его слова. И мне хотелось верить, искренне хотелось, но...

— Я знаю, что у этой проблемы есть решение, — твердости, правда, в моем голосе не было, — я восстановлюсь и повторю эксперимент с переплетением Амаэ и Тхен. Думаю, что сработает, просто тогда что-то пошло не так. И я...

Норт протянул руку, погладил по щеке и молча отошел. Я была благодарна ему за это, но еще больше обрадовалась, когда подошел Гобби.

— Возьмешь стул? — спросила, возвращаясь к чтению.

Гоблин обошел стол, принес стул, на котором вчера я сидела, пододвинул к моему, сел рядом.

Я же в этот момент читала;

— Эсса нгобере эйша, — и шепотом тут же перевела, — яд, вплетаемый в кровь.

— Ыы! — привлек мое внимание Гобби.

Затем взял со стола бумагу и карандаш и написал:

«Мысль».

— Эсса? — переспросила я. — Нет, яд.

Зомби отрицательно покачал головой и написал:

«Ты воспринимаешь на слух, при произношении они похожи, но мысль — „эсса“, а слабый яд

„эса“».

В этот момент я почему-то даже не задумалась, откуда Гобби знает язык вечных. Меня напрягло другое — что если я и в других местах ошиблась.

— Так значит «эсса нгобере эйша» — мысль, вплетаемая в кровь? — уточнила я.

Гобби кивнул. Затем написал:

«Твоя кровь измененная».

— Это я уже знаю, — ответила грустно.

«И продолжает меняться, — добавил гоблин. — Мертвые чувствуют».

У меня внутри все похолодело. Невольно поежившись, я огляделась — Норт и Дан накрывали на стол, Эдвин развешивал повсюду искрящиеся кристаллы, у него это выходило здорово — подвесит на острие меча, меч поднимет и цепляет кристалл на стеллажи, так чтобы повыше. Ему помогал Пауль, смешно попискивая, прыгая по стенам и поправляя кристалл, если тот зацепился плохо. Салли бегала по столу, проверяя температуру блюд — подбежит, притронется лапкой, а дальше по обстоятельствам — или подогреет, или дальше побежит. И на душе как-то светлее от этой такой уютной и дружеской атмосферы стало.

Гобби же снова начал писать, и я прочла:

«Я встречал людей с измененной кровью — ты не такая. У тебя осмысленный взгляд, ты отрицаешь мысль о смерти».

— Не поняла, — прошептала я.

«Измененная кровь. Кровь — жизнь. Меняют кровь — исчезает желание жить».

— Откуда ты знаешь? — не удержалась я.

«Помню...»

Гобби неожиданно сгорбился, а потом продолжил:

«Помню лес, помню юношу, который со скалы сошел в низ. Даже не прыгал — подошел к обрыву и шагнул в пропасть. Помню язык вечных и много иных языков, иногда обрывками приходят воспоминания о доме — серая стена пещеры и теплые руки мамы... Не хватает тепла, постоянно холодно. Помню, как умирал, потому что холодно стало именно тогда».

Я протянула руку, осторожно коснулась его ладони, хотелось хоть как-то поддержать.

«Но воспоминания возвращаются, — вновь стал писать Гобби. — С каждым днем все больше, я помню, что ходил гордо, помню, что много писал, помню, что должен был совершить что-то важное. Очень важное... но умер. И даже когда умер, это не завершенное дело не давало погибнуть моему сознанию, оно умирало медленно. Очень медленно... А потом пришла ты, и запах твоей крови пробудил его снова. Я хотел есть, очень, но чувствовал, что тебе нужно помочь. Подавил голод. Много раз вспоминаю тот момент, твои глаза, запах крови, от которого озверели все, чье сознание погибло... А я проснулся, вынырнул из небытия».

Зомби остановился, а затем быстро приписал:

«Рик говорил о тех измененных умертвиях, что гнались за тобой. Кто-то знает о крови, Риа, знал, что орки начнут меняться только рядом с тобой. Для кого-то ты опасна».

Тяжело вздохнув, я тихо сказала:

— Мне нужно понять, что с моей кровью, нужно найти информацию и...

«Здесь не будет», — написал Гобби.

— Почему? — я действительно удивилась.

«Вечные готовы на все, чтобы уничтожить то, что неизведанно. Я думаю, они не знают, что в тебе, и боятся. Вечные опасаются неизвестности».

Из всего этого я не могла понять одного:

— Чем я могла помешать вечным?

Гобби взял листок со стола, а после торопливо написал:

«Я тоже постоянно думаю об этом. Смотрел твоё расписание — раньше вы ходили в лес с группой. Ты сражалась с умертвиями, шесть практических занятий было по успокоению. Значит, о тебе знали и не трогали. Ты не мешала тогда. Все изменилось после Мертвых игр».

Написал и стер.

А после его мертвые, чуть фосфоресцирующие как у неупокоенной нежити глаза, с тревогой посмотрели на меня. Я так же напряженно смотрела на Гобби. Зомби кивнул и написал вновь:

«Кто-то готов на все, чтобы ты не попала на Королевские Мертвые игры. И петля сжимается, раз они уже и до Гаэр-аша дошли, и про заговор рода Дастел Веридан знают. Риа, откажись. Пусть сражаются Эдвин и Культяпка».

Нервно кусая губы, я взглянула на Гобби, после на надпись, снова на умертвие и отрицательно покачала головой.

«Риа, тебя убьют. Они подобралась слишком близко, и они предпринимают все более решительные действия!» — нервно написал Гобби.

Выдохнув, я едва слышно ответила:

— Для того чтобы тебя оживить, нам нужно попасть или в момент магического боя, причем не на жизнь, а на смерть, или на Мертвые игры. Только в момент азарта или под угрозой смерти маги перестают контролировать поток энергии, передаваемый их мертвым бойцам. Иначе никак. Даже если я уговорю Дана, Эдвина, Норта и Рика, смешав потоки, отдать тебе, это не сработает, пойми, разница будет как между костром и лесным пожаром. А для возвращения твоей жизни нужна и вовсе доменная печь.

Гобби устало покачал головой и написал:

«Это не стоит твоей жизни, Риа».

— Если я хотя бы не попытаюсь, я буду сожалеть об этом весь остаток своих дней, — честно призналась я Гобби и, улыбнувшись, добавила: — Считаю что ты мой самый главный

эксперимент.

Умертвие нахмурилось, а после приписало:

«Это ты так сама перед собой оправдываешь то, что заботишься обо мне?»

И я подумала, что нет, перед собой не оправдываю. Гобби стал мне очень близок, и я считаю, что должна сделать все, чтобы вернуть ему жизнь. Как минимум потому, что кроме меня на это вряд ли кто еще решится.

Но ответила:

— Для себя у меня другие оправдания.

В этот момент Дан позвал:

— Риа, ты скоро?

Мое умненькое умертвие глянуло на меня и торопливо вывело:

«Я могу переписать нужную информацию из книги».

Но я уже тоже склонилась к мысли, что здесь ничего не найду. Мне нужен тайник дяди Тадора, все его записи, схемы, дневники наблюдения за объектом, то есть мной. Впрочем, даже это уже не имело большого значения, мне хватило двух моментов, сказанного лордом первым советником: «Мечь утратила для тебя смысл», и поведенной Гобби информацией о людях с измененной кровью. И, возможно, кто-либо другой сочтет меня идеалисткой, но мне этого было достаточно, чтобы увериться — Тадор любил меня. Для меня важно в это верить, действительно важно.

«Нужна информация о Тадоре», — внезапно написал Гобби.

Я отрицательно покачала головой, мне хватило того, что о нем говорил дознаватель Нардаш, я не хочу знать больше. Для меня дядя Тадор навсегда останется светлым, добрым, любящим и честным человеком. Потому что со мной он был именно таким. А все иное... Обо мне Нардаш тоже был невысокого мнения, но в его словах не имелось и капли правды.

Нет, я не хотела искать информацию о дяде Тадоре, а вот...

— Эдвин, — я стремительно поднялась, захлопнула книгу и положила ее на стол, — что ты знаешь о родителях Рика?

Некромант, подвешивающий последний кристалл, повернулся, удивленно глянул на меня, но поняв, что вопрос задан не из праздного любопытства, ответил:

— Сейчас.

Взмах его руки, и кристалл, словно подхваченный острием невидимого меча, был водружен на место, после Эдвин развернулся ко мне, оперев свой меч острием вниз, оперся на его рукоять и задумчиво сообщил:

— Отец Рика, воин Хладного Меча...

— Хладного Меча? — переспросила я.

— Да, особая тактика боя с использованием магии холода, — чуть скривился некромант. — Так вот, отец Рика, твой отец, совсем зеленый тогда еще Гаэр-аш, первый советник Дагас и воины моего клана, участвовали в уничтожении отступника Шерарна.

Наверное, было что-то такое в моем взгляде, что Норт решил развить тему:

— Идея была Дагаса, насколько мне известно. Он перехватил сведения о том, что магистр Ульгер Шерарн навестит любовницу в пригороде Дармада.

— Дармад — территории Дома Мечей, — продолжил Эдвин, — на наших территориях никакие военные операции не проводятся без участия воинов клана. Так отец Гарна получил приказ курировать захват отступника.

Обойдя стол, я поставила книгу на место на полке, повернулась к некромантам и спросила:

— Они его схватили?

— Убили, — ответил Норт. — Его, его сына и любовницу.

Мне стало не по себе от подобной информации, и вопросы как-то закончились.

— Удивлена, каким образом убили? — спросил Эдвин. — Достаточно просто: Дагас и твой отец Эриар — на тот момент сильнейшие боевые маги, Гаэр-аш самый одаренный некромант в королевстве, Наэт Гарн — воин, причем воин, владеющий техникой Хладного Меча. Вспомни, как мы победили отступника. Помнишь, Дан отвлекал магией, Норт совмещал некромантию, целительство и боевые навыки, я бил исключительно как воин. Понимаешь, один на один победить отступника нереально, как бы ты ни был силен, только вот так, действуя по схеме. В нашей схеме не было боевого мага и, по сути, это гарантия того, что мы должны были погибнуть в той схватке, но... — Эдвин неожиданно улыбнулся. — У нас оказалось кое-что гораздо лучше, чем боевой маг, у нас оказалась ты, наше сокровище.

— За это нужно выпить, — поддержал Норт и, подойдя, протянул мне бокал.

А едва я взяла, подвел меня к столу и провозгласил:

— За наше сокровище!

Парни выпили стоя, я чуть пригубила сладкое вино и почти сразу сделала еще глоток, а потом, когда все, включая Гобби, рассаживались, спросила:

— А что было дальше?

Норт как раз закусывал ломтем прожаренного мяса, Эдвин тоже жевал, и мне весело ответил Дан:

— Все сдохли!

— Что?! — воскликнула я и почти упала на стул.

Норт, сглотив то, что явно и не прожевал толком, укоризненно сказал:

— Дан!

— Она спросила, я ответил, — нагло произнес рыжий. И уже мне гораздо спокойнее:

— Первыми убрали предков Рика.

— Не только их. — Эдвин тоже прожевал и теперь присоединился к разговору. — Там двадцать семь человек пострадало...

— Пострадало? — переспросил Норт.

— Понимаешь, сложно сказать, что их убили, — Эдвин передернул плечом, — тела были живы.

Вспомнив рассказ Рика о смерти родителей, я поняла, на что намекает Эдвин — действительно, тела жили, ели, двигались, дышали, ждали хозяев замка и готовили убийство... Бедный Рик.

— Потом убрали семью Дагаса, насколько я помню? — спросил Дан.

— Да. — Норт ответил нехотя. — Двух братьев, их жен и детей, восьмерых детей самого советника Дагаса, его жену, родителей. Дагас и после посвящения в боевые маги в душе оставался крестьянином, вот и семью построил с девушкой из родной деревни... С тех пор так и не женился, и любовниц нет. То, что он жив, — работа моего отца. Советника, оглушенного горем, схватили и заковали прежде, чем он попытался хоть что-то совершить. Там, конечно, все понимали, что это дело рук отступников, но отец тогда обвинил в убийстве самого Дагаса и упрятал в магически защищенную тюрьму.

— О, Тьма, — пробормотала потрясенная я.

— Да, король приказал. — Норт поморщился. — Отец тогда сильно переживал, все опасались, что король прикажет довести абсурд до конца и казнить кен Дагаса за убийства его семьи. Но, прикрыв таким образом Дагаса, король упустил из вида твоего отца.

Я сделала еще глоток вина, после отставила бокал, вполне опасаясь расплескать содержимое, — руки дрожали.

— Кен Эриара загнали в ловушку, — продолжил Эдвин. — Я был там, когда твой отец погиб. — Воин бросил на меня несколько виноватый взгляд. — Не знаю, в курсе ли ты, но магистр Ульгер Шерарн был вторым отступником, которого убил твой отец. За первого с кен Эриаром тоже рассчитались кровью — всю его семью, родителей, братьев, сестер вырезали за одну ночь. Так что Эриар, когда Дагаса закрыли, оставил тебя и твою мать под защитой боевых магов и ринулся в погоню. Через месяц следы преступлений отступников привели его в наш Дармад. Отец тогда взял меня на операцию, но мы не успели подъехать, как гора рухнула. В пещере остался только кен Эриар, остальных он сумел выбросить, используя заклинание воздушного щита. А сам... С такими повреждениями не выживают, даже когда рядом находятся целители. Там их не было.

Эдвин замолчал, а я просто сидела как оглушенная. У меня не находилось слов. У меня не имелось мыслей. Мне впервые рассказали о гибели моего отца.

— Что меня поразило, так это то, что Гаэр-аш вышел сухим из воды, — задумчиво протянул Дан.

— Не вышел, — сухо произнес Норт. — Его берегли. «Дядя» приложил все силы к тому, чтобы сохранить жизнь того, кого решил сделать наследником. Так что Артана берегли, берегли настолько тщательно, что даже на мой день рождения в защищенный магией родовой замок Веридан он явился с десятком боевых магов. Да что говорить — Артана с любовницами наедине

не оставляли. А если упорствовал, король выдавал девиц замуж, практически мгновенно, пару раз за час умудрялись брачную церемонию провести. Стоит ли говорить, что более ни одна не просила наследника с ней уединиться, все были готовы на все и при свидетелях. В конце концов, Артан был наследным принцем, очень завидной партией, так что охота за ним велась нешуточная... и не прекратилась даже в создавшихся условиях.

— Ух, не знал, — хмыкнул Дан.

— Не хило, — вставил Эдвин.

Пожав плечами, Норт продолжил:

— Потом появилась Кеалир дас Эмоа, якобы дворянка из приграничных селений. Скромная, довольно привлекательная, юная, русоволосая, глаза сине-зеленые, губки миленькие.

— Ты был знаком? — спросил Дан.

— Как и все Дастел Веридан. Артан представил нам ее как свою невесту. Собственно там старейшины рода и заподозрили, что Кеалир никакая не леди. Сообщили о своих подозрениях королю и... Спустя неделю невеста Артана не проснулась.

Я опустила глаза, глядя на край стола и думая, как много может скрываться за обычной фразой «невеста Артана не проснулась». Просто фраза, а для кого-то, проснувшегося и осознавшего, что обнимает труп — удар на всю жизнь. И ужас, который так и остался в душе.

— И вот сегодня выяснилось, что причиной смерти красотки было не туманное происхождение, а связь с отступником — Тадором Шерарном, — продолжил Норт.

Естественно, я на подобное никак не отреагировала. Не хотела. И не хочу показывать, как мне тяжело.

— Что сказал король, Норт? — внезапно спросил Эдвин. — Что настолько тебя взбесило? Я тебя таким никогда не видел.

Никак не ожидала, что Дастел ответит. Но некромант, налив себе вина, молча выпил половину бокала, а после:

— Артан изъявил желание получить Рию. Король, — Норт словно выплюнул это слово, — поставил условие — если Гаэр-раш хочет Риаллин, он может забрать ее, но в этом случае получает и трон. В нагрузку.

Тишина в библиотеке стала почти оглушающей, а после Дан хрипло переспросил:

— Что?!

Ему никто ничего не ответил.

— Ректор запал на малышку?! — прохрипел Дан.

А после, потрясенно откинувшись на спинку стула, уставился на меня. Я просто не знала, куда глаза деть.

— Так это ректор тебя вчера разукрасил! — воскликнул некромант. — Вот мертвые гнилое... Гобби, не обижайся, тебя не имел в виду.

Зомби кивнул, мол, все понимает.

— Нет, ну гад! — продолжал возмущаться Данниас. — Так вот почему он ее в дом уволок! Где вы вообще их застали?

— В спальне, — сообщил Эдвин. — И да — ко дню рождения он тоже подготовился. Не хуже нашего.

Я просто закрыла лицо руками. Не хочу об этом думать, не хочу и не буду.

— Норт, Гаэр-аш ведь на трон не хочет, так? — спросил Дан. — Значит, откажется, в его возрасте ради женщин на такие жертвы не идут и...

— Сомневаюсь, — тихо вставил Эдвин.

— Есть еще одна проблема, — проговорил Норт.

Я убрала руки от лица и посмотрела на некроманта. Дастел глядел прямо перед собой и с каменным выражением лица сообщил:

— Если мы проиграем Королевские Мертвые игры, король отдаст Рию Танаэшу... в качестве приза.

На последней фразе голос его стал сиплым.

— Мразь! — выдохнул Дан.

Эдвин молча встал, вышел из-за стола, спустился вниз по лестнице.

Глухой удар был всего один, но от него затряслись стены. А после Харн влетел обратно, подошел к Норту, наклонился и, упираясь руками, одна из которых кровоточила из-за сбитых костяшек, торопливо заговорил:

— К Тьме Даграэша Четвертого, Норт! К Тьме его, слышишь? Я подниму кланы, за мной встанет весь юг Армерии, боевики на твоей стороне, некроманты за нас горой! К весне мы свергнем ублюдка, Норт.

— Да, — кивнул Дастел, а затем посмотрел на него и тихо спросил, — но какой ценой, Эдвин? Ты понимаешь, чем для страны обернется междоусобная борьба?

Харн ссутулился, опустил голову. Норт, не говоря больше ни слова, протянул руку, коснулся раны на ладони Эдвина, исцелил.

— Ты ведь не оставишь все так, да? — с надеждой спросил Дан.

Помолчав, Дастел ответил:

— Советник Дагас предложил два обходных варианта, я продумаю еще четыре. К тому же на играх переговорю с Ташши, он амбициозен, вполне адекватен, если правильно подать, сам откажется от «подарка».

— А если не откажется? — прорычал Эдвин.

— Сдохнет, — совершенно спокойно ответил Норт.

Дан сцепил пальцы в замок, завел руки за шею и, покачиваясь на стуле, поинтересовался:

— Готов пойти на конфликт с Рхане?

Я вообще после такого затаила дыхание, не желая верить в происходящее, а Норт тихо пояснил:

— У короля есть одна премерзкая черта — он окружающих видит насквозь. И... — пауза, — он бы не стал угрожать, что отдаст Рию Танаэшу, если бы не был уверен, что принц от такого не откажется. Это ведь не брак, это «приз» на одну, две, три ночи, тут уж как сиятельный принц пожелают.

Дан помолчал, а затем спросил:

— Мне вот всегда интересно было, а за что он тебя так ненавидит?

В этот момент я решила присоединиться к задаванию вопросов и тоже спросила:

— И мне вот очень интересно, а почему вы решили, что мы проиграем?!

Некроманты переглянулись, после уставились в свои бокалы.

— Мы не решили, Риа, — сипло ответил Норт, — просто ставки теперь... непомерно высоки, понимаешь? Есть ставки, при которых ты готов играть, есть те, при которых увеличивается азарт, а есть такие... которые не допускают даже мысли о проигрыше, и играть уже совершенно нет никакого желания, Риа.

Странное дело, я раньше вообще не задумывалась о победе, только о том, чтобы ребята не пострадали и с Гобби все получилось, а теперь...

— Хорошо, — продолжила я, — допустим мы проиграем. Допустим. Но, Норт, неужели ты думаешь, что я соглашусь быть призом для кого бы то ни было?

Дастел ответил не сразу. Сначала некоторое время крутил бокал в пальцах, после негромко произнес:

— Моей тете было девятнадцать, когда король сговорился о ее браке с герцогом шестого королевства. Герцогу было семьдесят. Естественно, тетька была не в восторге и отказалась в довольно грубой форме от заключения данного союза. Дядя выслушал ее заявление весьма спокойно, но спустя всего час тетька сама лично отправилась в покои высокого гостя и легла с ним в постель. Утром у нее просто не оставалось выбора, кроме как сказать «да».

Затем махом допив вино, Норт добавил:

— Я знаю лишь двоих, кем король не в состоянии управлять — Артан и я.

Принуждение...

Эта мысль промелькнула в сознании столь ярко, словно вспышка молнии.

Принуждение...

— «Эйш аггаран нуба», — задумчиво проговорила я.

— Что? — переспросил Эдвин.

— «Эйш аггаран нуба» — кровь влияющая, — пояснила, а затем, чуть подавшись вперед, тихо спросила: — Скажи, а ты видел, как король влиял на других? Он приказывал им словами?

Дастел был явно удивлен моим вопросом, но, подумав, отрицательно покачал головой и произнес:

— Нет, он молчал. Но как-то так происходило, что все начинали делать то, что ему требовалось.

Я взяла вино и махом выпила все до дна.

В голове крутились слова, написанные Гобби:

«Но воспоминания возвращаются. С каждым днем все больше, я помню, что ходил гордо, помню, что много писал, помню, что должен был совершить что-то важное. Очень важное... но умер. И даже когда умер, это незавершенное дело не давало погибнуть моему сознанию, оно умирало медленно. Очень медленно... А потом пришла ты, и запах твоей крови пробудил его снова. Я хотел есть, очень, но чувствовал, что тебе нужно помочь. Подавил голод. Много раз вспоминаю тот момент, твои глаза, запах крови, от которого озверели все, чье сознание погибло... А я проснулся, вынырнул из небытия».

Особенно это: «А потом пришла ты, и запах твоей крови пробудил его снова».

То есть запах моей крови пробудил спящее сознание Гобби. Моя кровь пробудила спящее в нем! А теперь получается, что моя кровь пробудила спящую в Норте силу влияния.

«Эйш уба рэг» — кровь измененная — да, это про меня.

Тадор действительно изменил мою кровь, но изменил как-то по-особенному, дав силу пробуждать скрытое в других.

— Давайте сегодня о хорошем, — предложил Норт, поднимаясь и разливая вино по бокалам.

Для Гобби и Пауля опять был волшебный ночной суп, Салли важно держала рюмочку.

— Так вот о хорошем, — продолжил Дастел, — я хотел бы...

— У тебя теперь она есть, — перебила я некроманта, беря свой бокал.

— Кто есть? — не понял Норт.

— Эта сила. — Я сделала маленький глоток. — «Эйш аггаран нуба» — кровь влияющая, то есть магия принуждения. Она спала в тебе, а сейчас...

Я улыбнулась и пожала плечами.

Норт с размаху опустил на стул, затем хрипло потребовал:

— Повтори!

Я посмотрела на всех, сидящих за столом, на торт, который Норт принес из своей комнаты и от которого я только кусочек съела, на второй торт, фруктовый, на кристаллы, развешенные по

стеллажам с древними книгами и едва заметно мерцающие, затем снова на Дастела и спокойно пояснила:

— «Эйш аггаран нуба» — кровь влияющая — это дар, встречается редко и только у выходцев из Хаоса. Пробуждается еще реже, но обычно не действует в отношении тех, у кого в крови этот дар спит. Видимо, у тебя и лорда Гаэр-аша он спал, но в тот момент, когда я соединила наши капли крови, активируя твой Эль-таим, этот дар проснулся. Я еще сегодня странности заметила. Так вот, ты можешь влиять так же, как и его величество. А может и сильнее, вероятно, дар действительно мощный, раз он так стремительно пробуждаться начал.

Несколько секунд Норт смотрел на меня, а после сдавленно произнес:

— За тебя, Риа, — и махом все выпил.

Я поддержала его тост, подумала, что в последнее время пить начала слишком много, вспомнила, что сегодня мой день рождения и решила, что сегодня можно. А потому, последовав примеру некромантов, выпила все до дна.

— За самую невероятную девушку! — был следующий тост, который произнес Дан.

И мы тоже все выпили.

— За тебя, наше сокровище, — провозгласил Эдвин.

И мы опять выпили, правда, я второй бокал на два тоста поделила, но все равно, поставив его на стол, ощутила легкое головокружение. Не такое, как вчера — в сон не клонило и не было чувства равнодушия ко всему, скорее ощущение легкости и радости на душе. И когда мы закусили горячими блюдами, Салли их специально подогрела, Норт спросил:

— Риа, а чего бы ты сейчас хотела?

Вопрос был странный, я как раз кромсала ложечкой торт.

— Подумай, — присоединился Дан, — вот чего ты никогда не делала на свой день рождения? И вообще, чего сейчас очень-очень хочется?

Я собиралась было ответить, но очень старательно отламывала кусочек торта, а тот не поддавался, из-за содержащегося в нем изюма, в итоге я не удержала ложечку, та соскользнула, изюминка вырвалась из коржа и, взлетев в воздух, шлепнулась Эдвину на его достаточно длинный нос.

— Шалить, — решила я.

— Что? — спросил наш суровый воин, стирая салфеткой крем с лица.

— Я бы с удовольствием пошалила, — искренне призналась я. — Вот этого я точно никогда не делала на свои дни рождения.

Некроманты переглянулись.

Гобби подскочил, сбегал к столу, написал чего-то на листке, а когда вернулся, продемонстрировал нам всем надпись:

«Всегда мечтал над газетчиками поиздеваться».

— То есть? — спросил Дан.

Гобби опять сбегал к столу, а когда вернулся, показал:

«Вы отвлекаете, Пауль и Салли отбирают рабочие блокноты, я пишу».

Эдвин молча встал, всем налил. Все выпили.

— Наши биографии не употреблять, — предупредил Норт.

Гобби радостно закивал.

И тут я поняла, что мне все это как-то уже не очень нравится.

— Слушайте, давайте не будем, — осторожно начала я. — Не будем же мы сейчас отлавливать газетчиков по темным углам и... И вообще все уже спят.

— Восемь вечера, — сообщил Эдвин.

— Никто не спит, и даже не собираются, все пьют на вечеринке, газетчики тоже там, — весело мне улыбаясь, добавил Дан.

— На какой вечеринке? — не поняла я.

— В честь твоего дня рождения, — рыжий сверкал широкой улыбкой.

— А... — я указала на стол, на мерцающие кристаллы, — это как?

Норт встал, обошел стол, подошел ко мне, протянул руку и, едва я поднялась, тихо сказал:

— Я подумал, что у тебя будет слишком паршивое настроение после всего и вечеринка тебя не порадует. Так что да, там все пьют без нас. Идем?

Мне как-то вовсе расхотелось куда-либо идти, но тут Гобби опять поднял листок с надписью «Всегда мечтал над газетчиками поиздеваться», и это все решило.

Через несколько минут я, заново причесанная, стояла у стены рядом с Даном в ожидании, когда вернутся Норт и Эдвин, которые умчались всех подготовить. Нежить убежала вместе с ними.

— Что будешь делать? — внезапно очень серьезно спросил некромант.

— Постараюсь всем улыбаться, — заметно нервничая, ответила я.

— Вопрос не про вечеринку, — парень протянул руку, сжал мои пальцы, — я про ректора...

Молча высвободила ладонь. Задумалась, после тихо призналась:

— Не сдамся.

Дан шумно выдохнул, затем тихо сказал:

— Мне сложно тебя понять, любая другая воспользовалась бы привилегиями.

— Я не знаю, как поступил бы кто-то другой, Дан, возможно, у них есть что-то еще, а у меня

есть только я сама и ничего больше. И если я себя потеряю, смысла жить дальше уже не будет.

Некромант помолчал, затем сказал:

— С завтрашнего дня начнутся усиленные тренировки, тебе нужно будет придумать что-то, чтобы Гобби смог выстоять на Королевских играх.

— Понимаю, — ответила я.

— Не понимаешь. — Дан повернулся, внимательно посмотрел на меня. — Формат игр полностью изменен, мы будем сражаться наравне с нечистью, и хитрость умертвия здесь обернется против тебя. А до финала ты будешь в команде.

Промолчала, глядя в стену перед собой.

И, словно повинувшись моему взгляду, стена неожиданно исчезла, открывая проход, в который я, естественно, шагнула, слишком поздно услышав возглас Дана:

— Риа!

Но отступить я уже не смогла — вены Некроса сомкнулись за моей спиной, оставляя только один путь — вперед.

Однако даже осуди меня кто-либо за трусость, я бы все равно не сдвинулась с места, потому что за пеленой мерцающего перехода отчетливо виднелся кабинет ректора. И страх, дикий заставляющий оцепенеть ужас, несмотря на хмель, будораживший кровь, охватил всю меня. Я не хочу туда идти, не хочу до крика! Я...

— Тебе бы лучше войти, Риаллин, — раздался усталый голос Гаэр-аша.

Нет.

Нет и все, с меня хватит!

И, развернувшись, я начала чертить знак. Тот знак, который показала мертвая леди и который открывал путь и...

— Рикьян Тарн не вернется в Некрос. — В голосе ректора послышалась откровенная насмешка.

И я прекратила чертить знак, затем, повернувшись, медленно направилась в кабинет главы Академии некромантии. Преодолела переход, шагнула на бордовый ковер и остановилась, не отрывая взгляда от пола. Мне очень хотелось спросить про Рика, но... наверное, я боялась.

К счастью, лорд Гаэр-аш не оставил меня в безвестности. Впрочем, это оказался единственный положительный момент в его словах:

— Норт мне не соперник, Риаллин, ведь ты не умеешь прощать, не так ли? — Я не ответила, продолжая смотреть исключительно себе под ноги. — Теперь не соперник и адепт Тарн, так как заканчивать свое образование он будет в Академии прикладной магии имени Визериуса Молниеносного.

Седьмое королевство! Наша Академия прикладной магии носила имя Арива Сириллы, величайшего артефактора, гения, изобретателя наиболее действенных защитных артефактов. Седьмое королевство... В этот момент я поняла, что больше не увижу Рика. Может, в

дальнейшем, через много лет, но, по сути... Между седьмым и четвертым королевством месяц пути верхом. Я больше не увижу Рика...

— Подойди, — раздался приказ ректора.

Я осталась стоять на месте.

— Подойди сама, иначе встать придется мне! — прошипел Гаэр-аш.

Медленно, на негнущихся ногах приблизилась к столу главы Некроса.

— Правую руку! — следующий приказ.

Не пошевелилась.

— Я сказал, протяни руку! — Гаэр-аш повысил голос.

Молча засунула обе руки за спину, продолжая смотреть на крышку стола и никуда больше.

— Знаешь, это твое молчаливое сопротивление бесит, Риаллин! — едва сдерживая ярость, произнес ректор.

Ничего не ответила. Мне вспомнился кабинет Гаэр-аша тогда, когда я оказалась здесь впервые и вздрагивала при виде любопытных приведений, летучих мышей со свертками в лапках, псов-умертвий, нетопырей... Но мне никогда не забыть, как лорд Гаэр-аш, жестом остановив поток словоизлияний отчима, посмотрел на меня и спросил: «Риаллин, это действительно ваше решение?» Он ведь был единственным, кто меня спросил. Именно меня. Потому что когда отчим привез в школу при факультете артефакторства, меня просто зачислили, не задавая вопросов...

— Руку! — требовательно повторил ректор.

Я сжала зубы и протянула.

Мое запястье он схватил мгновенно, и почти сразу я ощутила, как на мой безымянный палец натянули обжигающе-холодный ободок. Холодный настолько, что я вздрогнула, взглянула на руку и вздрогнула повторно, когда поняла, что не вижу на пальце никакого кольца.

— Родовая магия. — Гаэр-аш отпустил мою руку.

Несколько секунд молчания, затем тихое:

— Я влюблен в тебя, Риаллин, но не настолько, чтобы согласиться наследовать трон. И все же, — пауза, — если вы проиграете... Если Норт проиграет, я объявлю о свадьбе до того, как король подарит тебя Танаэшу. Свободна.

Только после этих слов я подняла голову и посмотрела на ректора. Гаэр-аш выглядел странно — распущенные по плечам темные волосы, усталые серые глаза, синяя шелковая рубашка с воротником стойкой, браслет из белого золота и странное выражение на лице.

— Хватит на меня смотреть, — ректор грустно улыбнулся, — не нравлюсь, знаю.

Я перевела взгляд с Гаэр-аша на ладонь, пошевелила пальцами — кольцо более не ощущалось, и видно его не было.

— Родовая магия, — устало повторил глава Некроса, — считайте, что мы с вами только что поженились, адептка Каро.

Вот теперь в его голосе послышалась насмешка. Я вопросительно посмотрела на ректора, под влиянием вина не поверив ни единому его слову. Как оказалось — напрасно!

— Прикоснитесь к основанию безымянного пальца, — приказал Гаэр-аш.

Я молча последовала указанию, и едва палец коснулся места, где предположительно могло находиться обручальное кольцо, оно действительно проявилось, продемонстрировав ободок из белого золота и странный рисунок, татуировкой разукрасивший мою ладонь морозным узором до самого запястья!

— Родовая магия. — Гаэр-аш хмыкнул. А затем произнес: — Если Норт сумеет обыграть Танаэша и вырвать победу, я сниму это кольцо, и никто никогда не узнает, но... — на скулах некрманта заиграли желваки, — в случае проигрыша, я обнародую бракосочетание, до того, как дядя...

Ненависть откровенно читалась на лице ректора. Ненависть не ко мне, а к тому, кто безжалостно использовал меня в качестве наживки. Видимо, король хорошо знал, что лорд Гаэр-аш поступит именно так, а не иначе. И в свете этого я решила на тихий вопрос:

— А есть опасность, что его величество желает проигрыша нашей команде?

Гаэр-аш откинулся на спинку кресла, сложил руки на груди, некоторое время пристально меня разглядывал, затем хрипло произнес:

— Умная девочка.

Я едва не застонала в голос, но после поняла — Норт тоже догадывается, что нам будут ставить палки в колеса.

— Лучше бы вам выиграть, — добавил лорд Гаэр-аш. — И у меня к тебе будет личная просьба, Риаллин.

Вопросительно взглянула на ректора, он улыбнулся и произнес:

— Не попадайся мне на глаза.

Удивление было сильным, но спрашивать о чем-либо я не стала, развернулась и торопливо направилась к сверкающему в стене проходу. Вышла в вены, взглянула на далекое едва видимое сквозь переплетающиеся прозрачные коридоры мертвое синее сердце Некроса, мертвое, но бьющееся, и позволила робкой надежде расправить крылья. Потому что в лучшее всегда хочется верить, а сейчас мне очень хотелось верить, что гордость ректора оказалась сильнее его страсти и он действительно больше никогда не попытается прикоснуться ко мне.

Наверное, я улыбалась, еще на душе вдруг стало очень легко. Легко настолько, что хотелось поделиться частичкой своей радости. Почему-то сразу подумалось о мертвой леди, но я видела лишь мертвое сердце Некроса и...

— Говорят, это сердце дракона. — Голос ректора прозвучал неожиданно близко. — По легенде, дракон принадлежал принцу Роану, наследнику империи Хешисаи, был предан Тьмой и побежден властителем Ада. Также ходят легенды, что тело дракона стало дворцом, и именно в

нем сейчас живут демоны Хаоса. А сердце здесь, Роан не мог спасти своего друга и спас его сердце, сокрыв в лесах Армерии. И вот давно разрушена Хешисаи, земли ее поработены Темной империей, а мертвое сердце дракона продолжает биться.

Вздвигнув при первых словах ректора, я сама не заметила, как расслабилась, слушая его рассказ.

— Время от времени некроманты проводят ритуалы, в попытке оживить сердце Некроса. Странная традиция, но она позволяет объединить лучших выпускников Академии некромантии, связывает их тайной, дает возможность прикоснуться к чему-то запретному, что находится за гранью восприятия. Когда-то я даже верил, что сумею заставить его биться, как живое...

— А сейчас оно бьется, как мертвое? — почему-то шепотом спросила я.

Ректор обошел меня, прикоснулся к прозрачной стенке вены Некроса, закрыл глаза и прошептал что-то.

Миг, и вена, словно ожив, стремительно изогнулась, и этот изгиб, в котором находились мы, понесся вниз. Я вскрикнула, но подавила в себе желание ухватиться за лорда Гаэр-аша, но он протянул руку, обнял меня за плечи и привлек к себе, не позволяя упасть.

А потом падение прекратилось, и мы оказались вплотную к сердцу размером с одноэтажный дом. Вплотную настолько, что я могла разглядеть черные мертвые сосуды, ощутить, как неравномерно бьется сердце... Мертвое сердце, от которого нас отделяла лишь тонкая прозрачная стенка вены. И можно было только представить себе исполинские размеры этого волшебного создания, волшебного настолько, что и сейчас, спустя века, его сердце продолжало биться. И я невольно протянула руку, касаясь прозрачной эластичной стенки, а хотелось бы прикоснуться к сердцу.

— Наверное, этот дракон был очень сильным, — выдохнула я.

— Полагаю, он просто безумно хотел жить, — усмехнулся ректор.

Сердце замерло. Оно и раньше билось неравномерно, а сейчас застыло без движения, и эта гнетущая тишина, словно туман, разлилась болезненным отчаянием. И мы стояли, а мертвое сердце продолжало безмолвствовать.

— Неужели все? — Лорд Гаэр-аш произнес это с немалой долей неверия, и в то же время в его голосе отчетливо прозвучала горечь. — Что, приятель, сдался?

И тихий, словно с невероятным усилием удар. Словно сердце услышало слова некроманта, словно устыдилось собственной слабости. А затем еще удар.

Я обернулась и увидела грустную улыбку скользнувшую по губам Гаэр-аша. Ректор на меня не смотрел и сказал он совершенно не мне.

— Правильно, сдаются слабаки, а ты слишком силен, чтобы радовать своих врагов.

И сердце Некроса вновь начало биться, устало, неровно, но биться. Оно не хотело сдаваться. Оно хотело жить вопреки всему. Как я его понимала... И как сильно мне захотелось попытаться оживить сердце Некроса. Захотелось настолько сильно, что появилась мысль вернуться, попросить Норта провести меня сюда, но внутри было пусто, я понимала, что мой резерв пуст

совершенно и использовать магию сейчас слишком опасно. Хотя...

— Лорд Гаэр-аш, а можно я подарю кое-что ему?

— Кому? — Ректор убрал руку с моего плеча.

Я указала на сердце.

Скептический взгляд некроманта заставил ощутить всю глупость собственного порыва, но:

— У меня ведь сегодня день рождения, — тихо напомнила я, опуская глаза.

Не знаю, как отреагировал на мои слова лорд Гаэр-аш, но спустя минуту напряженного молчания он зло произнес:

— Валяй. Я вскрою вену на тридцать секунд, достаточно будет?

Я кивнула, все так же глядя себе под ноги.

Не знаю, что сделал Гаэр-аш, но вена вновь изогнулась, поднявшись выше и оказавшись прямо над сердцем Некроса. После сверкнул клинок, как-то незаметно извлеченный ректором из ножен на поясе, и тогда я воскликнула:

— Подождите.

На меня гневно посмотрели, но некромант не произнес ни слова. Я же торопливо расстегнула ворот платья, сняла с шеи свой Эль-таим, извлекла кристалл из оправы, сжала в кулаке и, точно зная, что Гаэр-аш не одобрил бы моей затеи, попросила:

— Когда вскроете, сможете мне дать на мгновение кинжал?

— Зачем? — злой вопрос.

— Замочек нужно будет закрыть, — солгала я.

Ректор кивнул, а затем одним молниеносным движением вскрыл вену. Запах мертвечины, убийственный, сбивающий с ног, едва не привел к обмороку, но мне милостиво протянули кинжал, рукоятью вперед, и я сдержалась.

А затем быстро, так быстро как только могла, отшвырнула цепочку и рассекла ладонь, на которой лежал кристалл. Кровь показалась мгновенно.

— Риа! — взбешенный рык Гаэр-аша.

Но я уже уронила окровавленный кристалл на мертвое сердце Некроса, следом за ним полилась и моя кровь. Жаль — недолго. Некромант действовал быстро, схватил мою руку, туго перевязал, после прикоснулся к вене Некроса, и та, затягиваясь, понеслась вверх, унося нас от сердца, которое... больше не билось.

И все время, пока вена стремительно поднимала нас вверх, оно не билось...

Чтобы в итоге зайтись едва ли не в припадке, забившись столь сильно, что затряслось все вокруг, и вниз, мимо вен Некроса, понеслись камни, куски земли, глыбы скал. Я упала на четвереньки, не сумев удержаться на ногах, Гаэр-аш, что-то шепча, вскинул руки и вмиг

огромная пещера оказалась оплетена сетью защитной магии, вспыхнувшей зеленоватой паутиной.

И все прекратилось...

Перестали дрожать вены, прекратилось падение камней, и лишь сердце Некроса билось все быстрее и быстрее, чтобы спустя несколько минут забиться иначе — четко и размеренно, словно живое.

С тихим стоном сполз по стене вниз ректор, сел, согнув колени и упираясь в них локтями, внимательно посмотрел на меня. Гаэр-аш едва дышал, на его лбу сверкали бисеринки пота, глаза сейчас казались столь же синими, как и полурасстегнутая рубашка, в разрезе которой было видно, что шея и грудь ректора тоже взмокли. И не удивительно — паутинка защитной магии до сих пор оплетала всю громадную пещеру, и я даже представить себе не могла, какой силой нужно обладать, чтобы сотворить и удержать такое! А еще я понимала, что сейчас начнется моральная порка.

И она действительно началась:

— Отступническое отродье! — четко и емко охарактеризовал мой поступок лорд Гаэр-аш.

Я села, посмотрела на свою руку, со стремительно набухающей от крови повязкой, сжала кулак, пытаюсь хоть как-то остановить кровь.

— Дрянь! — не ограничился озвученным ректор.

Грустно улыбнувшись, я проследила за тем, как капли крови срываются с окровавленной ладони вниз. Нет, кровь определенно нужно будет исследовать, потому что отреагировало сердце Некроса именно на нее, Эль-таим столь быстрой реакции не дает. И когда я вернусь домой, наплюю на отчима и проведу все дни каникул в убежище, захвачу с собой сухари и воду и обязательно докопаюсь до истины.

— Ты ненормальная, — внезапно устало произнес Гаэр-аш.

Я прекратила смотреть на кровь, перевела взгляд на ректора и тихо спросила:

— А себя вы считаете нормальным?

Он не отвел взгляд, когда спокойно поинтересовался:

— Как ты полагаешь, падение многотонных глыб скальной породы на твою отравленную стремлением к чрезмерным экспериментам голову, способствует выживанию?!

Я вспомнила рассказ Эдвина о гибели моего отца, о себе почему-то в этот момент не думалось.

— Риаллин, если бы здесь с тобой был кто-то другой, вы бы сейчас сдохли! — прорычал Гаэр-аш. — Ты это осознаешь?

Осознание приходило медленно, и ясности в нем не было, потому как:

— Вы... вы же сами говорили, что неоднократно пытались его оживить! — воскликнула я. — Вы же...

— Да, Риа! — прошипел некромант. — Но, беда моя, ты не подумала своей головой о том, что

занимались мы этим в часе пешего пути от этого места?! И я тебе даже скажу почему — риск осознавали!

Я испуганно вздрогнула, невольно огляделась — повсюду подрагивали порванные, местами искореженные прозрачные трубки вен Некроса, в некоторых из них застряли острые осколки скал...

— Они восстановятся, — устало просветил ректор, — они, в отличие от нас, не живые.

И он откинул голову назад, упираясь в прозрачную стенку и тяжело дыша.

— Знаешь, — с трудом заговорил он, — отступники никогда не оставляют своих учеников, у них это не принято по одной-единственной причине — ваше сознание отравлено ядом вседозволенности. И вы нарушаете границы допустимого в магии постоянно, даже не задумываясь об этом. Именно поэтому отступники или забирают учеников с собой, или убивают. Странно, что Шерарн оставил тебя в живых.

Я могла бы промолчать, но не удержалась от замечания:

— Дядя Тадор не был отступником.

Усмехнувшись, ректор сказал:

— Тадор Шерарн не был вечным, Риа, но вот как раз отступником являлся в полной мере. Ты вообще осознаешь, кто такие отступники?

Не стала отвечать.

Гаэр-аш повернул голову, глянул на меня и пояснил:

— Отступники, это те, кто ставит магическую науку выше человеческих жизней, Риа.

Потрясенно смотрю на ректора, он улыбнулся и продолжил:

— Когда-то в Хешисаи существовал орден Тьмы — самый сильный из магических орденов, и успехи некоторых из членов откровенно поражали. Этим выдающимся нередко просили раскрыть тайну своего могущества, и однажды на заседании ордена они ее раскрыли — эксперименты с человеческой жизнью. Их осудили, заявив, что эти маги попрали каноны ордена, отринули этику и мораль, забыли заветы. Отступники — те, кто отступил от законов и правил, нарушил их, и большинство членов ордена потребовали казни для совершивших преступление. Часть казнили в ту же ночь, но некоторым удалось скрыться. Именно их именуют вечными, а тех, кто последовал их заветам — отступниками.

Некоторое время я сидела молча, обдумывая его слова, а после возразила:

— Дядя Тадор был человеком.

Тихо рассмеявшись, Гаэр-аш произнес:

— Тадор Шерарн родился в империи Хешисаи двести восемьдесят лет назад.

У меня опустились руки, кулак, который я так старательно сжимала, чтобы остановить кровь, бессильно разжался сам.

— Нет, он не вечный, — заметив мое потрясение, произнес ректор, — вечным был его брат, которого убил лично я. А Тадор нет, просто его душу вновь и вновь переселяли — Ульгерд любил своего брата, а быть может... боялся одиночества.

Из всего вышесказанного, меня больше всего поразил один факт:

— Убили вы?

Гаэр-аш усмехнулся, невесело совершенно и тихо ответил:

— Я был молод, nepозволительно самонадеян и стремился к тому, чтобы показать себя миру. Ко всему прочему у меня была своя собственная теория уничтожения вечных — оживление всех сущностей, что они впитали когда-то. Кстати — сработало.

— Сработало?

Ректор посмотрел на меня, уронив голову к левому плечу, а затем проникновенно поинтересовался:

— Ты действительно веришь, что там, в таверне, Норт и его команда окончательно убили вечного?

Мне вспомнилось, как отрубленная голова покатилаcь по снегу, и потому я кивнула.

— Они убили тело, — жестко пояснил Гаэр-аш. — Вечного это, несомненно, расстроило, но не помешало вселиться в иное в ту же ночь. Затем он потратит некоторое время на то, чтобы собрать растерянные сущности, ранее им поглощенные, затем перекроит новое тело по своему вкусу, а вот после этого — вернется.

Резко выдохнув, ректор сжал зубы и, преодолевая слабость, поднялся. Затем протянул мне руку, хотя его самого шатало. Поднялась без помощи, проигнорировав явственный скрежет зубов, как, впрочем, и последующее:

— Я пытался быть обходительным.

— У вас плохо получается, — не стала лгать я.

А затем вскинула голову и посмотрела ему в лицо. Наверное, сейчас, когда он едва держался на ногах, я просто перестала бояться.

Гаэр-аш улыбнулся, пристально разглядывая меня, затем спросил:

— Рука болит?

Отрицательно мотнула головой. Ректор хотел было что-то сказать, но не смог — его шатнуло настолько, что Гаэр-аш едва устоял, и то, лишь опершись рукой о стену, а я, каким-то немислимым образом оказалась рядом, обняла, пытаюсь поддержать, и зря я так сделала!

— Попалась, — заявил ничуть не обессиленный некромант, сжимая меня в крепких объятиях.

И сжал сильнее, вынуждая прекратить сопротивление, а когда я затихла, наклонился, и, скользя губами по виску, прошептал:

— Я быстро восстанавливаюсь — семейная особенность. Но вот что меня искренне удивляет в

тебе, Риа, так это невозможность играть по-честному.

— Отпустите! — потребовала я.

— Не бойся, долго держать не буду, — выдохнул уже у моей щеки Гаэр-аш, — просто хочу понять, почему ты мне отказала?

Дернувшись, я вскинула голову и окончательно попалась — некромант захватил мой подбородок, не давая ни отвернуться, ни избежать поцелуя, но едва коснувшись моих губ, вернулся к своему:

— Норт был откровенен с тобой, но лишь сейчас, когда стал скрывать собственные чувства, ты подпустила его ближе. Я был честен — в итоге отказ. И только Тарн лгал с самого начала, и именно ему ты ответила «да». Почему? Мне просто интересно знать.

Можно было бы промолчать, но я почему-то ответила:

— Рик не лгал. Он просто... ничего от меня не требовал.

Объятия разжались в тот же миг.

В следующий — открылся проход в стене.

И я, не оглядываясь, сбежала, чувствуя как дергает не только рану на руке, но и меня саму.

И практически с разбегу врезалась в Дана.

Тот отстранил меня, внимательно оглядел, держа за плечи на расстоянии вытянутых рук, после прижал к себе, обнял, тихо спросил:

— Хочешь вина?

Я оглянулась — проход в стене уже был закрыт. Молча кивнула, и вскоре мы сидели с рыжим за столом и пили. Точнее, пил он, я, отпив несколько глотков, заедала нервное состояние тортом. Руки тряслись.

— Рана откуда? — поинтересовался Дан.

— Пыталась оживить сердце Некроса.

— А-а, — меланхолично протянул парень, — что ж, надеюсь Гаэр-аш никогда не узнает, по чьей вине самоликвидировались два полигона...

— Что? — Я оторвалась от торта и потрясенно посмотрела на Дана.

— Иди это, в окошко глянь, — посоветовал он мне, разливая нам еще вина.

— Т-т-тут нет окон, — напомнила я.

— Не, Риюш, — Дан хмыкнул, — это раньше их тут не было...

И указал мне на дальний конец стены. Подскочив с места, я подбежала к тому месту, откуда ощутимо дуло, и с ужасом увидела ярко пылающие огненные шары над двумя разрушенными до основания бараками, где первые курсы проходили первую практику по упокоению самой

слабой, боящейся дневного света нежити.

— Хорошие были полигоны, древние правда и ветхие чуток, но хорошие, — произнес, протягивая мне бокал, подошедший Дан. — Пусть земля им будет удобна!

И мы выпили за полигоны.

— А я перепугался так, — продолжил Дан, обнимая меня за плечи и уводя обратно к столу. — Представляешь — ты ушла, я за тобой не успел, потом землетрясение это, башня с дырками, видать решила стать похожей на сыр, да и вообще, волнительно это все как-то. Кстати, ничего не чувствуешь?

Он усадил меня на мое место, обошел стол, сел напротив, долил мне вина, себе опять полный налил.

— А что я должна чувствовать? — потрясенно переспросила.

— Разуйся и поставь обе ноги на пол, — сказал некромант.

Последовала его совету и замерла — я ощущала ногами дрожь, такую, словно где-то под землей бьется сердце...

— Так, говоришь, ты оживила сердце Некроса? — меланхолично поинтересовался Дан.

— П-п-попыталась, — пробормотала я.

Сверкнула стена, открывая проход, и в башню стремительно вошел Норт.

— Как вы? — было его первым вопросом.

Мы отсалютовали ему бокалами и... да, выпили, даже я до половины бокала почти допила.

— Никто из вас не пострадал, не поранился, не перепугался? — уточнил Дастел.

Я подумала, что смысла скрывать нет, и продемонстрировала ему руку, перемотанную разбухшим от моей крови платком. Некромант мгновенно подошел, размотал повязку, накрыл рану руками и что-то прошептал. Боль исчезла мгновенно.

— Пострадавшие есть? — спросил Дан.

— Нет. — Норт продолжал лечить мою руку. — Перепугались значительно, но пострадавших нет. — Затем открыл глаза, посмотрел на меня и сообщил: — Гобби спаивает газетчиков. Кстати, Гаэр-аш вернулся, — пауза и тихое: — без Рика.

А я взяла и допила вино.

— Ты после такой дозы встать сможешь? — скептически поинтересовался Норт.

Съела вишенку с торта и демонстративно поднялась.

— Неплохо, — скептически похвалил Дастел, — а ворот платья почему расстегнут?

Молча развела руками.

Норт взялся застегивать крохотные пуговицы, затем спросил:

— Где цепочка с артефактом?

Вино, кстати, уже очень даже действовало, и потому я показала на пол.

— Упала? — не понял Дастел.

Отрицательно покачала головой и снова указала на пол.

— Не понял, — честно сообщил Норт.

— А я, кажется, догадался, — протянул Дан. — Она его подарила сердцу.

— Какому? — спросил Дастел.

— Мертвому, — счастливо улыбаясь, сообщила я.

Потрясенное молчание, а затем сиплое:

— Дан, мне тоже налей, пожалуйста.

Рыжий был щедрым некромантом и потому налил нам всем. Мы выпили.

А после Норт подал мне руку и спросил:

— Ты подаришь мне первый танец?

Я кивнула.

Отвечать уже было сложно — язык заплетался, голова кружилась и хотелось чего-то светлого, доброго и волшебного. Даже сказочного.

Но я даже не могла подумать о том, что все действительно так и будет — сверкающий яркий переход в вены Некроса, а оттуда в совершенно темное помещение, где все вмиг заискрилось, засияло и отовсюду понеслись крики: «С днем рождения!» Кажется, в моих глазах были слезы, и они сорвались с ресниц, когда я заметила, что в одном из углов огромного зала явная проплешина, в смысле не хватает кристаллов, и я сразу поняла, что это именно оттуда Эдвин их снял, чтобы в библиотеке развесить... Самый прекрасный день рождения на свете, который не смогли испортить ни король, ни ректор.

— Леди Риаллин, вы обещали мне танец, — напомнил Норт, ведя меня мимо всех в центр зала.

Наверное, я все же была слегка в нетрезвом состоянии, но именно это позволило забыть обо всем и обо всех присутствующих. И когда некромант обвил одной рукой мою талию, а второй обхватил дрожащую ладонь, все вдруг совершенно перестало иметь значение, кроме черных глаз Норта Дастела, его уверенных движений, и зала, украшенного мерцающими кристаллами, который закружился вокруг нас. И мелодия сменяла мелодию, мельком я замечала, что и другие пары стали танцевать в некотором отдалении от нас, но мы все же не смотрели больше ни на кого — мы любовались друг другом. Я тонула в черных с едва заметным фиолетовым отблеском глазах и видела в них отражение себя самой, красивой настолько, что дух захватывало, а Норт не отрывал взгляда от меня, и его невероятная, нескрываемо восхищенная мной улыбка внезапно стала самым приятным событием этого суматошного дня...

— Спасибо за сказочный день рождения, — прошептала я.

— Спасибо за то, что появилась в моей жизни, — так же тихо ответил он.

А потом был фейерверк. Яркий, огненный, освещающий все вокруг, и танцующие остановились, запрокинув головы и вглядываясь в небо... а мы продолжали танцевать. Я, ощущающая себя невесомой и такой красивой, Норт, крепко удерживающий меня в сильных надежных объятиях, и даже мир, что продолжал, мерцая, кружиться вместе с нами.

mir-knigi.org